МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 5 красавіка 2019 г.

Выпуск 18

Мінск МДЛУ
2020

УДК 94(476+430)
ББК 63.3(4 Беи) + 63.3(4 Гем)
Б43

Р э к а м е н д а в а н ы Рэдакцыйным саветам Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Пратакол № 8 ад 09.12.2019 г.

Р э д а к ц ы й н а я к а л е г і я: А. А. Каваленя (*адказны рэдактар*), С. Я. Новікаў (*намеснік адказнага рэдактара*), У. В. Здановіч, У. К. Коршук, А. М. Літвін, А. В. Шаркоў

Р э ц э н з е н т ы: доктар гістарычных навук, прафесар *В. М. Фамін* (БДПУ імя М. Танка); кандыдат гістарычных навук *С. У. Жумар* (Беларускі НДІ дакументазнаўства і архіўнай справы)

Канферэнцыя праведзена ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Гісторыя, культура, грамадства і дзяржава» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя), а таксама Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Падпраграма № 1 «Гісторыя і культура».

Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2019 г. Вып. 18 / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2020. – 224 с.

ISBN 978-985-460-963-8.

У выданні змешчаны матэрыялы выступленняў, у якіх аўтары на аснове дакументальных і гістарыяграфічных крыніц асвятляюць асобныя старонкі гістарычнага мінулага і сучаснасці Беларусі і Германіі.

Адрасаваны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй беларуска-германскіх адносін.

УДК 94(476+430)
ББК 63.3(4 Беи) + 63.3(4 Гем)

ISBN 978-985-460-963-8

© УА «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт», 2020

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРОРЕКТОРА МГЛУ ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ ПРОФЕССОРА Л. А. ТАРАСЕВИЧ

Уважаемые гости и участники конференции, дорогие коллеги и друзья!

От имени главы оргкомитета конференции – ректора университета Н. П. Барановой – разрешите приветствовать Вас на 18-й научной конференции «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» с участием ученых разных стран (в первую очередь Беларуси, Германии, Литвы, Польши, России), посвященной 75-летию освобождения Беларуси, которое отмечается в нашей стране, начиная с сентября прошлого года, в дни, когда 75 лет назад из-под германской оккупации были освобождены восточные районы республики, включая областной центр Гомель.

В фокусе нынешней конференции – биографии, события, факты времен Второй мировой и Великой отечественной войн. Беларусь, народ которой понес чудовищные потери в тот период истории, умеет ценить мир и прилагает все возможные усилия для мирного разрешения споров.

Конференция проводится в рамках Государственной комплексной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «История, культура, общество и государство». Ее особенностью в этом году является то, что она проходит в соответствии с Протоколом поручений Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и Федерального президента Германии Ф.-В. Штайнмайера о создании белорусско-германской исторической комиссии. Поиск новых источников, написание коллективных монографий с участием представителей двух стран открывает как близкие, так и далекие перспективы в исследовании малоизученных проблем источниковедения и историографии истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Такие результаты будут востребованы всеми, прежде всего молодежью. Поэтому значение конференции особенно актуально в деле науки, образования и воспитания.

Дорогие друзья! Разрешите объявить открытой 18-ю международную научную конференцию «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» и пожелать Вам успехов на ниве исторической науки.

ВЫЗВАЛЕННЕ БССР – ВЫЗВАЛЕННЕ БЕЛАРУСІ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІ ПАДЫХОД

К. Янеке

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ГЕРМАНО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1990–2019 гг. В ЗЕРКАЛЕ РАЗВИТИЯ МЕСТА ПАМЯТИ «ТРОСТЕНЕЦ»[1]

В предлагаемом материале я буду следовать за интерференцией между развитием германо-белорусских отношений в период независимости Республики Беларусь и памятью о национал-социалистическом месте уничтожения «Тростенец». При этом я исхожу из следующего тезиса: чем более дифференцированна память в Беларуси, тем больше готовности к политическому партнерству мы наблюдаем с немецкой стороны. В то же время с увеличением толерантности в исторической интерпретации и памяти все более равноправно оформляются политические отношения Беларуси и Германии. Получается, что политика и память на официальном уровне в обеих странах мотивированы диаметрально противоположно. Беларусь хочет преобразовать лагерь смерти «Тростенец» в часть национального нарратива и одновременно, не изменяя существующие основы коллективной памяти, достичь международного признания. Германия же хочет вписать «Тростенец» в пантеон общеевропейской памяти, пытаясь при этом перенести западный нарратив Холокоста. В политическом плане она стремится к укреплению роли Беларуси как моста в мирном процессе по Украине между ЕС и Россией.

Если мы говорим о Тростенце или Малом Тростенце, то это шифр для нескольких мест уничтожения [1; 2]. С одной стороны, это лагерь принудительной работы рядом с деревней Малый Тростенец, существовавший в 1942–1944 гг.; с другой – места массового уничтожения в урочищах Благовщина (1942–1943) и Шашковка (1943–1944) недалеко от лагеря, где была построена кремационная яма-печь для сжигания людей после их расстрела или удушения газом, а также бывший колхозный сарай как место массового уничтожения людей в конце июня 1944 г. Напомним, что с 1941 по 1944 г. лагерь смерти «Тростенец» был самым большим местом уничтожения на оккупированной территории Советского Союза. Начиная с 1942 г. в нем погибли по разным оценкам от 50 000 до 206 500 человек (путем расстрела, отравления газом, сжигания или содержания в нечеловеческих условиях). Жертвами были евреи из Беларуси, Германии, Австрии и Чехии, а также гражданское население, партизаны, подпольщики и советские военнопленные.

Лагерь около деревни Малый Тростенец существовал на территории бывшего колхоза имени К. Маркса с 1942 г. Там оккупанты создали аграрное предприятие, которое снабжало германские войска, полицию и СД сельхозпродукцией. В хозяйстве использовался принудительный труд

[1] Друкуецца ў аўтарскай рэдакцыі.

узников из Минского гетто, городских тюрем и лагерей для военнопленных, а также местное население из прилегающих деревень. Уже с ноября 1941 г., т.е. через 4,5 месяца после нападения национал-социалистической Германии на Советский Союз, сначала в расположение Минского гетто, а позже непосредственно в Тростенец прибыли поезда с более чем 22 000 евреев, депортированных с территории германского рейха [3]. За небольшим исключением они были расстреляны в урочище Благовщина около рабочего лагеря «Тростенец» или задохнулись в мобильных газовых автофургонах. В условиях приближения Красной армии в октябре 1943 г. немцы начали устранять следы своих преступлений. Вместо этого места уничтожения было создано новое, которое находилось рядом с лагерем в урочище Шашковка, известное как кремационная яма-печь для расстрела и сжигания людей. По состоянию на июль 1944 г. здесь было уничтожено примерно 50000 человек. В последние дни (29 и 30) июня 1944 г. оставшиеся узники минских тюрем и самого лагеря были убиты, а затем сожжены в бывшем колхозном сарае рядом с деревней Малый Тростенец. В день освобождения Минска 3 июля 1944 г. солдаты Красной армии, войдя в Тростенец, нашли разрушенные и сожженные здания, а также сооружения на территории бывшего трудового лагеря.

Первый этап официальных германо-белорусских отношений длился с 1991 по 1994 г. [4; 5]. Тогда многие слои белорусского общества охватил дух возрождения. Одним из новых элементов той фазы была попытка исторической переоценки советской интерпретации Великой Отечественной войны как центрального ориентира государственной исторической политики. «Тростенец» в то время еще не стал знаковым явлением в общественной жизни ни в Беларуси, ни в Германии, а возникавшие локальные инициативы не смогли положить начало проведению специальных исследований и формированию общественной памяти.

Второй период начинается с выборов в 1994 г., когда Президентом страны стал А. Г. Лукашенко. Важной частью его исторической политики явилось осознание значения Великой Отечественной войны. Отношения с Германией, а также с ЕС в целом заметно ухудшились. Самой плохой их точкой стали выборы в декабре 2010 г. и их последствия. Далее были односторонние санкции, после которых наблюдалось обоюдное сближение. В официальном контексте того времени еще не было определено отношение к местам массового уничтожения в районе деревни Малый Тростенец.

В начале 1990-х гг. на это место обратила внимание широкая общественность. Одним из первых эту тему поднял в своем документальном фильме В. Колас [6]. Вторым можно назвать имя известного архитектора Л. М. Левина. Как председатель Союза еврейских общин он привнес новый аспект в обсуждение, что влияет на политическую и общественную память: память о еврейских жертвах в Тростенце и жертвах Shoa в Беларуси в целом. Благодаря ему в 2002 г. установили мемориальный камень в Благовщине, который впервые напоминал о евреях как особой группе жертв.

В двусторонней белорусско-германской памяти одним из важных событий на этом этапе явилось открытие Исторической мастерской в Минске в 2003 г. при Международных образовательных центрах (МОЦ) в Дортмунде и Минске. В числе задач, которые поставлены перед ней, – исследование истории и сохранение памяти о Минском гетто и лагере смерти «Тростенец».

Третий период отношений на межгосударственном уровне начался в 2015 г., когда политика Германии и ЕС повернулась в сторону нормализации отношений с Беларусью, особенно в связи с тем, что страна начала играть роль моста между ЕС и Россией в мирном процессе по Украине. В этой фазе мы имеем две вехи. Обе подчеркивают взаимодействие политических отношений с конъюнктурой культуры памяти. Речь идет, с одной стороны, о немецко-белорусской передвижной выставке «Лагерь смерти Тростенец. История и память», с другой – о реализации межгосударственного проекта по мемориализации ландшафта его исторической территории. Идея открытия выставки и создания мемориала для ранее маргинализированной памяти о Холокосте в Беларуси являлась в глазах Германии признаком развития гражданского общества, что мотивирует углубление отношении, тогда как белорусская сторона оценивает свои концессии в сторону партнера как шанс улучшить свой имидж во внешней политике. Оба проекта нужно рассматривать в свете исследования и памяти Холокоста в Беларуси [7].

Идея выставки реализовывалась по инициативе МОЦ в Дортмунде и Минске в многолетнем процессе [8; 9], в котором участвовали историки из Беларуси, Германии и Чехии, а также первоначально из Австрии. Творческое сотрудничество начиналось в 2014 г. Открытие выставки состоялось сначала в ноябре 2016 г. в Гамбурге, а затем в марте 2017 г. – в Минске. С тех пор она побывала в различных европейских странах и городах. Целью проекта является донесение информации об историческом месте с перспективой включения Тростенца в общеевропейскую культуру памяти.

Выставка состоит из фотографий, текстов и мультимедийнных средств и доступна в немецко-русском и немецко-белорусском вариантах. Главная целевая группа – учащиеся и студенты. Выставка финансировалась из средств Министерства иностранных дел ФРГ при поддержке фонда «Памятник убитым евреям Европы» в Берлине и открывалась с участием высокопоставленных политиков. Она документирует исторический контекст и напоминает о жертвах, представляя среди всего прочего отдельные индивидуальные судьбы. Фокус высвечивает культуру памяти в тех странах, откуда происходили жертвы. Также речь идет о преступниках и уголовно-правовом преследовании. Материал выставки – из белорусских, немецких и других европейских архивов и музейных учреждений, в том числе из Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны в Минске. Сопровождает передвижную выставку двуязычный каталог.

Важно отметить, что значение проекта нужно искать в самом сотрудничестве, в пройденном пути. На этом этапе мы бурно дискутировали и спорили, искали компромиссы и испытывали политическое давление. С современной позиции обратим внимание на следующие 4 пункта.

1. Оказалось спорным само название: место уничтожения (по-немецки *Vernichtungsort-* или *-stätte*), или концентрационный лагерь, или лагерь смерти, или лагерь уничтожения. Исходя из цели создать выставку, а не разрабатывать исследовательский проект, мы договорились о распространенной в странах терминологии. В русском называется *лагерь смерти*, в немецком – *место уничтожения*.

2. Вызывал дискуссию вопрос количества жертв. В конечном счете он был решен в пользу идеологической позиции, а не научных результатов исследования [1, S. 138; 10; 11; 12; 13, S. 2–4; 14].

3. Данный пункт спора был связан с выбором биографий, а значит, и с категорией жертв. Отметим, что здесь прагматизм побеждал объективные, научные критерии, так что выбор пропорционально не соответствует фактическим жертвам [10; 11].

4. Спорным моментом оказался и показ преступников. В Беларуси им не придают особого значения как преступникам, даже не называют их имена, чтобы посмертно не оценивать. В Германии есть и другая перспектива – изучение истории преступлений. Эта тема является естественной частью исторической документации. После длинных обсуждений этот аспект был включен в экспозицию выставки, но показан в контексте послевоенных юридических судебных процессов.

Обсуждалась и тема оформления выставки. В Германии при создании передвижных выставок, а также мемориальных мест и исторических документальных выставок принято прагматичное оформление с фокусом на информационном характере презентации. В центре внимания находится индивидуальный посетитель. Из этого следует, что выставка предлагает содержательные, короткие тексты и дополнительные средства информации для дискуссии, в дизайне присутствуют, например, большие фотографии, яркая структура и система ориентации. Кроме того, библиографическими данными снабжены все экспонаты.

Иначе в Беларуси. На передний план выступает эмоциональная вовлеченность посетителей. Речь идет не об объеме и новизне информации, но о том, как можно включить тему в известные нарративы. Фокус сделан на группах, поэтому выставка предлагает меньшее количество текстов и аннотаций (эта информация сообщается в экскурсии).

Наряду с выставкой формирование мемориального ландшафта демонстрирует, насколько развивается память в политическом контексте. Главные актеры здесь МОЦ (Дортмунда и Минска) и город Минск [15]. С немецкой стороны поддерживали этот процесс Министерство иностранных дел Германии и города, из которых евреи были депортированы, Народный союз Германии по уходу за военными могилами, пожертвования от частных лиц и от фондов и церквей.

Первоначально белорусская сторона предложила план по устройству мемориала еще в 2003 г. Но он не был реализован. Кроме того, он не включал один их важных исторических элементов – урочище Благовщина, в то время как это место очень важно для немецкой стороны, потому что именно там

уничтожали западноевропейских евреев. Конкретное планирование для всей территории началось в 2012 г. Разрабатывали проекты архитектурное бюро «Минск-проект» и мастерская под руководством Л. М. Левина и его дочери Галины. В итоге возникли две очень разные концепции. Это указывает на трудности в создании всего проекта в Тростенце, реализация которого предусматривалась поэтапно. При этом следует отметить, что каждая часть успешно реализовывалась.

На первом этапе строительства мемориала 22 июня 2015 г. были торжественно открыты Врата памяти, представляющие что-то вроде символического входа на территорию трудового лагеря. Церемонии в 2014 (закладка памятной капсулы на месте создания комплекса) и 2015 гг. показывают, как Беларусь намеревается вписывать память в контекст существующей коллективной памяти и в то же время использовать западную память Холокоста для своих внешнеполитических целей. В 2014 г. Президент Беларуси, не называя конфликт в Украине, установил связь с современной борьбой против «фашизма». В ходе открытия мемориала в 2015 г., сначала запланированного на символичную дату дня Победы 9 мая, в речи Главы Белорусского государства были подчеркнуты успехи «советской нации» в ходе завершения войны. Тростенец был поставлен в ряд европейской памяти о Холокосте рядом с Освенцимом, Майданеком и Треблинкой. То, что оба намерения связывать воедино было не так легко, показала также практика проведения торжеств. В 2014 г., когда закладывалась капсула, были проведены ружейные залпы, традиционные при организации советских ритуальных мероприятий, но для западных участников винтовочные выстрелы означали напоминания о расстреле самих жертв. В июне 2015 г. эта часть церемонии была заменена на запуск белых голубей.

В 2017 г. началось строительство второй очереди мемориального комплекса в урочище Благовщина. В этом контексте возникли новые вызовы: с одной стороны, увеличение роли «Минск-проекта» в программе архитектурной мемориализации, с другой – связанное с этим ограничение роли проекта, подготовленного под руководством Л. М. Левина. На наш взгляд, очевидно, что за этим стояло политическое намерение наложения советского штампа на официальную концепцию памяти в этой части. 29 июня 2018 г. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко вместе с федеральными президентами Германии и Австрии Ф.-В. Штайнмайером и А. Ван дер Белленом открыли вторую очередь мемориального комплекса «Тростенец» в урочище Благовщина.

Содержание речей показывает различия подходов к памяти [16; 17]. Белорусский Президент А. Г. Лукашенко остается в советском видении проблемы как в терминологии, так и политической инструментализации события. Правда, он впервые публично удостаивает вниманием еврейских жертв, принимает желтые именные таблички, прикрепленные к деревьям и создающие общий фон для официальных выступлений. Таблички, напоминающие об индивидуальных еврейских жертвах, – это аспект памяти,

которому не было места в советском нарративе. Но он называет только евреев из западноевропейских городов, не упоминая убитых белорусских евреев и включая их в группу «мирных гражданин», таким образом, закрепляя в памяти признанные группы жертв. От памяти о «зле» в общем смысле он наводит мост к сегодняшней угрозе миру. Это дает возможность ссылаться на переговоры с президентами Германии и Австрии, подчеркивая особую роль Республики Беларусь, которая вносит свой вклад в сохранение стабильности и мира в Европе.

Иначе расставлены акценты в речи президента Ф.-В. Штайнмайера [18]. Он остается верен историческому развитию событий, перечисляет группы жертв, называет имена и адреса немецких преступников, упоминает коллаборационизм, описывает акции уничтожения, признает ответственность за прошлое как немецкий долг. Это – задний план, перед которым он открывает перспективу на «историческую память европейцев», куда он включает Беларусь, не называя при этом актуальные политические вызовы.

Итак, оба политика нацелены на Европу и взаимное сотрудничество, однако имеют в виду разное: цель внешнеполитического признания и включения в международные процессы противостоит желанию транснациональной памяти и кооперации, которая может быть нормативным основанием политической кооперации.

Также важно напомнить об открытии в конце марта 2019 г. на территории бывшего трудового лагеря нового австрийского мемориала под общим названием «Массив имен». Однако его включение в общий процесс памяти о Тростенце требует отдельного текста [19; 20; 21; 22]. Наконец, в 2019 г. еще предстоит завершение строительства мемориала в Шашковке.

То, что мы имеем сегодня, – результат взаимодействия разных культур памяти [23; 24], разных традиций оформления, а также разной политической инструментализации обеих сторон. В проекте города Минска остро чувствуется политический заказ: фокус лежит на оформлении паркового ландшафта с памятниками, посетитель приглашается на пассивное рассмотрение. На всех расположенных на территории мемориального комплекса информационных досках Холокост и евреи не указываются как группа жертв, речь идет о «депортируемом гражданском населении из европейских стран». Только на камне, поставленном в урочище Благовщина, упоминается о «еврейском населении». Изначальная цель проекта Л. М. Левина – развивать коллективную европейскую память. Поэтому он стремился к использованию западного нарратива о Холокосте. В художественном плане его архитектурные решения нацелены на активность посетителя, провоцирование дискуссии с постановкой сложных вопросов. Австрия, в свою очередь, фокусируется на национальной точке зрения о жертвах, дистанцируясь при этом от европейской перспективы, а также от общей инициативы, выдвинутой при участии Германии как бывшей наследницы преступной немецкой нации.

Исходя из того факта, что жертвы Тростенца происходили из различных европейских стран, он является чисто европейским местом

памяти. На пути его создания были достигнуты важные успехи. Однако остаются проблемы с экспозиционной точки зрения. Во-первых, требуется информационное обеспечение всей территории мемориала с использованием системы ориентации и информирования. Возникают принципиальные вопросы в связи с организацией и проведением белорусской стороной экскурсий и педагогической работы «Белорусского культурного центра духовного Возрождения», находящегося в ведении Белорусской православной церкви. Немецкая сторона предлагает создание единого документального центра, как это работает в мемориальных местах (Gedenkstätten) в Германии. Названные выше факторы являются причиной того, почему в нашем тексте последовательно говорится о мемориальном ландшафте, но не о мемориальном комплексе или музее (Gedenkstätte). Во-вторых, разные подходы обеих стран к этому «травматическому месту» [25] остаются очевидным вызовом. Беларусь фактически вписывает память в советский или теперь белорусский национальный нарратив, в котором в фокусе остаются как героические защитники отечества, так и трагедия мирных жертв. Это происходит с помощью давно известных ритуалов. В то же время официальные представители используют память в своих целях на еврпейской сцене, в политической сфере. Тростенец инсценируется по-европейски, диалог с Германией проводится в этом духе, однако фактически происходит другое: отделение исторических мест друг от друга и несовместимые художественные концепции подчеркивают национальную точку зрения. За этим видится политическая тактика, которая связана с позиционированием Беларуси между Россией и Европой. Более того, таким образом можно оправдывать ожидания белорусских евреев (усиление общественного внимания к ним и признание их жертвами) и белорусов (в контексте равного обращения ко всем группам жертв, а не в «предпочтении» еврейских жертв). То, что отношение Беларуси в этом вопросе в конечном счете чисто прагматичное, указывает и политика по отношению к Австрии.

Интересы Германии нацелены на противоположное – на общеевропейскую культурную память и политическую кооперацию. Но и здесь исторические факты также ставят в повестку дня новые вопросы. Таким образом, немцы исходят из того, что транснациональная память может жить исключительно при условии распространения западного нарратива о Холокосте. Если мы рассматриваем опыт по сохранению памяти в описанном периоде, то можно также сделать вывод о том, что «экспортируемые из Германии форматы памяти нагружены так же национальной концепцией, как и белорусские» [26].

В заключение поставим главный вопрос о перспективах развития мемориального ландшафта в Тростенце. Как видим, нам нужно еще больше знаний друг о друге, в том числе о культуре памяти в обеих странах, так как белорусская память о Второй мировой войне не всегда адекватно включается в контекст дискуссии о европейской памяти. Возможный подход предлагает концепция «универсализации зла» или «освобождения памяти от лока-

лизации», модель которой разработана в последнее время Д. Леви, Н. Снайдером и Д. Александром [27; 28], исходящая из того, что Холокост – метафора, что память о нем может быть мостом к памяти насилия в других исторических контекстах и коллективах. Тогда это может быть основа для транснациональной культуры памяти или «универсальной нравственной памяти человечества» (J. Alexander). Это стало бы шансом того, «что незападные нации кодируют свой опыт травмы, преобразуя их в функциональные эквиваленты Холокосту» [28, с. 262]. Если бы это удалось, то Германия и Беларусь могли бы учиться делить свой травматический опыт между собой и ценить жертвы другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dalhouski, A.* Zur Geschichte der Wahrnehmung vom Vernichtungsort Malyj Trostenec / A. Dalhouski // Der deutsche Vernichtungskrieg 1941–1944 und die Vergegenwärtigungen des Geschehens nach 1989 / A. Klei; K. Stoll. – Berlin: Neofelis, 2019. – С. 134–148.
2. *Богданова, А.* Лагерь смерти в окрестностях деревни Малый Тростенец (ноябрь 1941 – октябрь 1943 гг.) / А. Богданова // Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. / Минск. междунар. образов. центр им. Иоханнёса Рау. – Минск: Логвинов И. П., 2011. – С. 113–123.
3. Список транспортов [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : http://zeitzeugenarchiv. gwminsk.com/ru/sources. – Дата доступа : 11.04.2019.
4. *Sahm, A.* Von der BSSR zur Republik Weißrußland – Belarus (1988–2001) / A. Sahm // Handbuch der Geschichte Weißrusslands / D. Beyrau; R. Lindner. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. – S. 178–196.
5. Aussenpolitik von heute [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : https://www.auswaertiges-amt.de/de/ aussenpolitik/laender/belarus-node/-/201910. – Дата доступа : 11.04.2019.
6. Золотоискатели [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v =xyLpzM-h2aA. – Дата доступа: 11.04.2019.
7. *Sahm, A.* Holocaust Memorials in the Belarusian Culture of Remembrance / A. Sahm // Killing Sites: Research and Remembrance / Intern. Holocaust Remembrance Alliance [u.a.]. – Berlin: Metropol, 2015. – С. 191–203.
8. Vernichtungsort Malyj Trostenez. Geschichte und Erinnerung [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: https://www.stiftung-denkmal.de/ ausstellungen/2016-vernichtungsort-malyj-trostenez-geschichte-und-erinnerung. – Дата доступа: 11.04.2019.
9. В Гамбурге открылась белорусско-немецкая передвижная выставка [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : http://ibb-minsk.by/ educational-%D1%81enter/news/v-gamburge-otkrylas-belorussko-nemeckaya-peredvizhnaya-vystavka. – Дата доступа : 11.04.2019.

10. *Rentrop, P.* Tatorte der „Endlösung“. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin : Metropol, 2011. – S. 211–212.
11. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg : Hamburger Edition, 2000. – S. 770.
12. *Новікаў, С.* Мінскае гета і Малы Трасцянец: новае даследаванне / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3. – С. 25–33.
13. *Dalhouski, A.* Zur Transformation des sowjetischen Gedenkortes bei Malyj Trostenez in einen gesamteuropäischen Erinnerungsort / A. Dalhouski. – 2019.
14. Предисловие / В. И. Адамушко [и др.] // Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : http://archives.gov.by/index.php?id=973276. – Дата доступа : 11.04.2019.
15. Der Weg zu einer europäischen Gedenkstätte Trostenez [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : https://ibb-d.de/erinnern/gedenkstaette-trostenez/der-weg-zu-einer-europaeischen-gedenkstaette-trostenez/. – Дата доступа : 11.04.2019.
16. Информация об участии Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в церемонии закладки памятной капсулы на месте создания мемориального комплекса «Тростенец» // Тростенец: Трагедия народов Европы, память в Беларуси: док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол. : В. В. Андриенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – С. 441–444.
17. Информация об участии Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в митинге-реквиеме «Врата памяти» [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/uchastie-v-mitinge-rekvieme-posvjaschennom-pamjati-zhertv-natsizma-na-territorii-byvshego-lagerja-smerti-19019/. – Дата доступа : 11.04.2019.
18. Речь Ф. В. Штайнмайера [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/ 2018/06/180629-Belarus-Trostenez. – Дата доступа: 11.04.2019.
19. Ermordet in Maly Trostinec. Die österreichischen Opfer der Shoa in Weißrussland / W. Barton // Wien: new academic press. – 2012.
20. Выступление Федерального президента Австрии А. дер Беллена (29.6.2018) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/politik/europa/974209-Van-der-Bellen-erinnert-an-Oesterreichs-Holocaust-Mitverantwortung. – Дата доступа : 11.04.2019.
21. Открытие мемориала в присутствии канцлера Австрии в 28.3.2019 [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : https://www.sb.by/articles/lukashenko-i-kurts-v-trostentse-otkryli-monument-massiv-imen. – Дата доступа : 11.04.2019.
22. Семинар по концепции мемориала (29.3.2019) [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : https://www.bsu.by/main.aspx?guid= 235071&detail= 998383. – Дата доступа : 11.04.2019.
23. *Janeke, K.* Erinnerungskultur und Geschichtspolitik in Belarus / K. Janeke // Belarus-Analysen. – 2018. – Nr. 37. – S. 9–13.

24. *Echternkamp, J.* Der Krieg in europäischen Erinnerungskultur / J. Echternkamp [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа : http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/der-zweite-weltkrieg/199414/der-krieg-in-europaeischen-erinnerungskulturen. – Дата доступа : 11.04.2019.
25. *Assmann, A.* Der lange Schatten der Vergangenheit / A. Assmann. – München: C.H. Beck, 2006. – S. 221–226.
26. *Waligórska, M.* Remembering the Holocaust on the fault lines of East and West-European memorial cultures: the new memorial complex in Trastsianets, Belarus / M. Waligórska // Holocaust Studies. A Journal of Culture and History. – 11.12.2017. – P. 18.
27. *Levy, D.* Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust / D. Levy, N. Snaider. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2001.
28. On the social Construction of Moral Universals / J. Alexander [u.a.] // Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley: Univ. of California Press, 2004.

С. Я. Новікаў

ВЫЗВАЛЕННЕ БЕЛАРУСІ Ў1943–1944 гг. У КАНТЭКСЦЕ СУЧАСНАГА НАВУКОВАГА НАРАТЫВУ

Памяць аб вызваленні Беларусі, 75-гадавіну якой адзначае наша краіна, шмат у чым вызначае фармат сучаснага гістарычнага дыскурсу пра баявыя падзеі на беларускай зямлі ў канцы 1943 і ў 1944 г. Наш чарговы юбілей, да моманту святкавання якога выраслі цэлыя тры пасляваенныя пакаленні беларусаў, з'яўляецца тым важным рубяжом, што вымагае ад нашчадкаў гістарычнай Перамогі адэкватнай даследчыцкай рэфлексіі, адпавядаючай не толькі патрабаванням цяперашняга часу, але і сучаснаму навуковаму ўзроўню вывучэння Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.

У такім кантэксце аўтар прапануе некаторыя вынікі кампаратыўнага аналізу чатырох нацыянальных гістарыяграфій – беларускай, расійскай, польскай і нямецкай. У фокусе нашага даследавання знаходзяцца баявыя дзеянні Чырвонай арміі па вызваленні Беларусі ў 1943–1944 гг. Таксама актуальнасць гэтаму даследчаму накірунку надаюць наступныя падставы. Па-першае, той факт, што супастаўленне розных вынікаў з'яўляецца адной з найбольш прадуктыўных плыняў усебаковага вывучэння гісторыі баявых дзеянняў часцей Чырвонай арміі і Германскага вермахта, а таксама перспектыўнай формай набліжэння айчынных даследаванняў да сусветнай гістарычнай навукі. Па-другое, у самой кампаратывістыцы ў апошні час набірае моц тэндэнцыя да сінтэзу даных, атрыманых прадстаўнікамі розных гістарыяграфічных школ ці нацыянальных гістарыяграфій (выдатным прыкладам тут з'яўляецца цяперашняе супрацоўніцтва беларускіх гісторыкаў з іх расійскімі і нямецкімі калегамі). Па-трэцяе, вырашальным фактарам для пашырэння сферы выкарыстання кампаратыўных ведаў стала знікненне

жалезнай заслоны, у выніку чаго з'явіліся больш спрыяльныя магчымасці для правядзення грунтоўных гістарычных даследаванняў на базе шырокага выкарыстання дакументальных крыніц процілеглых бокоў.

І ў рэшце рэшт становіцца больш відавочным, што факт знаходжання любой з нацыянальных гістарыяграфій у фармальных рамках папярэдніх тэарэтычных канцэпцый, традыцыйных напрацовак і метадычных падыходаў пакідае яе далёка ад перадавых гістарычных ведаў. Таму на парадку дня стаіць важная задача аб правядзенні параўнаўчага аналізу тэарэтычных падыходаў, замацаваных у навуковых канцэпцыях па гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг., вызначэнні метадалагічнага ўзроўню іх галоўных базавых палажэнняў, а таксама выяўлення ступені пераканаўчасці фактычнай аргументацыі ў сучасных гістарычных даследаваннях.

Аналіз навуковых даследаванняў згаданай вышэй праблематыкі ў чатырох нацыянальных гістарыяграфіях паказаў, што гісторыкі беларускай і расійскай не толькі выкарыстоўваюць адзіную дакументальную базу, але і зыходзяць з агульнай базавай парадыгмы з яе фундаментальнымі навуковымі ўстаноўкамі, ўяўленнямі і тэрмінамі, а таксама з устойлівымі даследчыцкімі ацэнкамі ў дачыненні да прычын, ходу і вынікаў баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі цягам яе вызвалення пачынаючы з канца 1943 і да лета 1944 года.

Увогуле мне да гэтага часу падавалася, што гісторыя баявых дзеянняў у ходзе Беларускай стратэгічнай наступальнай аперацыі 1944 г., як і іншых наступальных аперацый па вызваленні Беларусі, павінна быць даўно добра даследаванай. Аднак гэта не так.

Б е л а р у с ь. Зыходным момантам для разгляду баявых дзеянняў Чырвонай арміі па вызваленні тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг. возьмем факталагічны нарытыў з энцыклапедыі савецкага часу «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945» [1]. Яго аналіз дазваляе адразу ж убачыць, што баявыя падзеі восені і зімы 1943/1944 гадоў і лета 1944 г. не адлюстроўваюць дзеянні Чырвонай арміі на першым этапе вызвалення. Чытач там не знойдзе вычарпальную факталагічную інфармацыю пра няўдалыя спробы Заходняга фронту вызваліць паўночна-ўсходнія раёны Беларусі ўжо восенню 1943 – пачатку 1944 г. У тэкставых матэрыялах аб «Беларускай аперацыі 1944» [1, с. 71–74] і «Віцебска-аршанскай аперацыі 1944» [1, с. 126–127] галоўны акцэнт аўтарамі зроблены толькі на асвятленні ходу, вынікаў і значэння Беларускай стратэгічнай наступальнай аперацыі «Баграціён».

У той жа час зварот да савецкай энцыклапедыі «Великая Отечественная война, 1941–1945» [2] паказвае, што ў артыкуле «Заходні фронт» ідзе размова аб тым, што ў канцы 1943 – пачатку 1944 г. войскі Заходняга франту наступалі на віцебскім і аршанскім напрамках і выйшлі ва ўсходнія раёны Беларусі [2, с. 278]. З кароткага аналізу факталагічнага нарытыву энцыклапедычных матэрыялаў вынікае, што чытач на той час быў пазбаўлены магчымасці скласці поўную карціну гісторыі баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі ў канцы 1943 – пачатку 1944 гг.

Зусім невыпадкова, што ў апошнія гады гісторыкі суверэннай Беларусі зрабілі важныя крокі для таго, каб на новым тэарэтычным узроўні і факталагічнай базе расставіць адпаведныя навуковыя акцэнты ў дачыненні да баявых дзеянняў Чырвонай арміі па вызваленні Беларусі ў 1943–1944 гг. Разгледзім гэты тэзіс у найноўшых акадэмічных выданнях: «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [3], «Освобождение Беларуси 1943–1944» [4] і «Страна в огне. Освобождение. 1944–1945. Очерки» [5]. З іх вынікае цяперашні гістарыяграфічны наратыў, які ўтрымлівае даволі падрабязную характарыстыку баявых дзеянняў Чырвонай арміі ў ходзе вызвалення Беларусі. Так, у дачыненні да падзей лета 1944 г. прафесійныя даследчыкі выкарыстоўваюць такія тэрміны: «Беларуская наступальная аперацыя 1944 г. “Баграціён”»; «Беларуская стратэгічная наступальная аперацыя»; «Аперацыя “Баграціён”»; «Беларуская стратэгічная наступальная аперацыя “Баграціён”». У той жа час да малавядомых 11 наступальных аперацый, праведзеных Заходнім фронтам у канцы 1943 – пачатку 1944 г. на віцебскім (тры), багушэўскім (дзве) і аршанскім (шэсць) напрамках, даследчыкі ўжываюць канкрэтныя назвы.

Канцэптуальна гэтыя падзеі звязаны наступным чынам: калі ў першым выданні выкарыстана такая дэфініцыя, як «основные действия на белорусском направлении вынуждали противника держать тут мощную группировку, не дав тем самым перебросить части своих войск на юг» [3, с. 432], дык трэцяя праца практычна вяртае чытача да класічнага тэзіса савецкай гістарыяграфіі: «советские войска держали в постоянном напряжении противостоящие 3-ю танковую и 4-ю армии вермахта, сковывали их войска и нанесли им значительный урон» [5, с. 414]. Заўважым, што апошні тэзіс адразу ж выклікае пытанні па той простай прычыне, што паводле дырэктыў Стаўкі Вярхоўнага Галоўнакамандавання, аддадзеных 12, 18 лістапада і 23 снежня 1943 г., а таксама 18 студзеня 1944 г. камандуючым войскамі 1-га Прыбалтыйскага і Заходняга франтоў, ставілася адзіная задача: «О разгроме витебской группировки противника» [6; 7; 8; 9]. Паводле зместу дырэктыў размова ідзе выключна аб наступленні і поўным разгроме праціўніка (!), але не аб тым, каб у ходзе наступлення стрымаць, запыніць ці скаваць яго рух на ўсход. Чаму тут беларускія і расійскія гісторыкі не даюць рэальнага тлумачэння гістарычных фактаў і вядомых дакументаў? Чаму не працягваецца практыка, уведзеная яшчэ ў пачатку 1990-х гадоў расійскім даследчыкам М. А. Гарэевым у дачыненні да тых падзей?

Як вядома, у першай палове 1990-х гадоў былы ўдзельнік наступальных аперацый на віцебскім напрамку М. А. Гарэеў паспрабаваў не толькі паказаць ход няўдалых наступальных аперацый, але і знайсці адказы на складаныя пытанні аб прычынах стратэгічных, арганізацыйных і аператыўна-тактычных няўдач, выкарыстоўваючы для гэтага фактычна ўпершыню ўведзены ў навуковы зварот не апублікаваны ў савецкі час Даклад камісіі ДзКА ад 11 красавіка 1944 г. Адзначым, што менавіта ў такім ключы працавалі беларускія гісторыкі, аўтары спецыяльнага выдання «Освобож-

дение Беларуси. 1943–1944» [4], якое выйшла да 60-годдзя вызвалення беларускай зямлі ад германскіх захопнікаў. Дзякуючы звароту да малавядомага дакумента, беларускія аўтары спрабавалі намаляваць карціну баявых дзеянняў і выявіць фактычныя прычыны няўдач, раскрыць пры гэтым рэальныя вынікі, маштабы страт і пралікаў.

Атрымліваецца, што па цяперашні час у беларускай гістарыяграфіі яшчэ не праведзена спецыяльнае даследаванне, у аснове якога ляжалі б новыя гістарычныя веды, атрыманыя на падставе аналізу, супастаўлення і навуковай верыфікацыі ўсяго наяўнага комплексу айчынных і замежных дакументаў, а таксама найноўшай айчыннай і замежнай гістарыяграфіі ў дачыненні да баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта ў канцы 1943 – пачатку 1944 года. Хоць на справе назапашаны значны эмпірычны матэрыял, які пакуль застаецца без глыбокага тэарэтычнага аналізу.

Р а с і я. Кажучы пра расійскую гістарыяграфію, прысвечаную гісторыі вызвалення Беларусі ў 1943–1944 гг., спынімся толькі на трох найноўшых выданнях. Першае з іх, 4-томная праца «Великая Отечественная война. 1941–1945» [10], трэцяя кніга якой прысвечана заключнаму перыяду Вялікай Айчыннай вайны, было падрыхтавана пры супрацоўніцтве Расійскай акадэміі навук і Міністэрства абароны РФ і выдадзена ў канцы 1990-х гадоў у жанры ваенна-гістарычных нарысаў. Заўважым, што раздзел пад назвай «Няўдачы на заходнім напрамку» падрыхтаваў М. А. Гарэеў, які паспрабаваў адыйсці ад некаторых палажэнняў на той час ужо вядомага Даклада камісіі ДзКА ад 11 красавіка 1944 г., значна глыбей аналізуючы рэальныя прычыны няўдач Чырвонай арміі на заходнім напрамку. Важна, што пры гэтым аўтар звярнуўся да дысертацыйнага даследавання В. І. Фесенка «Причины неудач наступательных операций Западного фронта в Белоруссии осенью 1943 – зимой 1944 г.: выводы и уроки» на атрыманне ступені кандыдата гістарычных навук, абароненага ў Інстытуце ваеннай гісторыі МАРФ у Маскве ў 1992 г. Прадстаўляючы ў трэцім томе аперацыю «Баграціён», расійскія даследчыкі адзначаюць, што яна па праву можа лічыцца адной з самых бліскучых не толькі Вялікай Айчыннай, але і Другой сусветнай вайны: «Операция “Багратион”» явилась первой стратегической наступательной операцией Красной Армии, проведенной в период, когда в Западной Европе начали военные действия воруженные силы США и Англии» [10, с. 76].

Аналіз матэрыялаў, якія ўвайшлі ў 4-ы том «Освобождение территории СССР. 1944 год» новага 12-томнага фундаментальнага выдання «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [11], дае магчымасць убачыць асноўныя падыходы, ацэнкі і вынікі ў дачыненні да баявых дзеянняў ва ўсходняй Беларусі і пры яе вызваленні ў ходзе «Беларускай наступальнай аперацыі» [11, с. 347], ці «аперацыі “Баграціён”» [11, с. 347]. Аўтары таксама прыходзяць да высновы, што «операция “Багратион”» явилась первой стратегической наступательной операцией Красной Армии, проведенной в период, когда в Западной Европе начали военные действия воруженные силы

США и Англии» [12, с. 52]. У той жа час, характарызуючы баявыя дзеянні на цэнтральным участку савецка-германскага фронту, даследчыкі адзначаюць, што на тэрыторыі Беларусі гэтаму рубяжу на той момант была адведзена «ўскосная роля» [11, с. 102]. У працы сцвярджаецца, што ў ходзе наступальных аперацый савецкія войскі панеслі істотныя страты ў асабовым складзе і ваеннай тэхніцы, выкарысталі вялікую колькасць боепрыпасаў. Пры гэтым расійскія аўтары цалкам паўтараюць тэзіс савецкага часу аб тым, што няўдалыя дзеянні Заходняга фронту на цэнтральным участку савецка-германскага фронту «сковали группу армий “Центр”, не позволив ей оказать помощь терпевшим катастрофическое поражение группам армий “Юг” и “А”» [11, с. 117]. Звернем увагу чытача на тое, што падобны тэзіс быў уведзены яшчэ ў 12-томніку савецкага часу «История Второй мировой войны. 1939–1945». Так, у восьмым томе пры разглядзе «военных (баявых. – *С.Н.*) действий на западном направлении» сцвярджалася, што «активными действиями в течение всей зимы и первых весенних месяцев 1-й Прибалтийский, Западный и 1-й Белорусский фронты сковывали основные силы мощной по своему составу группы армий “Центр”, не позволяя немецко-фашистскому командованию за счет ее сил оказывать помощь группам армий “Юг”, “А” и “Север”, терпевшим в то время тяжелейшие поражения» [13, с. 137].

Адзначым, што агульнай прыкметай для згаданых беларускіх і расійскіх выданняў з’яўляецца фактычная адсутнасць дакументаў супрацьлеглага боку пры аналізе гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі. У дадзеных працах айчынныя вучоныя практычна не выкарыстоўваюць спецыяльныя нямецкія даследаванні, у такой форме абыходзячы маўчаннем найноўшыя замежныя распрацоўкі аб баявых дзеяннях Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі. Да ўсяго, айчынныя гісторыкі не ўвялі ў навуковы зварот трафейныя нямецкія дакументы, якія захоўваюцца ў фондах РДзВА ў Маскве і ЦАМА РФ у Падольску. Не з’яўляецца выключэннем і 4-ы том найноўшага 12-томнага выдання, дзе пры разглядзе баявых дзеянняў ва ўсходняй Беларусі ў канцы 1943 – пачатку 1944 г. аўтары прывялі 251 спасылку, але толькі ў 12 з іх ёсць згадка на 8-ы том «Германскі рэйх і Другая сусветная вайна», які носіць назву «Усходні фронт 1943/44» [14]. Ці можа такое кропкавае выкарыстанне спрыяць усёабдымнаму даследаванню двухбаковых баявых дзеянняў, асабліва высвятленню дакладных прычын няўдач Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг.?

У такой сітуацыі ў чытача складваецца ўражанне, што ў тэксце нагрувашчаны вялікі масіў эмпірычных матэрыялаў, датычных тых гістарычных падзей. Фактычна ў падобным ключы беларускія і расійскія аўтары пішуць агульную карціну баявых дзеянняў Чырвонай арміі, дзе дэманструюць толькі адзін – савецкі бок, які даволі часта выступаў супраць «безыменнага праціўніка»: без прывядзення канкрэтных звестак пра агульны колькасны і штатны састаў германскіх палявых і паветраных часцей вермахта, без вызначэння дакладнай лакалізацыі войск праціўніка на

мясцовасці, не раскрываючы структуры яго баявых падраздзяленняў, маштабаў выкарыстання тэхнікі і ўзбраенняў і ў выніку не параўноўваючы панесеныя з абодвух бакоў страты, агульную колькасць зніклых без вестак, патрапіўшых у палон і г.д. Гэта значыць, загады аб правядзенні наступальных аперацый па вызваленні Беларусі ў 1943 – 1944 гг. аддаваліся без фактычнай ацэнкі сіл праціўніка.

П о л ь ш ч а . Паўнамаштабнае навуковае даследаванне тэмы вызвалення Беларусі ў сучаснай польскай гістарыяграфіі нам пакуль не вядома. Аднак добра вядома праца польскага даследчыка Роберта Урублеўскага («Бабруйскі кацёл 1944 года»), якая па сваёй значнасці не саступае нават некаторым афіцыйным выданням у айчыннай гістарыяграфіі, таму што раскрывае асаблівасці баявых падзей на адным з ключавых пунктаў нямецкай абароны, пераўтворанай у раёне Бабруйска ў сапраўдную непрыступную крэпасць. У склад Бабруйскай нямецкай групоўкі ўваходзіла 10 дывізій, у тым ліку вядомая аўстрыйская 45-я пяхотная дывізія, якая ў 1941 г. штурмавала Брэсцкую крэпасць, а таксама 20-я танкавая дывізія, што разам з іншымі падраздзяленнямі налічвала больш за 250 танкаў, штурмавых гармат і знішчальнікаў танкаў. Бабруйскі ўдар, як паказвае польскі даследчык, стаў адной з ключавых падзей аперацыі «Баграціён» летам 1944 г. Без адначасовага абвалу нямецкай абароны ў раёне Бабруйска і Віцебска наступленне на Мінск з акружэннем нямецкай 4-й палявой арміі і агульным крушэннем усяго фронту групы армій «Цэнтр» было б немагчымым.

У гэтым плане хацелася б агучыць выказванне вядомага расійскага даследчыка, бліскучага знаўцы баявых дзеянняў як Чырвонай арміі, так і Германскага вермахта на ўсходнім фронце, у тым ліку гісторыі Беларускай стратэгічнай наступальнай аперацыі 1944 г., Аляксея Валер’евіча Ісаева. У кароткай прадмове да рускага выдання кнігі Р. Урублеўскага расійскі ваенны гісторык заключае: «Ситуация по изучению войны качественно изменилась сравнительно недавно, в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Тем не менее с момента этого качественного перелома прошло уже около четверти века. Поэтому сегодня, когда от событий войны нас отделяет уже более семи десятилетий, писать ее историю по старинке, перефразируя известное высказывание, это даже не ошибка, это преступление. Хорошим тоном и даже строго обязательным для исследователей войны является привлечение документальных данных обеих сторон». І апошняе для ўсіх нас павінна стаць не гіпотэзай, а аксіёмай.

Таму з вялікім задавальненнем адзначым, што якраз такім правілам кіруецца польскі даследчык. Р. Урублеўскі, які шмат гадоў займаецца вывучэннем баявых дзеянняў на савецка-германскім фронце пераважна на завяршальным этапе вайны. Яго практыка грунтуецца на аналізе дакументаў абодвух бакоў, як нямецкіх, так і савецкіх, на падставе чаго ён праводзіць і сваё новае гістарычнае даследаванне аб баявых дзеяннях вермахта і Чырвонай арміі ў раёне Бабруйска. Заўважым, што ў аснову яго даследавання пакладзены дакументы Ліквідацыйнага штаба вермахта, створанага для збору

інфармацыі аб цалкам знішчаных злучэннях, што палягалі расфарміраванню. Гэтыя архіўныя матэрыялы (баявыя зводкі і рапарты, складзеныя ацалелымі афіцэрамі, а таксама паказанні салдат, якія вырваліся з акружэння пад Бабруйскам) упершыню ўведзены ў навуковы зварот і праліваюць святло на шматлікія дэталі Бабруйскага «катла» і крах групы армій «Цэнтр», што стала страшнай катастрофай Германскага вермахта. Узнікае пытанне, ці ёсць штосьці падобнае ў беларускай гістарыяграфіі.

Г е р м а н і я. Навуковае даследаванне гэтай тэмы нямецкімі гісторыкамі ў апошні час вялося ў рамках завяршэння праекта ваенна-гістарычнага ўпраўлення па вывучэнні гісторыі Германскага рэйха і Другой сусветнай вайны. У выніку быў падрыхтаваны асобны том, фактычна амаль цалкам прысвечаны гістарычным падзеям на Усходнім фронце ў 1943–1944 гг., у тым ліку баявым дзеянням Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі. Заўважым, што на гэты момант ён добра вядомы шырокаму беларускаму чытачу [15]. У ім нямецкія даследчыкі ў адрозненне ад прадстаўнікоў беларускай і расійскай нацыянальных школ шырока выкарыстоўваюць дакументальныя крыніцы з архіваў Расіі для абгрунтаванага вывучэння тых падзей, што мелі месца на беларускай тэрыторыі на завяршальным этапе вайны. На наш погляд, на цяперашні час для нямецкіх гісторыкаў аксіёмай з’яўляецца той тэзіс, што нельга правесці якаснае даследаванне баявых дзеянняў паміж войскамі Чырвонай арміі і Германскага вермахта на савецка-германскім фронце, аб’ектыўна рэканструяваць гісторыю тых падзей без абавязковага ўліку дакументальных крыніц і гістарыяграфічных фактаў супрацьлеглых бакоў.

Так, нямецкі даследчык доктар К.-Г. Фрызер, які працаваў з масівам самых розных дакументаў, у тым ліку з РГВА і ЦАМО, даволі падрабязна раскрывае характар тых гістарычных падзей у згаданай вышэй працы «Усходні фронт 1943/44» [14]. У дачыненні да баявых дзеянняў летам 1944 г. ён адзначае, што яны ствараюць асобную главу, якая наўрад ці была ў ранейшай ваеннай гісторыі, асабліва з улікам свайго драматызму і маштабных страт. У той жа час нямецкі аўтар лічыць, што для савецкіх гісторыкаў баявыя дзеянні Чырвонай арміі ў 1943 г. даволі доўгі час знаходзіліся пад забаронай, таму набылі характар «забытай вайны» [14, S. 277]. У даследаванні канстатуецца факт таго, што германскія войскі групы армій «Цэнтр» летам 1943 г. былі ўжо не ў стане стрымліваць узрастаючы націск Чырвонай арміі, паколькі на той час кожнай з 4 германскіх армій, якія знаходзілася на беларускай тэрыторыі, супрацьстаяў цэлы фронт ці спецыяльная армейская групоўка. Да таго ж, у тыле германскіх войскаў дзейнічалі больш за 100 тысяч савецкіх партызан. На думку Фрызера, тэарэтычна ў распараджэнні камандавання для абароны амаль 700-кіламетровага рубяжа на ўсходзе знаходзіліся 42 пяхотныя, 4 палявыя, 2 танкавыя грэнадзёрскія і 6 танкавых дывізій. Фактычна на справе неабходна казаць пра значна меншыя сілы [14, S. 302].

Дзённікі баявых дзеянняў розных злучэнняў групы армій «Цэнтр», выкарыстаныя для аналізу баявых дзеянняў на паўночным участку Цэнтральнага фронту восенню 1943 г., даюць ўяўленне пра сапраўдныя маштабы кровапраліцця, якое адбылося на беларускай тэрыторыі на лініі абароны 3-й германскай танкавай арміі. Паводле загаду Гітлера, гэта армія павінна была трымаць «крэпасць Віцебск», так званыя «вароты да Прыбалтыкі». У ходзе зімніх баёў, якія закончыліся ў сярэдзіне студзеня 1944 г., абодва бакі панеслі значныя страты. Пра гэтым з нямецкага боку яны складалі 19 150 забітых, параненых і прапаўшых без вестак, а з савецкага, паводле афіцыйных звестак, 6 наступаючых савецкіх армій страцілі 135 012 чалавек і больш за 1 200 танкаў [14, S. 317].

Галоўным аб'ектам на цэнтральным участку з'яўлялася шаша Масква – Мінск, уздоўж якой вялі наступленне 7 савецкіх армій. Ім супрацьстаяла толькі адна 4-я германская армія, у складзе якой на 1 лістапада 1943 г. было 193 510 чалавек, пры гэтым ніводнай танкавай дывізіі. За паўгода на гэтым напрамку войскі савецкага Заходняга фронту (дзейнічаў па 24 красавіка 1944 г.) правялі 8 наступальных аперацый: 5 на паўночным флангу паблізу Оршы, 2 – на паўднёвым, і толькі адна вялікая наступальная аперацыя была ажыццёўлена ўздоўж самой шашы. З дакументаў вынікае, што ніводная з 11 наступальных аперацый, праведзеных Чырвонай арміяй супраць германскіх 4-й палявой і часткова 3-й танкавай армій, не была паспяховай. Як паказвае нямецкі гісторык, савецкія войскі страцілі 530 537 чалавек параненымі і забітымі, страты ж нямецкага боку з 12 кастрычніка 1943 г. да канца сакавіка 1944 г. склалі 10 566 забітых і прапаўшых без вестак і 24 490 параненых [14, S. 324].

Кажучы пра крах групы армій «Цэнтр» летам 1944 г., Фрызер аналізуе вынікі баявых падзей ў ходзе паспяхова праведзенай наступальнай аперацыі «Баграціён», якая прывяла да катастрофы гэтай групы. Паводле дакументальных крыніц, наступаючым савецкім войскам супрацьстаялі сілы 2-й, 4-й і 9-й палявых і 3-й танкавай армій агульнай колькасцю 486 493 салдаты, а таксама 3 236 гармат, 118 танкаў і 452 САУ, 602 самалёты [14, S. 532]. Тады як у айчыннай літаратуры выкарыстоўваюцца такія звесткі: «В общей сложности на белорусском направлении действовали 63 дивизии. В них насчитывалось 1,2 млн человек, 900 танков и штурмовых орудий, 9 500 полевых орудий и минометов. С воздуха германские войска поддерживала авиация 6 и частично 1 и 4-го воздушных флотов в количестве 1 350 боевых самолетов» [10, с. 55]. Нямецкі гісторык адзначае, што з пачаткам першай фазы аперацыі «Баграціён» савецкі бок пераўзыходзіў праціўніка ў жывой сіле ў 3,7 раза, артылерыі – 9,4, колькасці танкаў – 23, самаходных установак – 3,6 і самалётаў – 10,5 раза. Да таго, групе армій «Цэнтр» давялося весці вайну фактычна на два франты: у якасці «другога фронту» выступалі амаль 150 тысяч партызан, якія дзейнічалі ў тыле нямецкіх армій [14, S. 534].

У дачыненні да канчатковых страт, панесеных з савецкага боку ў ходзе аперацыі «Баграціён», нямецкі ваенны гісторык адзначае, што ў жывой сіле яны складалі 770 888 чалавек (з якіх 180 040 – забітыя і прапаўшыя без вестак, 590 848 – параненыя). Апрача таго, савецкі бок страціў 2 957 танкаў і САУ, 2 447 адзінак артылерыі і 822 самалёты [14, S. 593].

Катастрофу групы армій «Цэнтр» наглядна характарызуюць статыстычныя даныя аб стратах, панесеных з абодвух бакоў падчас правядзення летняй аперацыі ў Беларусі. Паводле нямецкіх звестак, агульныя страты з нямецкага боку склалі 399 102 чалавекі, у тым ліку: 26 397 – забітыя, 262 929 – прапаўшыя без вестак і 109 776 – параненыя. Гэта пераўзыходзіць маштабы нямецкай катастрофы ў бітве пад Вердэнам у 1916 г., калі германскі рэйхсвер страціў 330 тыс. чалавек (разам з параненымі), і значна пераўзыходзіць страты 6-й германскай арміі пад Сталінградам (60 тысяч забітымі і 110 тысяч палоннымі) [14, S. 594]. Фрызер заключае, што аперацыя «Баграціён» застаецца самай бліскучай аперацыяй, праведзенай Чырвонай арміяй на працягу ўсёй Вялікай Айчыннай вайны [14, S. 600].

Такім чынам, нават кароткі аналіз фундаментальных даследаванняў, праведзеных у апошнія гады прадстаўнікамі розных нацыянальных гістарыяграфій – вядучымі гісторыкамі Беларусі, Расіі і Германіі, прыводзіць не толькі да важных высноў, але і ставіць на парадак дня цэлы комплекс даследчыцкіх праблем

1) факталагічнага кшталту: па-першае, на гэты час нам не вядома ні адна работа, якая была праведзена на аснове метаду кампаратыўнага аналізу баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 г.; па-другое, пакуль што адсутнічаюць даследаванні, якія на базе арыгінальных крыніц савецкага і нямецкага паходжання спрабавалі б рэканструяваць тыя гістарычныя падзеі такімі, якімі яны былі ў сапраўднасці; па-трэцяе, нявырашанасць згаданых праблем звязана з захаваннем устойлівай практыкі выкарыстання айчыннымі гісторыкамі хоць і больш пашыранай базы новых дакументальных крыніц, аднак без абавязковага звароту да звестак з арыгінальных нямецкіх дакументаў і найноўшых замежных даследаванняў;

2) метадалагічнага кшталту: па-першае, патрабуе асобнай увагі праблема навуковых дэфініцый па ваеннай гісторыі. Нам пакуль не вядома праца, якая была б напісана ў рэчышчы найноўшых дасягненняў не толькі айчыннай, але і сусветнай гістарычнай навукі накшталт новага даследавання нямецкага гісторыка К. Герлаха [16]; па-другое, беларускія даследчыкі стаяць перад неабходнасцю пачаць распрацоўку тэорыі і метадалогіі, праблем крыніцазнаўства для вывучэння двухбаковых баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі ў 1943–1944 гг.; па-трэцяе, адной з умоў далейшай распрацоўкі ваеннай праблематыкі для прафесійных гісторыкаў можа стаць новае прачытанне гісторыі двухбаковых баявых дзеянняў, асновай чаго павінны стаць сучасныя метадалагічныя падыходы і новы метадычны інструментарый, сярод якіх адным з праверaных шляхоў прырашчэння навуковых ведаў нам бачыцца кампаратыўны падыход.

3) практычнага кшталту: па-першае, непрафесійны чытач ці просты аматар гісторыі без выкарыстання найноўшых падыходаў так і не здолее да канца зразумець сутнасць малавядомых падзей з гісторыі баявых дзеянняў Чырвонай арміі і Германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі ў канцы 1943 – пачатку 1944 г.; па-другое, неабходна публікаваць малавядомыя і новыя дакументы ў суправаджэнні з грунтоўнымі навуковымі каментарамі, без якіх нельга рухацца наперад ва ўсебаковым вывучэнні малавядомых старонак ваеннай гісторыі; па-трэцяе, неабходна весці адкрытую дыскусію з удзелам прафесійных даследчыкаў, у тым ліку замежных, па важнейшых праблемах ваеннай гісторыі Беларусі на этапе яе канчатковага вызвалення ў 1943–1944 гг.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945: энцыкл. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. / гл. ред. М. М. Козлов; редкол.: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. глав. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1985. – 832 с.
3. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авторского коллектива), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
4. Освобождение Беларуси 1943–1944 / В. В. Абатуров (рук. авторского коллектива); редкол.: И. И. Басик (сопредседатель), А. А. Коваленя (сопредседатель) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 943 с.
5. Страна в огне: в 3 т. / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков; ред. сост. Д. В. Суржик. – М. : ТД «Абрис», 2018. – Т. 3: Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. Кн. 1: Очерки. – 717 с.
6. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30243 командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки на разгром витебской группировки противника от 12 нояб. 1943 г. // Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы: в 12 т. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – С. 57.
7. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30247 командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки на разгром витебской группировки противника от 18 нояб. 1943 г. // Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы: в 12 т. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – С. 58.
8. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 30268 командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта, представителю Ставки на разгром витебской группировки противника от 23 дек. 1943 г. // Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы: в 12 т. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – С. 58.
9. Директива Ставки Верховного Главнокомандования № 220011 командующим войсками 1-го Прибалтийского и Западного фронтов, представителю Ставки на

разгром витебской группировки противника от 18 янв. 1943 г. // Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы: в 12 т. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – С. 59.
10. Великая Отечественная война. 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4 кн. – М. : Наука, 1999. – Кн. третья: Освобождение. – 510 с.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т.– М. : Кучково поле, 2012. – Т. 4: Освобождение территории СССР. 1944 год. – 864 с.
12. Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы: в 12 т. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. 8: Освобождение Белоруссии. – 416 с.
13. История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. / гл. редкол.: Д. Ф. Устинов (председатель), П. А. Жилин (зам. председателя) [и др.]. – М. : Воениздат, 1977. – Т. 8: Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. – 534 с.
14. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg: In 10 Bd. / Hrsg. von K.-H. Frieser. – München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – Bd. 8: Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. – 1319 S.
15. *Новікаў, С. Я.* Савецка-германскі фронт у 1943–1944 гг.: погляд нямецкіх гісторыкаў / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 12. – С. 67–75. – Рэц. на кн.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg: In 10 Bd. / Hrsg. von Karl-Heinz Frieser. – München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – Bd. 8: Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten – 1319 S.
16. *Gerlach, Ch*. Der Mord an den europäischen Juden. Ursachen, Ereignisse, Dimensionen / Ch. Gerlach. – München : Verlag C.H. Beck, 2017. – 576 S.

А. В. Шарков, Е. И. Хорошевич

ТРАГЕДИЯ ДЕРЕВНИ ОЛА

Великая Отечественная война оставила много мест скорби на белорусской земле, много горя принесла ее жителям. Чтобы не допустить трагедий в настоящем и будущем, мы не должны забывать о тех событиях. И это священный долг перед погибшими ныне живущих.

14 января 1944 г. холодным январским утром к небольшой полесской деревеньке Ола, близ г.п. Паричи ныне Светлогорского района, подошел немецкий карательный отряд и окружил ее. К несчастью, в те дни в этой глухой, затерянной в лесной чаще деревне нашли себе убежище множество мирных жителей, в основном, женщины, старики и дети из окрестных населенных пунктов, укрывавшиеся там от нацистского беспредела.

Под предупреждающие выстрелы и подгоняющий лай собак всех жителей, будто бы для регистрации, начали сгонять в большой колхозный сарай на окраине деревни. Пытавшиеся бежать падали, скошенные градом автоматных пуль. Тех, кто прятался в землянках и ямах, находили собаки. Из сарая забирали отдельными группами, говоря, что будут отвозить в тыл, а на

самом деле отводили в другой конец деревни, заталкивали в дома, которые обливали горючей жидкостью, и поджигали. Сельчане гибли от огня и взрывов гранат, летящих в окна и двери. Стариков и детей живыми бросали в огонь, а тех, кто пытался выбраться из пламени, убивали. Фашисты сожгли и людей, запертых в сарае. Зверства карательного отряда унесли жизни 1 758 человек, из которых 950 – дети. Сожгли дотла и деревню, в которой в 1941 г. насчитывалось 34 двора, проживали 168 человек. Здесь находился Шатилковский лесоучасток, была начальная школа.

Спастись из устроенного нацистами ада удалось единицам. Среди тех, кому посчастливилось, – Ольга Курлович с малолетним сыном, притворившаяся мертвой среди трупов, и Артем Устименко, чья хата стояла у самого сосняка, который за несколько минут до расправы через потайной ход, что вел с печи на чердак, вылез во двор и дополз до леса.

– В моей памяти, – рассказывал он, – и теперь стоит жуткий плач женщин и детей, погибающих в огне.

Артем Устименко был приглашен свидетелем в Брянск, где судили военных преступников за все, что произошло в Оле.

Еще один свидетель тех трагических событий – Гавриил Кондратьевич Зыкун – вспоминает:

– Так случилось, что за два часа до прихода карателей я с маленькой дочкой пошел в лес. Вернулся через несколько дней, когда здесь уже были советские войска. Страшная картина открылась перед глазами. Все хаты сожжены. На пепелищах – обгорелые кости, во дворах, в огородах, за деревней – убитые. Много трупов около сожженного колхозного сарая. Перед тем как уйти из уничтоженной деревни, захватчики глумились над убитыми. Бросали трупы в колодец, обливали бензином, жгли. Кое-где прикрывали все снегом…

В д. Антоновка Жлобинского района жила чудом спасшаяся Татьяна Емельяновна Ярошевич.

– Собиралась идти за картошкой, – вспоминала она, – а фашисты нас к тому времени окружили. Вернули назад, но никто не знал, что будет потом. Людей повыгоняли из хат. Тех, кто хотел взять одежду, били прикладами по головам. Заперли нас в сарае. Оттуда уже забирали группами в дома. Вскоре мы ощутили запах дыма. Мужики закричали: «Палят!» – и бросились убегать. Жены с детьми их не пускали, боялись… Как сейчас помню, стояла я за мамой и сестрой. А я тогда малая была, несмышленая. Увидела, что брат хочет бежать, и прошла за ним. Повсюду лежало много убитых. Фашисты стреляли по людям из пулеметов. Нам удалось вырваться, но брата настигла пуля. А на меня немцы спустили собак. Каким-то чудом я убежала и еще долго ходила по лесу, сама не знаю где. Вышла на какой-то стог сена, зашилась в него. Правда, пальцы ног обморозила. Заметила на земле провод, решила идти по нему. Он привел меня к немцам. Пришлось возвращаться обратно. Так забрела в Чирковичи…

Почти все родственники Татьяны Николаевны погибли в Оле.

Чудом выживший житель д. Ола Тарас Колеснев, поселившийся затем в д. Коротковичи, о том страшном дне оставил следующие воспоминания: «Меня ранило в голову. Истекая кровью, неподвижно лежу в снегу и вижу такое. Вот ведут очередную группу моих односельчан, человек 40. Среди них узнаю жену и детей. Она с младшим сыном идет сзади, оглядывается, меня, наверное, ищет… В метрах двадцати на кургане стоит низенький толстый офицер. Он снова выкрикнул то же, что и прошлый раз, когда вели меня. Конвойные бросились в стороны от людей и упали в снег. Офицер размахнулся и швырнул гранату в самую гущу людей. Затем вели следующую группу. От нее отделилась женщина в фуфайке и большом клетчатом платке, пошла к толстому офицеру. Автоматчик следовал за ней.

Я расслышал ее громкую просьбу. Женщина просила разрешения сгореть в своей хате. Это была Аксинья Тимофеевна Курлович, жена бухгалтера колхоза. Ее хату, напротив которой стоял офицер, уже облизывали языки пламени. Под дружный хохот фашистов женщина повернулась и твердым шагом пошла к своей горящей хате.

– Бабушка Александра, береги дочушек и, когда вернется Саша, притули его! – на ходу крикнула она старухе-соседке Александре Семеновне Дикун. Наивно думала, что фашисты не тронут 110-летнюю старуху и маленьких детей.

За Аксиньей Тимофеевной бежал фашист с большим баллоном за спиной. На ходу из пульверизатора опрыскивал ее бензином. На пороге женщина вспыхнула факелом и скрылась за дверью…» [1].

Советские воины похоронили убитых в братской могиле. На месте трагедии установлен памятный камень с мемориальной плитой и воздвигнут большой Поклонный крест. Не так давно благодаря энтузиазму сотрудников Светлогорского райисполкома и руководителей местных предприятий появилась аллея, ведущая не только к памятному камню и Поклонному кресту, но, будем надеяться, и к будущему мемориалу, увековечивающему память почти двух тысяч стариков, женщин, подростков и детей, заживо сожженных или погибших под пулями карателей. Ола – это 12 Хатыней! И мужественно сгоревшая в своем доме Аксинья Тимофеевна Курлович заслуживает отдельного памятника не меньше, чем Иосиф Каминский в Хатыни.

Ежегодно на месте сожженной д. Ола проходит траурный митинг-реквием с участием представителей власти, духовенства, учащейся молодежи, общественных организаций, ветеранов войны. На митинге 2017 г. присутствовали и авторы данной статьи с высокой и благородной миссией: осуществить забор земли из уничтоженной деревни для передачи в храм-памятник во имя Всех Святых и в память о жертвах в Отечестве нашем. Он находится в Минске и является главным духовным общенациональным мемориалом, созданным в честь миллионов белорусов, погибших и разбросанных по всему миру. Капсула с землей была доставлена в Минск и в торжественной обстановке после совершения молебна помещена в нишу крипты храма-памятника для вечной памяти о безвинно убиенных мирных жителях д. Ола.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котляров, И. Г.* Ола – это 12 Хатыней / И. Г. Котляров // СБ Беларусь сегодня. – 2014. – 25 нояб.

И. Ю. Воронкова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В БЕЛОРУССКОЙ ССР В СВЯЗИ С ПОЛЬСКИМ ПОХОДОМ КРАСНОЙ АРМИИ 1939 г. (по документам ЦК КП(б)Б И СНК БССР)

Предметом настоящего сообщения является анализ некоторых документов ЦК КП(б)Б и Совнаркома БССР, связанных с началом Второй мировой войны и военным походом Красной армии в Западную Беларусь в сентябре 1939 г. В качестве приоритетных выбраны проблемы, которые рассматривались в этих документах наиболее часто, а именно: реорганизация Белорусского Особого военного округа (БОВО) и повышение его мобилизационной готовности; снабжение РККА продукцией мобилизуемых и приравненных к мобилизуемым промышленных предприятий; совершенствование Противовоздушной обороны (ПВО) и Местной противовоздушной обороны (МПВО) территории Белорусской ССР; социально-политическая ситуация в республике.

7 сентября 1939 г., накануне военного похода Красной армии в Западную Беларусь, началось мобилизационное развертывание войск БОВО. 8 сентября командующий округом командарм II ранга М. П. Ковалёв получил приказ начать переброску войск к границе [1, с. 306–308]. 11 сентября на базе БОВО был создан Белорусский фронт, в Военный совет которого вошел первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко.

По завершении похода, в связи с расширением советских и собственно белорусских границ, приказом наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова от 11 октября 1939 г. войска округа, расположенные на территории БССР, были подчинены Белорусскому фронту, а войска на территории Смоленской области переданы Калининскому военному округу [2, с. 3, 6].

Реорганизация структуры и территории БОВО, связанные с событиями осени 1939 г., создание сначала Белорусского фронта со штабом в Минске, затем перемещение управления воссозданного БОВО из Смоленска в Минск, наконец, создание фактически нового ЗапОВО потребовали от гражданских властей БССР в том числе принятия мер по размещению в столице сначала фронтовых, затем окружных структур.

Надо сказать, что это было нелегким делом, поскольку Минск 1939 г. не мог похвастаться наличием пригодных для этого зданий. Поэтому, по предложению Совнаркома БССР, на заседании Бюро ЦК КП(б)Б 14 октября

1939 г. было решено разместить штаб Белорусского фронта в главном корпусе минского университетского городка по улице Советской, где до этого находились педагогический и юридический институты (сейчас это главный корпус Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка на площади Независимости). Для проживания командного и начальствующего состава отвели помещение, которое занимало общежитие Политпросветшколы в Академическом переулке (ныне улица Академическая, здание не сохранилось) и 24-квартирный жилой дом по улице Долгобродской (ныне его адрес Козлова, 15) [3, л. 6].

14 ноября 1939 г. приказом наркома обороны СССР управление Белорусского фронта было вновь переименовано в управление БОВО, а 11 июля 1940 г., в связи с вхождением в состав СССР Прибалтийских республик и формированием нового Прибалтийского военного округа, в БОВО возвратили войска, находившиеся на территории Смоленской области (из расформированного Калининского военного округа), после чего БОВО был переименован в Западный особый военный округ со штабом в Минске [2, с. 6, 9]. За штабом сохранили все тот же главный корпус университетского городка.

Активное военное строительство, являвшееся приоритетным направлением экономического развития Советского Союза в 1930-е годы, не обошло и Белорусскую ССР, особенно в связи с повышением ее военно-стратегической роли в 1939 г. Согласно ежегодным планам оборонных мероприятий, составлявшимся Госпланом при Совнаркоме БССР по согласованию с союзными ведомствами, крупнейшие белорусские предприятия были задействованы на выполнении оборонных заказов – от производства ручных гранат до ремонта автобронетанкового имущества. Для этих целей привлекались также более мелкие предприятия и артели промкооперации. Например, кирпичные заводы обеспечивали военные объекты строительным материалом. За Военно-строительным управлением ЗапОВО были закреплены минская 3-я артель инвалидов, выпускавшая печное литьё, а также весовой завод «Ударник» и артель металлистов, поставлявшие скобяные изделия [4, л. 2–4].

В списке так называемых мобилизуемых и приравненных к мобилизуемым промышленных предприятий Беларуси находились, в первую очередь, предприятия союзного значения, входившие в систему союзных наркоматов. Это были, к примеру, станкостроительные предприятия Наркомата станкостроительной промышленности СССР: заводы имени К. Е. Ворошилова и имени С. М. Кирова в Минске, имени С. М. Кирова в Гомеле и Витебске, авторемонтный завод имени С. М. Кирова в Могилёве, которые, наряду сосновными видами продукции мирного времени, выполняли заказы военного назначения.

Подготовка к военным походам Красной армии на Запад повлекла за собой увеличение плана подобных заказов, причем в значительной степени это коснулось легкой промышленности БССР, которая, наряду с пищевой, составляла в те годы основу промышленного комплекса республики.

Наркомлегпром СССР довел до Наркомлегпрома БССР задание по доснабжению РККА продукцией белорусских предприятий легкой промышленности: предстояло изготовить 50 тыс. шинелей, 20 тыс. револьверных кабур, максимальное количество телогреек, ватных шароваров и тканевых перчаток.

Согласно сводкам, направленным в ЦК КП(б)Б наркомом легкой промышленности БССР И. М. Курганом 13 и 15 сентября 1939 г., заказ на ватные телогрейки и ватные шаровары выполняли швейная фабрика «Знамя индустриализации» в Витебске, минская фабрика «Октябрь» и др. Нательные рубахи и кальсоны шили минские швейные фабрики имени Н. К. Крупской и имени 8 Марта, а также Минское фабрично-заводское училище швейников имени КИМа, револьверные кабуры – Минская кожгалантерейная фабрика имени В. В. Куйбышева, хромовые ботинки – Минская обувная фабрика имени Л. М. Кагановича. Вся готовая продукция доставлялась на один из двух вещевых складов Наркомата обороны СССР № 162, находившийся на железнодорожной станции Красный Бор под Смоленском (второй – № 163 – размещался в районе Брянска).

Сводки свидетельствуют, что заказы приходилось выполнять в труднейших условиях перебоев с электроэнергией: в качестве наиболее показательного примера приводится Минская швейная фабрика имени Н. К. Крупской [5, л. 1–5, 12, 15]. В то же время военные нужды требовали все больших ограничений: ежедневно прекращалась подача электроэнергии в десятки предприятий и учреждений белорусских городов. Так, с 1 по 15 января 1940 г. только предприятия пищевой промышленности Минска простояли более 250 часов [6, л. 13, 15–17].

Однако, как следует из сообщения наркома внутренних дел БССР Л. Ф. Цанава члену Военного совета Белорусского фронта П. К. Пономаренко от 20 сентября 1939 г., несмотря на предпринятые меры по «доснабжению», уровень обеспечения частей Красной армии обмундированием, снаряжением, фуражом накануне походов 1939 г. был достаточно низким. Вот что пишет Цанава: «19 сентября на участке Дзержинского погранотряда прошла воинская часть № 5145 под командованием полковника Мавричева [имеется в виду 121-я стрелковая дивизия. – *И. В.*] Значительная часть бойцов не обмундирована, идут босые в лаптях, оборванные, в смешанной форме, но с оружием. Дисциплина марша отсутствовала – растянутость чрезвычайно большая, много отставших одиночных подвод и бойцов. Из-за отсутствия фуража лошади довольствуют подножным кормом. Несколько всадников ехали без сёдел; в кепке, шинели с петлицами, армейских брюках, ботинках без обмоток и с винтовкой. Командного состава в строю не заметно. Границу ещё не перешли». Наискось этот документ пересекает решительная резолюция Пономаренко: «Задержать срочно и привести в порядок» [5, л. 16].

После расширения территории БССР и удаления от Минска линии государственной границы появилась возможность разместить в столице ряд крупных предприятий союзного значения по выпуску полностью или частично

военной продукции. В октябре 1939 г. из Вильно в Минск было перевезено оборудование радиозавода «Электрит», с которым прибыли 340 его рабочих и инженерно-технических работников с семьями – всего около 750 человек [7, л. 19, 93]. В декабре 1939 г. на базе небольшого мебельно-лесопильного завода «Деревообделочник» имени В. М. Молотова началось строительство радиозавода, который также стал носить имя Молотова (ныне Минский приборостроительный завод).

Стоимость строительства первой очереди радиозавода была определена в 9,4 млн рублей, но на 1940 г. Москва выделила только 6 млн. В связи с этим 1 июня 1940 г. П. К. Пономаренко обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой увеличить лимиты капитальных работ на 3,4 млн рублей, чтобы обеспечить намеченные сроки пуска завода. Свое ходатайство руководитель БССР объяснил в том числе тем, что по сравнению со всеми радиозаводами Советского Союза, работавшими по американским технологиям, будущий завод в Минске по своей технологии относится к европейскому типу, что внесет в советскую радиотехническую промышленность новые методы работы и образцы продукции [8, л. 5–8].

Темпы строительства значительно ускорились, и уже в ноябре 1940 г. радиозавод начал выпускать репродукторы и радиоприемники, в том числе для легковых автомобилей, а весной 1941 г. – радиоаппаратуру военного назначения, а также различные детали для средств оповещения МПВО.

В сентябре 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР принял постановление «О реконструкции существующих и строительстве новых авиационных заводов», согласно которому в течение 1940–1941 гг. предполагалось удвоить количество авиазаводов и на 167 % увеличить выпуск самолетов. В этом контексте 18 октября 1940 г. было издано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации в Белоруссии производства и выпуска боевых самолетов и авиационных моторов», согласно которому предстояло организовать в Минске производство 800 единиц в год двухмоторных самолетов-штурмовиков ИЛ-2 с вводом в действие к 1 апреля 1942 г., в Могилёве на базе авторемонтного завода – производство 3 тыс. авиамоторов в год с вводом в действие к 1 июля 1942 г. Намеченные в постановлении сроки ввода в действие обоих заводов красноречиво говорят о том, что обе стройки остались незавершенными.

К началу Великой Отечественной войны большой проблемой продолжало оставаться состояние ПВО и МПВО республики. Одна из главных причин заключалась в откровенной кампанейщине принятия мер по их укреплению и совершенствованию. Несомненное влияние на подобную ситуацию оказывала печально знаменитая концепция «войны малой кровью на чужой территории».

Одну из очередных тотальных проверок состояния ПВО и МПВО республики ЦК КП(б)Б организовал практически накануне Польского похода – в начале апреля 1939 г. По ее результатам 20 апреля П. К. Пономаренко направил сообщение наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову. В документе

констатировалась «крайняя запущенность этого участка работы», однако причины такого положения названы весьма специфические, полностью отвечавшие духу того времени: «Нами также установлено, что орудовавшие в руководящих органах БССР враги народа срывали все мероприятия, направленные на укрепление противовоздушной обороны, особенно светомаскировки пунктов и объектов БССР. Огромные средства, отпускаемые правительством, расходовались под видом оборонных мероприятий на совсем другие цели» [9, л. 49–50].

В сентябре 1939 г. последовала еще одна проверка. Вот что говорится о ее результатах в справке «О готовности к ПВО г. Гомеля и организации вспомогательных постов ВНОС» [воздушного наблюдения, оповещения и связи. – *И. В.*] начальника сектора ПВО Наркомата лесной промышленности БССР Ступина в военный отдел ЦК КП(б)Б от 4 октября 1939 г.: «Всего имеется построенных газоубежищ 3, одно из них школьное [в то время актуальной была тема о возможном применении противником отравляющих веществ. – *И. В.*]. Установлено, что вследствие неправильно установленного и некачественного фильтровентиляционного оборудования убежища защитой от газов служить не могут. Они загромождены посторонними предметами – столами, шкафами, ящиками и пр. В крайнем случае они могут служить для защиты от осколков фугасных бомб и газоубежищами с постоянным объемом воздуха. Строительство еще 5 газоубежищ не предполагается из-за отсутствия основных строительных материалов».

В сентябре 1939 г. фильтровентиляции не имели и газоубежища Могилёва. По вине строительных организаций большие недостатки присутствовали в оборудовании газоубежищ в школах Минска, хотя эти убежища строились одновременно со зданиями школ по типовым проектам. Комиссия под руководством заместителя председателя Мингорсовета начальника МПВО Цитовича констатировала, в частности, отсутствие герметической изоляции в газоубежищах постройки 1936 г. в Доме труда (профсоюзов) на площади Свободы; на складе конторы «Беллестехснаб» по улице Интернациональной, в общежитии партийных курсов при ЦК КП(б)Б по улице К. Маркса, в трех газоубежищах Дома Правительства и в газоубежище театра оперы и балета, а газоубежище по Советской, 31, где находились жилой дом и Центральная сберкасса, вообще использовалось как вытрезвитель.

В Полоцке не обнаружилось ни одного пригодного к эксплуатации газоубежища и опорного пункта МПВО. Из шести запланированных пулеметных металлических сооружений были готовы только два и лишь потому, что одно находилось в здании городской больницы, а второе было оборудовано областным управлением связи в новом здании почтамта. Такое же положение наблюдалось в Орше. По состоянию на 29 сентября 1939 г. не было ни одного законченного газоубежища в Бобруйске, в стадии строительства находились только пять. Ни одно газоубежище не было закончено и в Витебске [5, л. 63–64, 85, 87–88, 112–115, 119, 124–130].

Определенные меры по совершенствованию систем ПВО и МПВО были приняты. К примеру, СНК БССР разместил на минских станкостроительных заводах имени К. Е. Ворошилова и имени С. М. Кирова заказы на изготовление магнитных пускателей типа ПМ-1 и ПМ-2 и слаботочной аппаратуры для централизованного управления средствами оповещения (электросиренами и радиотрансляционными узлами) и наружным освещением в городах–пунктах ПВО БССР. Минский пирофилитовый завод, выпускавший керамические изделия, занялся изготовлением искрогасительных камер для магнитных пускателей [10, л. 86].

Но, к сожалению, пагубный шапкозакидательский взгляд на возможный сценарий начала войны привел к тому, что даже города–пункты ПВО, к которым были причислены крупнейшие промышленные центры и железнодорожные узлы Беларуси, так и остались не подготовленными к противовоздушной обороне.

Преддверие военных событий 1939 г. отразилось и на политической составляющей советского общества. В частности, резко усилилась цензура средств массовой информации. В качестве примера приведем докладную записку «О состоянии военной цензуры по Витебской области» и.о. начальника Главлита и отдела военной цензуры П. Я. Фролова на имя заведующего военным отделом ЦК КП(б)Б Н. И. Прохорова от 13 августа 1939 г.: «Областная газета “Витебский рабочий” стала источником сведений, составляющих государственную тайну СССР». Так, в июне – июле 1939 г. было разглашено наличие в Ленинграде военного училища инструментальной разведки зенитной артиллерии; Дома Красной Армии в Витебске, что косвенно подтверждает присутствие в городе крупного воинского соединения. Разглашено наличие семи самолетов в Витебском аэроклубе, хотя разрешено показывать только два; наличие воинской части в Городокском районе; 2-го военно-морского артиллерийского училища в Севастополе. Указана фамилия комиссара Н-ской части и др. [5, л. 50–52].

Будучи до предела милитаризованным, 1939 год значительно осложнил бытовую сторону жизни населения. Если в 1935 г. в СССР была отменена карточная система на продукты питания и промтовары, то с 1 января 1939 г. вводились карточки на продажу дров населению, учреждениям и предприятиям [6, л. 13, 15–17]. В магазинах отпускали нормированное количество продуктов «в одни руки», появились большие очереди, жителей стали прикреплять к определенным магазинам.

В связи с оккупацией немецкими войсками части территории Польши в БССР начали прибывать беженцы, в основном, жители местечек и городов, в большинстве – евреи. Их размещали по разнарядке специально созданной Центральной правительственной комиссии СНК БССР в различных регионах Беларуси, кроме Минска и областных центров. Однако некоторые беженцы все-таки приезжали в Минск, что создавало властям дополнительные трудности в деле их размещения, продовольственного обеспечения, политического контроля над бывшими чужеземцами. Эти факты специально

расследовались, о чем свидетельствует, в частности, докладная записка инструктора отдела кадров ЦК КП(б)Б Лисовского заместителю заведующего отделом кадров КП(б)Б И. Ф. Волошину от 10 ноября 1939 г.: «В последнее время замечается приток беженцев по собственной инициативе, а иногда и по совету местных работников в г. Минск из Витебской области; так, например: 9.XI – из Лиозненского района прибыла группа в 15 человек в г. Минск. Представитель областной комиссии т. Кохоновер утверждает, что этим товарищам ехать в Минск посоветовал секретарь Лиозненского РК КП(б)Б» [11, л.11–13].

Не способствовали стабильности в обществе различные слухи, особенно активизировавшиеся в связи с началом Второй мировой войны. В результате люди бросились скупать товары первой необходимости [12, л. 92–95]. Возникли и проблемы со снабжением населения хлебом. На совещании в СНК БССР 22 февраля 1940 г. отмечалось, что хлеб, выпускаемый комбинатами с 24 часов до 5 часов, в основном раскупается до 17 часов. Причем пик приходится на утро, когда за хлебом приезжают сельчане. Поэтому вечером, когда рабочие и служащие идут с работы домой, хлеба в продаже уже нет [13, л. 9].

В значительной мере содействовало распространению слухов проведение войсками БОВО так называемых Больших учебных сборов, объявленных 7 сентября 1939 г., в преддверии военных действий. Сборы проводились с привлечением приписного командного, начальствующего и рядового состава, что фактически означало скрытую мобилизацию. Призыв на сборы вызвал у населения закономерную тревогу. 10 сентября 1939 г. Л. Ф. Цанава сообщил П. К. Пономаренко, что в связи с проходящим набором в лагеря приписного к воинским частям людского состава «наблюдается паническое настроение среди населения», появился большой спрос на товары первой необходимости. В Минске и в ряде райцентров у магазинов создаются значительные очереди за солью, сахаром, мукой, мылом и др. За последние дни резко увеличился спрос на деньги из сберкасс: вкладчики забирают деньги и закрывают счета. Так, по Центральной сберкассе № 16 Минска с 1 по 9 сентября приход составлял 1 033 038 рублей, расход – 2 897 837 рублей, то есть «отлив» составлял 1 264 999 рублей. «Отдельные антисоветски настроенные лица, извращая действительность, распространяют контрреволюционно-провокационные слухи. Так, работник Узденской хлебопекарни Змачинский заявил: “Почему Советский Союз скрывает происходящие события на территории МНР, а сообщил только спустя 10 дней [имеется в виду военный конфликт с участием советских войск в районе реки Халхин-Гол в Монголии, который продолжался с 8 мая до 15 сентября 1939 г. – *И. В.*]. По-моему, со строны монгольско-советских войск были неудачи, поэтому о них и не пишут” [заметим, что это утверждение соответствовало действительности. – *И. В.*]. Колхозница колхоза “Коммунар” Каменецкого сельсовета Узденского района Анна Липай говорила среди населения: “Когда живешь дома в деревне, то ничего не

знаешь, а вот я побыла в Минске, так много чего узнала. Я слышала, что Гитлер нажимает на Польшу, чтобы она шла войной против СССР. Германия обещает Польше помогать, и, если только будет война, то Советскому Союзу будет крах, сметут его с лица земли”».

Цанава – Пономаренко от 13 сентября 1939 г.: «Сведения о военных действиях между Германией и Польшей, Францией и Англией против Германии, договор о ненападении вызвали у населения различные суждения. Договор в основном расценивается как могучий фактор восстановления и укрепления дружественных отношений между СССР и Германией». Так, учетчик Миноблметсоюза Карасик заявил, что теперь, наверно, Япония прекратит войну в Китае, договор ее напугает. Однако вражеские элементы пытаются истолковать договор и военные действия в Польше в контр-революционном духе. Начальник сектора Белорусской заготовительной конторы «Союззаготскот» Миха-Меер Гилькович Иткин сказал, что опасность войны для СССР мы преувеличиваем, все время кричим «Держи вора!», то есть сами хотим воевать, а вину за это взваливаем на других, якобы они хотят втянуть нас в войну. Рабочий конюшни совхоза «Красный транспортник» Петуховский рассказывал о якобы состоявшемся разговоре Ворошилова с Гитлером, во время которого последний заявил, что будет завоевывать всю Польшу. А Ворошилов сказал, что всю Польшу занимать нельзя, а только не далее границ Германии в 1914 г., «так как остальную территорию Польши положено брать Советскому Союзу». О разговоре Гитлера с Ворошиловым говорил также рабочий завода «Ударник» Леонид Дембицкий. Управделами Белорусской опытной станции животноводства Лука Лукич Тоболин заявил 7 сентября 1939 г.: «Наш договор с Германией развязал ей руки. Польша, очевидно, в ближайшее время будет разбита и занята Германией, которая дойдет к нашим границам и может выступить против нас. Гитлеру верить нельзя» [5, л. 6–7, 17–19].

Анализируя сегодня эти высказывания, не перестаешь удивляться, необычайной прозорливости простых жителей Беларуси, которые, несмотря на поистине героические усилия советской пропагандистской машины, весьма чутко ощущали опасность момента и военно-политическую расстановку главных действующих лиц надвигавшихся грозных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. – М. : Кучково поле, 2012. – Т. 2: Происхождение и начало войны / авт. кол.: Ю. В. Рубцов [и др.].– 1008 с.
2. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2007. – 622 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 3. Д. 809.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 37. Д. 18.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14358.

6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1886.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15764.
8. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 21. Д. 1523.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13294.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18405.
11. НАРБ. – Ф.4п. Оп. 1. Д. 14372.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1637.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2146.

И. Н. Кузнецов

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ПЛЕНА И ИНТЕРНИРОВАНИЯ В СССР И БССР (1939–1941)

Накануне Второй мировой войны органы внутренних дел выступали в качестве базовой опоры сталинского режима. НКВД являлся ведомством, сосредоточившим в своих руках беспрецедентный объем административно-политических и социально-экономических функций государства. Беспрекословно выполняя директивные указания партийно-государственного аппарата, органы внутренних дел обеспечивали реализацию важнейших направлений политики сталинского руководства.

Под военным пленом понимается обусловленное состоянием войны временное задержание воюющим государством лиц неприятельской стороны, сопровождаемое ограничением их свободы с целью исключения участия в вооруженной борьбе [1, с. 318].

Режим военного плена накануне Второй мировой войны регулировался Гаагской конвенцией о законах и обычаях ведения сухопутной войны от 18 октября 1907 г. и Женевской конвенцией о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. Право брать в плен, согласно конвенциям, принадлежало исключительно государству в лице его военных органов. Состояние военного плена ограничивалось периодом с момента захвата в плен до момента заключения мира между воюющими сторонами. Военнопленными считались захваченные во время войны лица, входившие в состав вооруженных сил и непосредственно участвовавшие в военных действиях (так называемые комбатанты). Согласно советскому законодательству, статус военнопленных получали, во-первых, лица, принадлежавшие к вооруженным силам противника; во-вторых, лица, имевшие гражданство воюющего с СССР государства, находившиеся к началу войны на территории СССР [2, с. 66, 1012]. Важно подчеркнуть, что статус военнопленных не распространялся на лиц, которые воевали на стороне противника и имели советское гражданство.

Под интернированием (от фр. *interner* ‘водворять на жительство’) понимается принудительное задержание, переселение или иное ограничение свободы, устанавливаемое одной воюющей стороной для находящихся на ее

территории граждан другой воюющей стороны или для граждан другой воюющей стороны, находящихся на оккупированной первой воюющей стороной территории, или нейтральным государством – для военнослужащих воюющих сторон, оказавшихся на его территории [1, с. 406].

В период Второй мировой войны Советским Союзом практиковалось интернирование как иностранных военнослужащих, так и гражданского населения противника. Оно осуществлялось не только на собственной территории, но и за ее пределами, т.е. по территориальному принципу. В последнем случае интернирование носило характер принудительного выселения по национальному признаку и по своему механизму было аналогично этническим депортациям, широко практиковавшимся сталинским режимом. Основную массу интернированных составляли гражданские лица, задержанные и период боевых действий на территории других государств и принудительно вывезенные на территорию Советского Союза.

Создание в системе НКВД структуры, отвечающей за содержание военнопленных, было вызвано началом Второй мировой войны. 1 сентября 1939 г. германские войска вторглись в Польшу. Воспользовавшись успешным продвижением немецкой армии по территории польского государства, части Красной армии под предлогом оказания «братской помощи» белорусскому и украинскому населению 17 сентября 1939 г. пересекли советско-польскую границу и развернули боевые действия. За 12 дней наступления советские войска пленили более 254,5 тыс. польских военнослужащих, в том числе 240 тыс. рядовых, 8,5 тыс. офицеров и 6 тыс. полицейских. Половина пленных после проверки была сразу же освобождена, другая (125,4 тыс.) передана в распоряжение НКВД [3, с. 37–38].

К 20 сентября 1939 г. на территории Белорусского и Киевского военных округов были развернуты 8 приемных пунктов для военнопленных, которые располагались в Житковичах, Столбцах, Тимковичах, Ореховно, Радошковичах, Ярмолинцах, Каменец-Подольском, Шепетовке, Волочиске и Олевске, а также два лагеря-распределителя в Козельске (БССР) и Путивле (УССР). К 1 октября приемные пункты приняли 99 149 чел., из которых 77 675 были направлены в лагеря-распределители [3, с. 48–50].

Наряду с формированием фронтовой сети происходило становление органов управления и тыловых учреждений военного плена. 19 сентября 1939 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ № 0308 «Об организации лагерей для военнопленных». Согласно ему, в структуре НКВД СССР организовывалось Управление по военнопленным (УПВ), начальником которого назначался майор П. К. Сопруненко, ранее работавший в секретариате НКВД, комиссаром – полковой комиссар С. В. Нехорошев, переведенный из ГУЛАГа. В Положении «Об Управлении по делам военнопленных при НКВД СССР» отмечалось, что образуемый орган осуществляет руководство приемом, учетом, размещением, содержанием и трудовым использованием военнопленных, а также политической и культурно-просветительской работой.

Штат УПВ насчитывал 56 должностей: начальника, трех заместителей, секретариат из 12 человек, политотдел из 8 человек, 1-й отдел (режима) из 8 человек, 2-й отдел (учетно-регистрационный) из 10 человек, 3-й отдел (снабжения) из 8 человек, 4-й отдел (санитарный) из 6 человек. По сравнению с ГУЛАГом, руководящий аппарат которого включал 30 управлений, отделов и прочих подразделений со штатом 1 562 сотрудника, УПВ занимало скромное положение в ведомственной иерархии [4, с. 120].

Деятельность УПВ координировалась с другими подразделениями НКВД. К примеру, охрана лагерей осуществлялась в тесном взаимодействии с Главным управлением конвойных войск (ГУКВ), оперативно-разведывательная работа – с Главным управлением государственной безопасности (ГУГБ). Курировал работу УПВ заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышев, одновременно возглавлявший Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР. Через ГУЛАГ осуществлялось продовольственное, вещевое и медико-санитарное снабжение лагерей для военнопленных.

В подчинении УПВ находились 8 лагерей, в том числе Осташковский (на 10 тыс. чел.), Юхновский (на 10 тыс.), Козельский (на 10 тыс.), Путивльский (на 10 тыс.), Козельский (на 10 тыс.), Старобельский (на 8 тыс.), Южский (на 6 тыс.), Оранский (на 4 тыс.). Позднее их число пополнили Грязовецкий и Вологодский (Заоникеевский) лагеря. Как правило, лагеря создавались на базе колоний и санаториев, располагавшихся в бывших монастырских постройках [5, с. 70–73].

В каждом лагере формировались канцелярия, особое, политическое, учетно-распределительное, финансовое, хозяйственное, санитарное отделения, вахтерская, обозная и пожарная команды. Подбор кадров, за исключением руководящего состава, возлагался на территориальные органы НКВД-УНКВД. На работу принимались в первую очередь члены и кандидаты ВКП(б), члены ВЛКСМ, а также лица из числа беспартийных, прошедшие спецпроверку и получившие соответствующую рекомендацию. Руководящий аппарат комплектовался преимущественно из сотрудников госбезопасности. Заработная плата сотрудников лагерей военнопленных и лагерей ГУЛАГа была аналогичной.

3 октября 1939 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия и начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис представили на рассмотрение И. В. Сталина докладную записку по вопросу содержания польских военнопленных [5, с. 114–118]. На ее основании Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: во-первых, об освобождении из плена и роспуске по домам солдат–уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии; во-вторых, о сосредоточении генералов и офицеров в Старобельском лагере (Ворошиловоградская обл.); разведчиков, контрразведчиков, жандармов и полицейских – в Осташковском (Калининская обл.); солдат–уроженцев немецкой части Польши – в Козельском (Смоленская обл.) и Путивльском (Сумская обл.); в-третьих, о выделении 25 тыс. военнопленных на строительство дороги Новоград-Волынский–Львов [5, с. 120–121].

Упомянутым решением, а также принятыми в процессе его реализации приказами и директивами НКВД закладывались основы лагерной системы для военнопленных. Речь шла о создании трех типов лагерей: для офицерского состава; для сотрудников разведывательных и карательных органов; для рядового состава. Для офицеров и генералов выделялись комфортабельные помещения с отдельными койками и постельными принадлежностями, организовывалось улучшенное питание и культурное обслуживание. Для сотрудников разведывательных и карательных органов вводился строгий режим содержания и усиленное агентурно-оперативное наблюдение. Лагеря для рядового состава размещались на базе предприятий и строительств, нуждавшихся в массовой рабочей силе.

В конце февраля–начале марта 1940 г. руководство НКВД СССР берет курс на кардинальное решение проблемы польских военнопленных. 5 марта 1940 г. Л. П. Берия представил И. В. Сталину докладную записку с предложением рассмотреть в особом порядке дела на польских офицеров, жандармов и полицейских, содержавшихся в лагерях НКВД (14,7 тыс. чел.), а также заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии (11 тыс. чел.) с применением к ним высшей меры наказания – расстрела. Мотивировочная часть заключалась в утверждении, что «все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю» [5, с. 384–390].

В этот же день на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об утверждении предложений Л. П. Берии. Рассмотрение дел осуществляла «тройка» в составе первого заместителя наркома внутренних дел В. Н. Меркулова, начальника Главного экономического управления НКВД Б. З. Кобулова и начальника 1-го спецотдела НКВД СССР Л. Ф. Баштакова.

Организация и ход расстрельной акции подробно описаны в научной литературе. В расстрельные списки было включено 97 % узников Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей. Из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД Смоленской области для расстрела отбыли 4 404 человек, из Осташковского лагеря в УНКВД Калининской области – 6 287 человек, из Старобельского лагеря в УНКВД Харьковской области – 3 896 человек [5, с. 601].

6 июля 1940 г. Л. П. Берия подписал приказ № 00806 «О перевозке интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего Польского государства в лагеря НКВД СССР для военнопленных». В соответствии с ним отправке в СССР подлежали 4 767 интернированных поляков. Офицеров, полицейских и гражданских чиновников (2 187 чел.) предписывалось разместить в Козельском лагере, унтер-офицеров и рядовых (2 580 чел.) – в Юхновском [6, с. 219–221].

С 11 по 14 июля перегрузочный пункт на ст. Молодечно принял 4 376 человек: 2 353 офицеров и полицейских отбыли в Козельский лагерь, 2 023 человек рядовых и унтер-офицеров – в Юхновский. В августе 1940 г.

аналогичная операция по интернированию польских военнослужащих была проведена на территории Латвии. С 23 августа по 2 сентября 811 поляков были направлены в Козельский и Юхновский лагеря [3, с. 254].

В июле 1940 г. УПВ было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР).

На 22 июля 1940 г. в лагерях содержались 32 958 военнопленных и интернированных, в том числе: в Грязовецком – 394, Козельском – 2 353, Ровенском – 14 599, Северном железнодорожном – 7 884, Суздальском – 607 (чехи), Южском – 5 098 (красноармейцы, проходившие спецпроверку), Юхновском – 2 023. Оставались в резерве Козельский, Оранский, Осташковский, Путивльский, Старобельский и Темниковский лагеря. Таким образом, в июле 1940 г. из 13 лагерей УПВИ 7 являлись действующими, 6 – резервными [6, с. 231–232].

В марте 1941 г. П. К. Сопруненко предложил Л. П. Берии оформить дела на польских полицейских и жандармов для рассмотрения на Особом совещании НКВД. Однако нарком отдал распоряжение о направлении интернированных, сосредоточенных в Козельском и Осташковском лагерях, на строительство военного аэродрома «Поной» и Мурманской области [4, с. 129].

В сентябре 1939 – июне 1941 гг. в СССР закладываются организационно-структурные основы системы плена и интернирования. В нее входили фронтовые учреждения, представленные приемными пунктами и лагерями-распределителями, и тыловые учреждения, представленные специальными и трудовыми лагерями. Руководство ими осуществляло УПВ-УПВИ НКВД. Одновременно отрабатывается механизм приема, содержания и трудового использования военнопленных и интернированных, совершенствуется соответствующая нормативная база.

На формирование системы плена и интернирования непосредственное влияние оказала внешняя политика сталинского руководства, направленная на включение в состав СССР новых территорий: восточных областей Польского государства, прибалтийских государств, части территории Финляндии (Карельского перешейка). Иностранные военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, захваченные на оккупированных территориях, принудительно водворялись в лагеря УПВ-УПВИ.

В организационном плане система содержания военнопленных и интернированных во многом копировала систему ГУЛАГа. Внешний облик и инфраструктура лагерей УПВ-УПВИ напоминали советские пенитенциарные учреждения. При формировании лагерей военнопленных практическую помощь оказывали сотрудники ГУЛАГа, а общий контроль осуществлял его начальник В. В. Чернышев. О том, что лагеря военнопленных и интернированных являлись составным элементом репрессивного аппарата советского государства, свидетельствует расстрел 15-тысячного контингента Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей в апреле–мае 1940 года. Репрессивная природа советского плена и интернирования также проявлялась в прину-

дительном привлечении «узников войны» к труду на промышленных предприятиях, транспортных и военных объектах, нередко в неблагоприятных климатических условиях.

Массовые расстрелы заключенных, осуществлявшиеся во внесудебном порядке НКВД и НКГБ в прифронтовой полосе в условиях приближающихся войск противника в 1941 г. после начала Второй мировой войны, в официальных документах НКВД именовались как «разгрузка тюрем» или «убытие по 1-й категории» и преимущественно проводились в тюрьмах, но известны многочисленные случаи, когда они происходили при конвоировании задержанных и подозреваемых по «контрреволюционным» статьям. Массово подобная практика применялась в ряде западных областей УССР, в Белорусской ССР и в Прибалтийских советских республиках, которые были быстро заняты немецкими войсками, а также в РСФСР и Карело-Финской ССР во время прорывов немецких войск.

Одна из самых мрачных страниц эвакуации тюрем западных областей – незаконные расстрелы заключенных. Нигде в документах цель этих расстрелов явно не сформулирована. Видимо, фактически она состояла прежде всего в том, чтобы не оставить противнику живых свидетелей преступлений НКВД и советского режима как в довоенное время, так и в дни войны.

Для того, чтобы оценить масштабы трагедии, необходимо привести данные о количестве тюрем и исправительно-трудовых колоний НКВД БССР [7, с. 167–170,175–176] (таблица).

Тюрьмы и исправительно-трудовые колонии НКВД БССР (июнь 1941 г.)

Тип тюрем и исправительно-трудовых колоний	Общее количество	Физически содержалось заключенных
Следственные и срочные тюрьмы	33	26 237
Исправительно-трудовые колонии. Из них	24	77 380
• сельскохозйственные	3	6 250
• промышленные	7	19 580
• особого строительства	14	48 950
• трудовые колонии для несовершеннолетних	4	2 600

Так или иначе, к началу Великой Отечественной войны СССР имел опыт содержания военнопленных и интернированных. На территории СССР была сформирована система органов и учреждений военного плена и интернирования, которая развивалась и совершенствовалась на протяжении последующих военных лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военный энциклопедический словарь / ред. кол. : А. П. Горкин, В. А. Золотарев [и др.]. – М. : Большая Росс. энцикл., 2002.
2. Военнопленные в СССР, 1939–1956: документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – М. : Логос, 2000.
3. *Лебедева, Н. С.* Катынь: преступление против человечества / Н. С. Лебедева. – М. : Прогресс,1994.
4. *Кузьминых, А. Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы) / А. Л. Кузьминых. – Вологда : Древности Севера, 2016.
5. Катынь: пленники необъявленной войны: док. и материалы / под ред. Р. Пихои, А. Гейштора. – М. : Демократия, 1999.
6. Катынь. Март 1940 – сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: док. / отв. сост. Н. С. Лебедева. – М. : Весь мир, 2001.
7. *Шарков, А. В.* Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность / А. В. Шарков. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010.

Д. Пантьо

МУЗЕЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГДАНЬСКЕ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПАМЯТИ

В сегодняшнем мире и современной исторической науке все чаще говорится о местах сохранения памяти. Таких «точек» на карте любой страны множество: места исторических битв, мемориальные комплексы, мартирологические центры, а также музеи, в которых историческая память не только сохраняется, но и исследуется. Автору посчастливилось работать в музее, о котором он желает рассказать.

Музей Второй мировой войны в Гданьске был основан 26 ноября 2008 г. Директором музея назначили профессора Павла Махцевича. Местом для размещения будущего музея был выбран город Гданьск, именно тут начался самый кровопролитный конфликт человечества. Миссия заключается в создании современного музея, где представят историю войны как величайшую катастрофу XX века. Задача создания такого объекта культуры до сих пор актуальна, так как, несмотря на то, что прошло уже более 75 лет с момента начала Второй мировой войны, в Европе до сих пор нет ни одного музея, который бы показывал целостно ход и характер конфликта.

Одна из главных целей музея – показать историю человеческих судеб во время Второй мировой войны. Большинство музеев, посвященных тематике данной войны, сосредоточивают свое внимание на истории военных действий либо на истории военной техники. Для нас же важным является подчеркивание трагедии человечества через историю человеческих судеб [1, S. 46].

Музей Второй мировой войны находится в Гданьске на улице Валовой, в 200 метрах от одного из самых важных исторических мест, связанных с началом Второй мировой войны, – Польской почты в Гданьске. В трех километрах от музея располагается полуостров Вестерплатте, где начался самый большой и глобальный конфликт всего человечества. Территория музея будет составлять около 1,7 тыс. м^2, главная экспозиция – занимать около 7 тыс. м², временным экспозициям будет отведено около 1,5 тыс. м².

В экспозиции представят работы, посвященные не только судьбам поляков, но и судьбам иных народов. Эта отличительная черта выделяет данный музей из числа музеев, посвященных истории Второй мировой войны (так как в своем нарративе мы сосредотачиваем внимание на истории), показывающих всю историю войны, начиная от Японии и заканчивая Европой [2, S. 201]

Наземная часть музея будет иметь форму треугольной призмы высотой около 40 метров. В этой части разместятся библиотека, классы, кинозалы, а на последнем этаже будут располагаться кафе и ресторан с панорамным видом на Гданьск. Помимо основной деятельности музей Второй мировой войны займется собранием и описанием экспонатов, организацией временных выставок, публикацией научных исследований, организацией открытых лекций и образовательных проектов для студентов и детей, а также исторических реконструкций.

Главная экспозиция будет включать в себя 3 нарративных блока, первый из них называется «Дорога к войне». Этот блок посвятят генезису конфликта. Данный блок отразит информацию о том, какие режимы несут ответственность за несоблюдение Версальского мирного договора. В этой части экспозиции можно проследить становление тоталитарных идей и режимов [1, S. 47].

Во втором блоке – «Ужасы войны» – главный акцент сделают на судьбах обычных людей. Войну покажут через призму судеб солдат, военнопленных, узников концлагерей, женщин, детей. Автор надеется, что такой нарратив станет понятен большинству посетителей музея. Самую большую часть этого блока посвятят преступному характеру войны и оккупации. Для того, чтобы посетители смогли лучше понять и представить исторические реалии того времени, в музее будут показаны предметы, связанные с обычной жизнью солдат и мирных жителей. Артефакты, которые встретятся в этой части экспозиции, откроют параллели, связывающие людей в разных частях света во время войны [1, S. 48].

Третью часть экспозиции посвятят «Долгой тени войны», она представит следующие военные ситуации: деление мира на 2 части, доминирование Советского Союза в Восточной Европе и атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. В этой части будут представлены воплащения трагических последствий войны, нечеловеческих потерь, разрушений городов и деревень,

изменений европейских границ, депортаций и переселений немцев, поляков и людей других национальностей, репрессий представителей подполья и партизанского движения в Восточной Европе [1, S. 49].

Внимательные слушатели могут задать себе вопрос: каким образом музей будет стремиться к объективному показу исторических событий? Это непростой вопрос, на него сложно ответить одним предложением. Музеем принят ряд мер, чтобы как можно ближе подойти к объективному показу истории.

Во-первых, рассматриваемый музей – это музей истории человеческой судьбы. В его залах голос отдается свидетелям истории, ничего не комментируется, не оценивается, считается, что дойти к сердцу и разуму человека легче через человека. Таким образом, когда свидетель истории рассказывает о своих переживаниях, посредством собственной истории он становится ближе к посетителю музея, иначе переживает исторические события. Конечно, сотрудники музея понимают, что их могут упрекнуть в необъективности, посетители могут задуматься о том, как возможно показывать объективные события через субъективные истории людей. В таком случае, если нарративы рассказчиков не совпадают либо кардинально отличаются друг от друга, голос отдается двум или более свидетелям, которые преподносят совершенно разное, часто диаметрально противоположное видение истории, и посетитель музея сам решает, кто из них говорит правду. Примером таких различных свидетельств могут служить воспоминания очевидцев из концентрационных лагерей, где узники нееврейской национальности делятся совершенно иными воспоминаниями о времени, проведенном в концлагере, в отличие от воспоминаний евреев из тех же лагерей.

Перед входом в зал расположится таблица, на которой будет представлена основная информация, а в самих залах людям и предметам дадут возможность рассказать свою историю. Так, например, в музее залы будут отведены только одному экспонату. Примером такого зала является зал, посвященный энигме. Это также одно из новаторств музея.

Музей Второй мировой войны в Гданьске ставит целью в своей экспозиции соединить две школы представления экспонатов. Часто бывает так, что в некоторых музеях экспонаты нагромождены в выставочных залах, таким образом сложно понять общий смысл и найти что-то уникальное, ведь самый интересный экспонат можно просто заслонить. Также встречается другая крайность – в музейных залах нет экспонатов, экраны компьютеров посетителям заменяют артефакты.

Во-вторых, в музее существует правило размещения иконических фотографий, характерных для каждой эпохи, периода или места. Сотрудники музея стараются найти и показать фотографии, которые станут визуальным символом исторического момента. Пример такой фотографии находится в зале, посвященном блокаде Ленинграда, – снимок, на котором запечатлена Таня Савичева [3, S. 479].

В-третьих, музей создают не сотрудники музея, его созданием занимаются ученые-историки. Причиной этого послужил тот факт, что тема, которая является главной для нашего музея, очень трудна, а способов представления истории Второй мировой войны огромное множество. Для того, чтобы показать эту непростую и запутанную историю объективным способом, сотрудники музея прибегли к помощи ученых-историков. В музее работают профессор Павел Махцевич, профессор Петр Маевский, специалист в области истории Чехии и Словакии и истории Второй мировой войны, профессор Рафал Внук, специализирующийся в области террора и партизанского движения в Восточной Европе, профессор Томаш Хинчинский, специалист в области немецкой оккупации и немецкого террора; доктор Януш Марщалец, специалист в области конспирации во время Второй мировой войны, доктор Ян Шкудлинский, специалист в области военной истории, доктор Томаш Рабант, специалист в области военной дипломатии.

Ученые из разных стран, работающие в музее, представляют разные академические школы и исследовательские интересы. За уровнем объективности информации, представленной в музее, следит Консультативный совет, в который входят ученые со всего мира. Председателем совета является профессор Норман Дейвис, работающий в Peterhousena Cambridge University. В совет также входят Тимоти Снайдер, профессор Йельского университета, профессор Урлих Херберт, работающий в университете Дюссельдорфа, профессор Павел Полян, сотрудник РАН, профессор Анри Роуссе из университета в d'Histoire dutempsprésent в Париже, профессор Еви Барнави, израильский историк и дипломат [4, S. 132].

Здание музея является типовым, сама архитектура дополняет экспозицию и помогает посетителю пережить все тяготы войны, пройти предвоенными и объятыми войной улицами, увидеть то, какой была жизнь. Примеры подобной архитектуры, позволяющей посетителю музея погрузиться в реальность того времени, – предвоенная улица и советское кино.

Для более объективной демонстрации исторических событий в музее используют метод сравнительного анализа. Событие показывается таким образом, чтобы посетитель смог представить, как оно воплощалось во всех странах-участницах. Примером может служить показ партизанского движения в Польше, СССР, Франции, Югославии, чтобы посетитель смог ознакомиться с тем, каким оно было в разных странах, провести параллели и посмотреть, в чем заключались сходства и различия. Аналогичный подход используется при описании коллаборации и оккупации.

Интегральный подход к строительству современных музеев, когда на его территории находятся залы для проведения конференций, библиотека, издательство и исследовательский институт, располагает общество к дискуссии. Автор считает, что музей станет местом для дискуссий и исследований темы Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Machcewicz, P.* Muzeum II wojny światowej w Gdańsku / P. Machcewicz, P. M. Majewski // Muzealnictwo. – Warszawa, 2009. – S. 200–206.
2. *Machcewicz, P.* Muzeum II wojny światowej w Gdańsku. Zarys koncepcji programowej / P. Machcewicz, P. M. Majewski // Przegląd polityczny. – 2008. – № 91–92. – S. 46–51.
3. *Пантьо, Д.* Блокада Ленинграда в концепции музея Второй мировой войны в Гданьске / Д. Пантьо // Ленинградская битва в мировой истории : доклады. – СПб, 2015. – С. 477–480.
4. *Пантьо, Д.* Музей Второй мировой войны в Гданьске. История. Концепция. Нарратив / Д. Пантьо // Військово-історичний меридіан. Електронний науковий фаховий журнал / Нац. музей історії України у другій світовій війні. Меморіальний комплекс, Ін-т історії України НАН. – Вип. 3 (9). – 2015. – S. 130–134.

Е. А. Гребень

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (по воспоминаниям очевидцев)

Материальное положение гражданского населения Беларуси в условиях нацистской оккупации в настоящее время исследовано достаточно полно на основе архивных документов [1]. В то же время имеется значительный потенциал дальнейшего детального изучения проблемы в рамках устной истории. В работе будет охарактеризовано материальное положение граждан в условиях нацистской оккупации на основе воспоминаний очевидцев.

Опрошенные автором информанты проживали в западных и восточных районах Витебской области (Поставском, Витебском, Лепельском, Россонском), входившей в состав двух крупнейших административно-территориальных единиц периода оккупации – генерального округа Беларусь и зоны тыла группы армий «Центр».

Большинство жителей западной Беларуси происходили из семей крестьян-единоличников, имевших до войны надел земли, достаточный для нормального, по их оценкам, существования [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Двое информантов происходили из семей, не имевших до войны земли, поэтому в материальном плане военная повседневность для их семьи не отличалась от довоенной: тот же наемный труд в качестве батрака («за кошык бульбы») [10; 11]. В основном жители западных районов были в состоянии обеспечивать себя продуктами и в условиях оккупации, по крайней мере, до проведения карательных операций нацистов в 1943–1944 гг. [4; 7; 8].

Родители уроженцев восточных районов работали до войны в колхозах. Несмотря на то, что оккупационные власти фактически сохранили колхозную систему в восточной Беларуси, информанты о их существовании не помнят. Пахотная земля была разделена на полосы между семьям так же, как

и сельскохозяйственный инвентарь. Если не имелось возможности обрабатывать надел пахотной земли по причине отсутствия рабочих рук или лошадей, семья выживала за счет приусадебного участка [12; 13]. По сравнению с западными районами здесь ситуация с продуктами питания была намного хуже, что объяснялось как более низким уровнем материального благосостояния жителей восточной Беларуси до войны, так и значительно большими масштабами партизанского движения в регионе (а значит, необходимостью снабжения партизан продуктами) и масштабами репрессий нацистов против мирных жителей в качестве возмездия за действия партизан.

На фоне сильнейшего дефицита продуктов питания повседневной практикой стало включение в рацион граждан суррогатных продуктов (отрубей, клевера, крапивы) [12; 14]. Информанты отмечали колоссальный дефицит соли. После исчерпания довоенных запасов приходилось употреблять продукты несолеными; изредка удавалось раздобыть соль на рынке в городе [14; 15].

И без того скромные запасы продуктов питания сокращались также по причине размещения в западных районов так называемых «беженцев» (жителей восточной Беларуси, принудительно эвакуированных немцами из прифронтовой зоны). Обеспечение их продуктами вменялось в обязанность местным жителей. Например, каждая семья могла кормить беженцев поочередно по одной-две недели [2].

Размер урожая во многом зависел от наличия времени у крестьян для обработки земли. Однако людей от работы отвлекали для исполнения обязательной трудовой повинности, заставляя чистить дороги, работать на постройке мостов, перевозить грузы [2; 4; 5; 9; 13; 16].

Сложное материальное положение большинства семей, необходимость помогать по дому, обрабатывать землю, пасти скот имели и следующие последствия: дети, даже если в их деревне или рядом была школа, не имели возможности ее посещать, а в зимнее время могло не быть одежды и обуви [10].

Жители западных районов еще с довоенных времен были намного лучше обеспечены скотом [4; 7]. Крестьяне-единоличники в начале войны сумели сохранить его большую часть, поскольку бои здесь носили скоротечный характер, не было массового беженства, масштабной эвакуации, а части вермахта надолго в деревнях не задерживались [17]. До 1943 г. многие жители региона продолжали владеть скотом и домашней птицей. Резкое сокращение их численности произошло уже в ходе карательных операций немцев против партизан и по мере сбора натуральных налогов в пользу оккупационных властей, а во время отступления в 1944 г. уцелевший скот тотально изымался или уничтожался немцами [2; 10; 16]. В восточных районах обеспеченность людей скотом и птицей была ниже. Немногие имели корову или птицу с довоенных времен, часть колхозного скота была эвакуирована, много реквизировали немцы [14; 15; 17]. По воспоминаниям людей, мясо в рационе имелось крайне редко. В отдельных случаях информанты сообщают, что чудом уцелевшая в семье лошадь могла быть реквизирована Красной армией после освобождения Беларуси [6].

Какое-то время граждане использовали довоенные запасы промтоваров [6; 8]. Можно предположить, что в Западной Беларуси они были большими, но рано или поздно заканчивались везде. Практически единственной потенциальной возможностью их приобретения являлось посещение рынков в городах, куда можно было вывезти на продажу сельскохозяйственную продукцию или обменять продукты питания на промтовары [2; 5; 15; 16]. Теоретически сельскому населению разрешались поездки на рынок, но на практике это было крайне сложно, поэтому информанты очень редко упоминают о таких поездках по нескольким причинам. Во-первых, на фоне сдачи оккупационным властям натуральных налогов, реквизиций и грабежей со стороны солдат вермахта и местной полиции, необходимости помогать продуктами партизанам очень немногие семьи могли позволить себе вывезти в город небольшие излишки продуктов питания. Во-вторых, передвижение граждан в рамках административно-территориальной единицы, в которой они проживали, и за ее пределы было ограничено оккупационными властями, а если населенный пункт размещался в зоне, контролируемой партизанами, передвижение людей из нее в районы, контролируемые немцами, было крайне затруднено [10; 12]. Некоторым гражданам изредка удавалось обменять что-либо у немцев, которые могли размещаться в деревне на постой [4; 7; 16]. Поэтому для многих сельских жителей реалиями стало возвращение, по сути, к средневековым практикам: освещение домов с помощью лучины в виду отсутствия керосина, сохранение жара в печи, заимствование углей у соседей, использование кремня и трута для получения огня из-за отсутствия спичек [12; 15]. Те, кто умел и имел необходимые ингредиенты, изготавливали мыло кустарным способом, но наиболее распространенной практикой была стирка одежды с помощью золы [5].

Воспоминания вступают в диссонанс с многочисленными документами немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации, касающимися уплаты всевозможных налогов и сборов. Большинство информантов либо отрицает их наличие, либо оценивает необходимость отдавать продукты питания и скот оккупационным властям как грабеж, проявление насилия, а не фиксированные налоги. Некоторые опрошенные признают наличие натуральных налогов, но затрудняются обозначить их размер [5; 16]. Причиной такой трактовки данного аспекта военной повседневности является то, что по вопросам налогообложения с представителями власти контактировал глава семьи, замужние женщины и дети (в настоящее время воспоминания именно этих категорий граждан доступны для исследователей) не владели информацией. Изредка информант может охарактеризовать налоги и повинности. Так, жительница поселка Лынтупы вспоминает, что по приказу немцев приходилось вязать носки для солдат вермахта, отдавали ячмень, картофель, сено, солому, платили деньги [9].

Оккупационные власти обещали выдачу крестьянам, в полном объеме и в срок сдавшим натуральные налоги, премий в виде сельскохозяйственного инвентаря [1]. Среди множества воспоминаний факт выдачи подтвержден

лишь однажды. Жительница деревни Петровичи Поставского района сообщила, что ее отцу немцы выдали плуг [5]. Этот единичный факт, по нашему мнению, свидетельствует, что обещания немцев носили декларативный характер.

Помимо уплаты фиксированных налогов беззащитные граждане регулярно сталкивались с мародерством со стороны немецких солдат и местных полицейских. Во многих воспоминаниях фигурируют немцы, которые проходили через деревни летом 1941 г. или размещались на постой позднее, которые ловили кур, стреляли в свиней, требовали у хозяев молоко, яйца, заставляли женщин готовить им еду. Аналогичным образом вели себя и полицейские, приходившие в деревни для поиска подозрительных лиц или сбора налогов [3; 4, 16; 18].

Постоянная возможность в любую минуту лишиться имущества из-за грабежей немцев и полиции, угрозы сожжения деревни породила и практику его сокрытия. Ценные вещи (одежда, швейные машинки, велосипеды), зерно, картофель закапывали в землю, скот угоняли в лес [16; 19]. Печальный опыт соседних сожженных деревень способствовал тому, что землянки в лесу копались заранее. Люди заблаговременно вынимали и прятали оконные рамы, двери, чтобы использовать их впоследствии для восстановления сожженных домов [5; 9].

Независимо от места жительства многие информанты отмечают, что в их семьях производился самогон, который в условиях оккупации служил эквивалентом денег. С его помощью можно было откупиться от немцев, задобрить чиновника местной вспомогательной администрации, чтобы он не выдал немцам члена семьи, бывшего до войны советским активистом, или чтобы членов семьи реже назначали на работы в рамках обязательной трудовой повинности, не забирали скот в качестве уплаты налогов. Самогон пользовался спросом у партизан [5; 9; 10; 15; 16; 18].

В наиболее ужасающем виде оккупационная повседневность описывается людьми, которым приходилось скрываться от врага в лесах (часто неоднократно и множество месяцев) во время карательных экспедиций немцев против партизан. Даже если жители деревни осознавали возможность ухода в лес и заранее готовили какие-то продукты, надолго их не хватало, поэтому те, кто спрятался в лесу, голодали. Информанты упоминают, что приходилось пить болотную воду, есть подножный корм, кору, внутренности и трупы павших животных. Изредка кому-то из лагеря беженцев удавалось проникнуть в деревню, покинутую жителями или сожженную, и выкапывать из ям картофель (часто гнилой или мерзлый, если события происходили весной) [18; 20].

Таким образом, воспоминания являются важным источником, дополняющим архивные документы. Документы немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации также показывают бедственное материальное положение подавляющего большинства гражданского насе-

ления. Однако воспоминания очевидцев дают возможность увидеть личный уникальный опыт конкретного человека, семьи, иллюстрируют практики выживания в экстремальной ситуации, показывают сходные моменты и локальные отличия в жизни людей в условиях нацистской оккупации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гребень, Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.) : монография / Е. А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
2. Воспоминания Головко Анны Игнатьевны, 1935 г.р., записаны в дер. Миськие Поставского района 13.08.2017 г. // Личный архив автора.
3. Воспоминания Журомского Бронислава Ивановича, 1931 г.р., записаны в дер. Попелики Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
4. Воспоминания Федорович Виктории Людвиковны, 1932 г.р., записаны в дер. Попелики Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
5. Воспоминания Грибко Марии Антоновны, 1922 г.р., записаны в дер. Петровичи Поставского района 7.10.2017 г. // Личный архив автора.
6. Воспоминания Каркоз Виктории Викторовны, 1928 г.р., записаны в дер. Комаи Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
7. Воспоминания Сакович Леокадии Альбертовны, 1923 г.р., записаны в дер. Сороки Поставского района 7.10.2017 г. // Личный архив автора.
8. Воспоминания Теляк Тамары Константиновны, 1924 г.р., записаны в дер. Теляки Поставского района 13.08.2017 г. // Личный архив автора.
9. Воспоминания Урбанович Елены Ивановны, 1920 г.р., записаны в пос. Лынтупы Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
10. Воспоминания Альфера Антона Степановича, 1929 г.р., записаны в дер. Груздово Поставского района 13.08.2017 г. // Личный архив автора.
11. Воспоминания Лукашевич Ядвиги Иосифовны, 1923 г.р., записаны в дер. Переслега Поставского района 7.10.2017 г. // Личный архив автора.
12. Воспоминания Тарасевич Валентины Филипповны, 1924 г.р., записаны в дер. Велевщина Лепельского района 10.07.2009 г. // Личный архив автора.
13. Воспоминания Василевской Любови Антоновны, 1929 г.р., записаны в дер. Ляховщина Поставского района 7.10.2017 г. // Личный архив автора.
14. Воспоминания Подобед Варвары Иосифовны, 1918 г.р., записаны в дер. Велевщина Лепельского района 10.07.2009 г. // Личный архив автора.
15. Воспоминания Богдановича Владимира Романовича, 1928 г.р., записаны в дер. Велевщина Лепельского района 10.07.2009 г. // Личный архив автора.
16. Воспоминания Койры Фелиции Бернардовны, 1927 г.р., записаны в дер. Ковали Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
17. Воспоминания Васильева Владимира Яковлевича, 1927 г.р., записаны в дер. Островские Витебского района 4.07.2009 г. // Личный архив автора.
18. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 1923 г.р., записаны в г. Верхнедвинске 9.09.2014 г. // Личный архив автора.

19. Воспоминания Петровской Фелиции Михайловны, 1927 г.р., записаны в дер. Свирдуны Поставского района 12.08.2017 г. // Личный архив автора.
20. Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны, 1927 г.р., записаны в дер. Шалашники Россонского района 12.05.2019 г. // Личный архив автора.

В. Лукашун

«НА ОСНОВАНИИ ДЕКРЕТА ФЮРЕРА И КАНЦЛЕРА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИКАЗЫВАЮ...» (положение еврейского населения на территории генерал-губернаторства с октября 1939 г. до июня 1941 г.)

Вместе с входом в Польшу сил Вермахта польские евреи попали под влияние антисемитской политики, проводимой в Третьем рейхе. На оккупированных польских землях 12 октября 1939 года было создано генерал-губернаторство, в котором проживало 12 млн человек. Среди этого населения было 1,5 млн евреев [1, S. 165–167] .

Первые действия, направленные против проживающего на этой территории еврейского населения, имели место еще во время Польской кампании. Во многих населенных пунктах, в которые входили немцы, еврейское население подвергалось унижениям и избиениям, а десятки домов, синагог или еврейских предприятий уничтожались. Уже тогда имели место первые массовые расстрелы еврейского населения. В начале положение евреев было, однако, неоднородным, так как в некоторых регионах немецко-еврейские отношения являлись нейтральными, без каких-либо признаков враждебности, с которой тогда относились к полякам.

Эта ситуация начала медленно меняться вместе с первыми указаниями немецких полицейских властей, которые содержались в телеграмме к руководителям оперативных групп Полиции безопасности от 21 сентября 1939 г. Она включала первые указания по осуществлению планированной политики в отношении евреев на оккупированных территориях Польши, предполагающие концентрацию еврейского населения в крупных городах и создание еврейских советов [2, S. 882].

Несмотря на существование такого рода приказов, на момент завершения Польской кампании, власти Третьего рейха не имели четкой концепции в вопросе реализации нацистской антисемитской политики [3, S. 28–29]. Однако для того, чтобы в будущем иметь возможность четко выполнять любые принятые в отношении евреев решения, немецкая администрация в генерал-губернаторстве (ГГ) вела работы, направленные на то, чтобы изолировать их от остального общества и вывести из-под действия закона [4, S. 174].

В связи с этим были созданы специальные подразделения оккупационной гражданской администрации и полицейские структуры по делам евреев. На уровне властей ГГ этим занимался Отдел внутренних дел, имеющий свои аналоги на уровне районов и старост. В рамках сил

безопасности и полиции еврейскими вопросами занималось гестапо [5, S. 56], а также полиция порядка и уголовная полиция. В связи с тем, что компетенции гражданских властей и полиции покрывались, часто доходило до конфликтов, что заметно в политике, проводимой в отношении еврейского населения [5, S. 53–56, 6, S. 277].

Действия немецких оккупационных властей в генерал-губернаторстве были следствием антиеврейской политики Третьего рейха, которая прояснилась уже в период между Первой и Второй мировыми войнами. С приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера и НСДАП постепенно воплощались в жизнь антисемитские законы [5, S. 19–21].

Вначале это были лишь незначительные запреты и ограничения, которые систематически вводились в немецкое законодательство. Продолжением этой деятельности стали Нюрнбергские законы 1935 года, лишающие евреев гражданства, избирательного права, возможности военной службы, научных степеней, права на заключение смешанных браков.

Также законом было сформулировано определение еврея, которым признавалось лицо, у которого, по крайней мере, три бабушки-дедушки имели чисто еврейское расовое происхождение. Кроме того, было определено понятие смешанного потомка первой и второй степени, так называемого «мишлинга», то есть еврея на половину и на четверть [7, S. 46–47; 8, S. 34–39]. Следующим этапом стал массовый грабеж еврейского имущества, начатый в 1938 году [7, S. 52–60].

В момент создания генерал-губернаторства немцы применили на оккупированной территории некоторые правовые решения и реализовали действия, проведенные ранее на территории Третьего рейха, которые, по мере продолжения оккупации, становились более интенсивными.

Часть из вводимых антиеврейских правовых актов имела свои аналоги среди постановлений, распространявшихся на все мирное население в губернаторстве, однако постановления, касающиеся евреев, были более подробными и репрессивными [1, S. 307; 7, S. 68–71]. Целью введения антиеврейского законодательства в ГГ было отделение евреев от остального общества, усыпление бдительности еврейского общества и создание основ для будущего окончательного решения еврейского вопроса [7, S. 142–143; 9, S. 34; 10, S. 10–13].

Для реализации планов в отношении евреев немецкие власти в ГГ приказали организовать еврейские самоуправления, еврейские советы (Judenraty), основанные, в какой-то степени, персонально и организационно на существующих до войны религиозных общинах [11, S. 72–73; 5, S. 74]. Они выполняли функцию местного самоуправления и представляли евреев перед оккупационными властями, а также, прежде всего, занимались выполнением приказов немецких властей [11, S. 156–158].

Среди введенных в 1939 году антиеврейских постановлений были законы, обязывающие размещать на помещениях еврейского населения звезду Давида, вводящие комендантский час, запрещающие находиться в

некоторых общественных местах или выезжать за пределы зоны проживания. Также были конфискованы депозиты, счета и крупные еврейские активы. Очередным преследованием было введение обязанности ношения всеми представителями еврейского населения старше 12 лет знака в виде белой повязки с надписью и звездой на плече или желтой звезды, пришитой к одежде [9, S. 55; 7, S. 144–145]. Оккупационные власти объявили также о принудительных работах в отношении всех еврейских мужчин в возрасте от 14 до 60 лет, проживающих в генерал-губернаторстве [12, S. 6]. В рамках данного постановления евреи использовались в качестве рабочей силы на общественных работах, на заводах, в карьерах, лесах, при строительстве дорог и мелиорации. Многие работы имели порочащий характер, проходили в тяжелых условиях и были связаны с плохим отношением к еврейским работникам [7, S. 146; 10, S. 12].

Помимо многочисленных запретов, еврейское население систематически обкрадывалось отдельными солдатами или чиновниками. Также это происходило в рамках организованных действий оккупационных властей [13, S. 148; 6, S. 281–282]. Независимо от краж и реквизиций еврейское население также было обременено обязанностью уплаты многочисленных и иногда весьма высоких контрибуций, что дополнительно усиливало бедность большинства евреев, которые после потери работы и имущества, а также охваченные немецкими девизными ограничениями, подвергались постоянному и усиливающемуся обнищанию [9, S. 34; 6, S. 281].

Очередная волна антиеврейских постановлений была введена во 2-й половине 1940 года. На основании постановления оккупационные власти ввели определение понятия «еврей» на территории генерал-губернаторства. В соответствии с ним евреем считалось лицо, «которое согласно положениям законодательства Рейха является евреем или считается евреем <...>, которое как бывший гражданин Польши либо как лицо без государственного подданства является евреем или считается евреем <...>, евреем является тот, у кого, по крайней мере, три бабушки-дедушки с расовой точки зрения имеют чисто еврейское происхождение <...>. Евреем считается тот, у кого двое бабушек-дедушек с расовой точки зрения имеют чисто еврейское происхождение, а) на 1 сентября 1939 года принадлежал к иудейской общине или был принят в нее позднее, б) в момент вступления закона в силу состоял в браке с евреем или вступил в такой брак позднее» [14, S. 231–232].

В этот период началась новая волна антиеврейского правового регулирования. В результате его вступления в силу евреям запретили входить в парки, ходить по определенным улицам и площадям, пользоваться скамейками, а также было ограничено право свободного выбора места жительства и пребывания в ГГ [5, S. 83–86]. Среди антиеврейских постановлений появились также правила, обязывающие освобождать дорогу всем встреченным немцам в мундирах и кланяться им [5, S. 87].

Наконец, осенью 1940 года евреям полностью запретили свободу передвижения и приступили к следующему этапу создания гетто [15, S. 1–2; 6, S. 281]. Этот процесс в разное время и с различной интенсивностью проводился в следующих округах генерал-губернаторства [7, S. 110–111].

Введение системы гетто позволяло контролировать население, упрощало захват имущества, а также обеспечивало доступ к значительным ресурсам бесплатной рабочей силы, дополнительно изолируя евреев от остального общества [9, S. 113]. В большинстве гетто, в которых находилось еврейское население, были крайне тяжелые условия проживания и питания. Большая плотность населения на небольшом пространстве способствовала эпидемиям, что дополнительно усугублялось голодом, вызванным ограничениями в доступе к продуктам питания и дороговизной [16, S. 70–135]. Несмотря на тяжелые условия, голод, болезни и принудительный труд, большинство евреев были уверены, что их ситуация является довольно стабильной и что, несмотря на строгую антиеврейскую политику, им удастся выжить в гетто до конца войны.

Положение еврейского населения значительно изменилось в середине 1941 г. В связи с началом войны с СССР меры, направленные против евреев, усилились. Несмотря на планы по полному решению еврейского вопроса только после завершения боевых действий, власти Третьего рейха решили ускорить этот процесс. Предвестием изменения положения евреев было выступление генерального губернатора Ганса Франка на заседании правительства ГГ в Кракове 16 декабря 1941 г.: «Генерал-губернаторство должно быть свободно от евреев <...>. Где и как это произойдет – это дело инстанций, которые мы должны здесь назначить и создать и о деятельности которых я предупрежу Вас в нужное время <...>» [2, S. 893].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Madajczyk, Cz.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce / Cz. Madajczyk. – T. 1. – Warszawa, 1970.
2. *Bartoszewski, W.* Ten jest z ojczyzny mojej / W. Bartoszewski, Z. Lewinówna. – Kraków, 1969.
3. *Łuczak, Cz.* Polityka ludnościowa i ekonomiczna hitlerowskich Niemiec w okupowanej Polsce / Cz. Łuczak. – Poznań, 1979.
4. Działalność władz okupacyjnych na terytorium Rzeczypospolitej w okresie 1 IX 1939–1 IX 1940. Raport z archiwum politycznego prof. Stanisława Kota, wyb. J. Gmitruk, J. Mazurek. – Warszawa, 1999.
5. Getto warszawskie. Przewodnik po nieistniejącym mieście / pod red. B. Engelking, J. Leociak. – Warszawa, 2013.
6. Najnowsze dzieje Żydów w Polsce / pod red. J. Tomaszewskiego. – Warszawa 1993.
7. *Eisenbach, A.* Hitlerowska polityka eksterminacji Żydów w latach 1939–1945 jako jeden z przejawów imperializmu niemieckiego / A. Eisenbach. – Warszawa, 1953.

8. *Rigg, B. M.* Żydowscy żołnierze Hitlera. Nieznana historia nazistowskich ustaw rasowych i mężczyzn pochodzenia żydowskiego w armii niemieckiej / B. M. Rigg. – Warszawa-Kraków, 2005.
9. *Urbański, K.* Zagłada Żydów w dystrykcie radomskim / K. Urbański. – Kraków, 2004.
10. Tak było… Sprawozdania z warszawskiego getta 1939–1943 / pod red. J. Adamska, J. Jazimierska, R. Sakowska. – Warszawa, 1988.
11. Verordnungsblatt des Generalgouverneursfür die Besetzten Polnischen Gebietenr 9. – Warszawa, 1939.
12. Verordnungsblatt des Generalgouverneursfür die Besetzten Polnischen Gebietenr 1. – Warszawa, 1939.
13. *Chodakiewicz, M. J.* Żydzi i Polacy 1918–1955. Współistnienie, zagłada, komunizm / M. J. Chodakiewicz. – Warszawa, 2000.
14. Verordnungsblatt des Generalgouverneursfür die Besetzten Polnischen Gebiete. – T. I, nr 48. – Warszawa, 1940.
15. *Ajzensztajn, B.* Tło. Środki stosowane przez władze niemieckie wobec Żydów w celu uniemożliwienia oporu (w:) Ruch podziemny w ghettach i obozach (materiały i dokumenty) / ohrac, B. Ajzensztajn. – Warszawa-Łódz-Kraków, 1946.
16. *Ringelbum, E.* Kronika getta warszawskiego. Wrzesień 1939 – styczeń 1943 / E. Ringelbum. – Warszawa, 1988.

М. В. Стрелец, С. А. Птичкина

ИВАН МЕФОДЬЕВИЧ МАНАГАРОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВИДНОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА

12 июня 2018 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Ивана Мефодьевича Манагарова. Этот человек принадлежит к славной когорте советских военачальников, внесших большой вклад в Великую Победу советского народа в Великой Отечественной войне. Иван Мефодьевич один год прослужил в российской императорской армии и 35 лет – в Советских Вооруженных Силах (СВС).

Уже в процессе службы в российской императорской армии этот уроженец поселка Енакиево Бахмутского уезда Екатеринославской губернии убедительно доказал, что является отличным профессионалом в военном деле. Он был награжден Георгиевскими крестами 2-й, 3-й и 4-й степеней. За каждым из крестов стояли подвиги, совершенные на фронтах Первой мировой войны.

Служба в СВС началась со стартовой точки в истории Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), которая в 1946 году была переименована в Советскую армию. Он отлично себя проявил во второй для него военной кампании, совпавшей с Гражданской войной и иностранной военной интервенцией. Награждение Почетной грамотой Реввоенсовета Республики было целесообразным. Манагаров прославился как помощник командира полка, и как командир такой же тактической единицы в боях с вооруженными формированиями Белого движения, дуалистической империи Австро-Венгрии, а также махновцами. Окончание Гражданской войны и иностранной военной интервенции встретил курсантом 5-й кавалерийской школы имени С. М. Будённого [1].

В период между Великой Отечественной и Гражданской войнами прошел путь от командира кавалерийского взвода до командира кавалерийской дивизии, оказался в числе выпускников Военно-политической академии имени Толмачева в Ленинграде, имел весьма содержательную функциональную нагрузку в ходе зарубежных командировок, достиг воинского звания «генерал-майор». Это время не было сугубо мирным для героя очерка. Пришлось схлестнуться в смертельной схватке с басмаческими бандами. Вклад возглавляемого Манагаровым взвода в победу Советской власти над басмачеством несомненен. Иван Мефодьевич был одним из ключевых военных советников Чан Кайши в самый разгар антияпонской войны, которую пришлось вести Китаю. Чан Кайши высоко оценивал компетенцию военного советника. Манагаров получил из рук Чан Кайши орден Облака и Знамени 2-й степени. Советский военный специалист оказал также серьезную помощь руководству Монгольской Народной Республики во время соответствующей командировки.

Реальное участие генерал-майора И. М. Манагарова в Великой Отечественной войне началось в январе 1942 года . Именно тогда состоялось назначение в соединение, вовлеченное в реальный театр военных действий (ТВД). У сражавшегося на Западном фронте 16-го кавалерийского корпуса появился новый командир. Через два месяца он возглавит 7-й кавалерийский корпус. Действия комкора И. М. Манагарова настолько восхитили представителя Ставки Верховного Главнокомандующего генерала армии Г. К. Жукова, что тот сделал следующий вывод: уровень И. М. Манагарова – уровень командующего армией. Г. К. Жуков выявил у И. М. Манагарова наличие стратегического мышления, умение решать уравнения со многими неизвестными, способность оперативно разбираться в сложной обстановке, великолепные организаторские качества, мастерство налаживать и поддерживать постоянную связь со всеми частями и подразделениями. Поэтому совсем неудивительно, что в декабре 1942 года наступил тот отрезок истории 41-й армии Калининского фронта, когда ею командовал Манагаров. Отрезок длиной всего в три месяца. Но каким он был по результативности! Решив кадровый вопрос в пользу Манагарова, Жуков тем самым способствовал впечатляющим результатам действий армии. Примеров тому множество. Приведем только один. Возьмем статистику за шесть дней. Первый день датирован 10 марта 1943 года, второй – 15 марта 1943 года. 318 населенных пунктов были возвращены в положение, которое существовало до германской оккупации. Панцерваффе недосчиталось 44 «Тигра». В российской земле остались лежать 4 тыс. солдат и офицеров вермахта [2].

Когда первый квартал 1943 года подходил к концу, генерал-майора ждало очередное назначение. Он возглавил 53-ю армию. Это оперативное объединение до ноября 1943 года относилось к Степному фронту, а с ноября 1943 года – ко второму Украинскому. На момент указанного назначения личный состав всех армий фронта был нацелен на комплекс предварительных мероприятий, которые должны были гарантировать победу РККА над вермахтом в сражениях на Курско-Орловской дуге. Командарм быстро решил задачу по формированию мощных оборонительных порядков, связаных с Курским выступом. При этом брались в расчет обоснованные предположения о глубине обороны. Донесения армейской разведки свидетельствовали об усиленном наращивании присутствия панцерваффе. Поэтому в частях и подразделениях 53-й армии соответствующие умения и навыки личного состава шлифовались таким образом, чтобы камня на камне не оставить от амбиций танковых стратегов вермахта. Опытный военачальник сформулировал алгоритм сведения к общему наступательному знаменателю представителей разных родов войск, прежде всего пехотинцев, артиллеристов. Все комдивы получили вводную: проводить полевые занятия так, чтобы добиться автоматизма во взаимодействвии данных родов войск в ходе атаки на позиции вермахта.

Все, к чему готовил вверенные ему войска командарм Манагаров, пригодилось в реальной боевой обстановке, когда 53-я армия вносила вклад в завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, действуя на харьковском направлении [3].

Когда началась наступательная операция, Иван Мефодьевич сразу же отступил от классических канонов относительно нахождения командарма. Они жестко предписывали, что занимающий эту должность военачальник обязан находиться на командном пункте, значительно отстоящем от дивизий, сосредоточенных на первом эшелоне и, естественно, призванных наносить главный удар. Командарм поступил с точностью да наоборот. По его настоянию в боевых порядках первого эшелона оказались генералы, многие старшие офицеры.

Именно к этим порядкам относилась 299-я дивизия, которую никогда не покидал командарм. Между тем оборонительных рубежей у германцев было ни один и ни два, а гораздо больше. Сначала требовалось пройти через те из них, что имели характер промежуточных. Сложность прохождения возрастала от одного рубежа к другому. После того, как 4 дивизии первого эшелона установили полный контроль над пространством, прилегавшим к Харькову с севера и запада, на повестке дня оказалось овладение соответствующим внешним оборонительным рубежом. Он был гораздо сложнее любого из предыдущих.

Командарм прекрасно понимал, что лобовая атака по всему периметру внешнего оборонительного рубежа в светлое время суток выглядела бы самой настоящей авантюрой. Требовался другой вариант атаки в иное время суток. Как только начался отсчет дня 15 августа 1943 года, стоявший на наблюдательном пункте (НП) командира 960-го стрелкового полка 299-й дивизии И. М. Манагаров дал старт наступлению стрелковых батальонов на наиболее значимые участки внешнего оборонительного рубежа. Каждый из батальонов, наносивший концентрический удар по этим участкам, имел также количество личного состава, которое превышало устоявшиеся штаты. Это плюс действия в теснейшей связке с родом войск, который с легкой руки Сталина стали называть богом войны. Шквальный огонь артсистем пришелся весьма кстати.

Внешний оборонительный рубеж перестал быть монолитом. Обрели реальные очертания бреши. Центральное значение имел переход в руки манагаровцев высоты 201,7. На ней была завязана устойчивость данного рубежа. После появления брешей туда стремительно хлынули части и подразделения с общей численностью личного состава, в разы большей, чем та, которая использовалась для первоначальной атаки. Известно, что после потери высоты 201,7 германцы еще надеялись снять угрозу полного окружения, учитывая лесной массив реки Уду. Но став здесь полными хозяевами положения, манагаровцы похоронили эти надежды. За харьковский триумф командарм получил первую в жизни советскую полководческую награду – Орден Суворова первой степени. На погонах героя очерка появится очередная звездочка [4].

Харьковский триумф для манагаровцев был далеко не последним. Если вынести за скобки те три месяца, когда командарм был во власти военных эскулапов, то окажется, что он не расставался с 53-й армией вплоть до ее расформирования, которое произойдет уже после Второй мировой войны.

В украинском театре военных действий (ТВД) харьковский триумф был дополнен освобождением Полтавы, Кременчуга, форсированием Днепра, успешными операциями на Правобережной Украине.

Важным этапом в военной карьере командарма явилось участие в осуществлении освободительной миссии Вооруженных сил СССР в Центральной и Восточной Европе на румынском и венгерском, чехословацком направлениях.

На румынском направлении ключевое место заняли стремительное преодоление Фокшанского укрепленного района, освобождение городов Бухарест, Клуж. При этом был продемонстрирован феноменальный темп передвижения войск, заставший противника врасплох.

На венгерском направлении манагаровцы прошли через тяжелейшие испытания, задавшись целью освободить столицу государства. На сравнительно небольшом пространстве, прилегавшем к Будапешту, стояли насмерть без малого 180 тысяч вооруженных до зубов германцев. Инженерное оборудование, размещенное на этом пространстве, было рассчитано на весьма глубокую оборону. С автором статьи в Википедии можно согласиться в том, что «в данных условиях от нашего командования, бойцов штурмовых групп требовалось умение вести уличные бои, действовать смело, решительно, в то же время – изобретательно и хитро, чтобы победить малой кровью». Иван Мефодьевич сполна продемонстрировал именно такое умение, и Будапешт был взят. Меньше проблем было со взятием Эгера, но и здесь не все было просто.

Самым важным для армии событием на чехословацком направлении стало освобождение города Брно [5].

26 апреля 1945 года герой очерка вошел в корпус Героев Советского Союза. За что было присвоено это звание? В наградном листе читаем: «За умелое руководство войсками армии в боях при прорыве обороны немецко-фашистских войск под Будапештом и Братиславой, успешное форсирование реки Морава и проявленные при этом личное мужество и отвагу» [2].

29 мая 1945 г. в РККА появится очередной генерал-полковник. Важно отметить, что именно в этом звании Иван Мефодьевич будет участвовать в Хингано-Мукденской наступательной операции. Манагаровцам покорится Буян-Хашунский укрепленный район. Их командарм сумел минимизировать издержки, связанные с преодолением горного хребта Большой Хинган. Перед 53-й армией, входившей с начала августа 1945 года в состав Забайкальского фронта, капитулировали японские гарнизоны, засевшие в Даньдуне, Фисуне, Чаояне. После советско-японской войны грудь генерал-полковника украсит очередной Орден Красного Знамени.

Послевоенный этап службы в Вооруженных силах СССР занял 8 лет. В 55 лет пришлось уйти с военной службы. Причина тому только одна: сказалось тяжелейшее ранение, полученное 5 декабря 1943 г. Вершиной военной карьеры явилось принятие в 1949–1953 гг. должности командующего войсками ПВО Киевского района.

Герой Советского Союза, кавалер 12 советских орденов, 3 Георгиевских крестов, 4 орденов иностранных государств И. М. Манагаров ушел из жизни 27 ноября 1981 г.

Замечательно, что о генерал-полковнике помнят на его родине. Отметим, что в годы Советской власти она приобрела статус города областного подчинения в Донецкой области. Еще при жизни наш герой стал почетным гражданином города Енакиево. Наполнен глубоким смыслом факт нахождения стелы И.М. Манагарова на аллее Героев в этом городе.

Память о видном военачальнике увековечена не только в его родном городе. Жители городов Кременчуг, Ялта гордятся тем, что одна из улиц их городов была названа в честь этой яркой личности [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Манагаров, Иван Мефодьевич // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Манагаров, Иван Мефодьевич. – Дата доступа : 01.02.2019.
2. Манагаров Иван Мефодьевич : Министерство обороны ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/USSR/more.htm?id... – Дата доступа : 11.01.2019.
3. Манагаров, Иван Мефодьевич – это... Что такое Манагаров, Иван ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1502459. – Дата доступа : 21.01.2019.
4. Манагаров Иван Мефодиевич // Публичная Библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MANAGAROV Ivan... – ManagarovI.M.html. – Дата доступа : 31.01.2019.
5. Манагаров Иван Мефодьевич [Электронный ресурс]. – Режим Доступа : www.biograph.ru/index.php/polkovod/1863-managarov. – Дата доступа : 31.01.2019.

С. В. Кулинок

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БЕЛОРУССКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ С СОЮЗНЫМИ, РЕСПУБЛИКАНСКИМИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ НКВД/НКГБ И ОРГАНАМИ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ» ПО ВОПРОСУ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ АГЕНТУРЫ

Тема взаимодействия Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) как с вышестоящими органами руководства партизанской борьбой (Центральным штабом партизанского движения – ЦШПД), так и с органами государственной безопасности различного уровня до настоящего времени не становилась объектом самостоятельного комплексного исследования. Это

в равной степени относится и к сотрудничеству по вопросу выявления агентуры противника. Отдельные аспекты этой проблемы нашли освещение в историографии и изданных сборниках документов [1–7]. В вышеназванных исследованиях и изданиях, как правило, только обозначался сам факт взаимодействия советских органов госбезопасности с партизанскими соединениями и приводились отдельные примеры совместных действий.

В данной статье будет рассмотрено, как проходило и осуществлялось взаимодействие БШПД с органами госбезопасности и структурами «Смерш»; насколько интенсивным и результативным было это взаимодействие и какие вопросы в первую очередь рассматривались и решались.

В годы войны в разведывательном отделе (РО) БШПД концентрировался значительный объем разведывательных данных, касающихся форм и методов деятельности немецкой разведки [8, л. 81–82; 9, л. 341; 10, л. 137–137 об.; 11, л. 201–202; 12, л. 43 об.; 13, л. 12 об.–13; 14, л. 236–236 об.], работы разведывательно-диверсионных школ не только на территории БССР [15, л. 88–89; 16, л. 21–22, 411; 11, л. 240; 17, л. 6 об.], но и в Польше [15, л. 43; 16, л. 16; 18, л. 184–185], Германии [19, л. 58–59; 16, л. 166; 20, л. 110;], других регионах СССР [16, л. 235, 407; 11, л. 189; 21, л. 109; 22, л. 131, 133 об.–134]. Поэтому своевременное получение этих данных республиканскими, союзными и территориальными органами НКВД/НКГБ, а с апреля 1943 г. и органами «Смерш», во многом было залогом успешной работы по выявлению и разоблачению засылаемой агентуры.

Представляется корректным выделить 4 уровня взаимодействия БШПД с советскими спецслужбами.

1. Это непосредственное взаимодействие разведывательного отдела БШПД с указанными органами госбезопасности. В этом случае информация, поступавшая в РО и касающаяся деятельности немецких спецшкол и агентуры, анализировалась и проверялась, а затем направлялась в органы НКВД/НКГБ и «Смерш». Такой способ взаимодействия использовался, когда разведывательные данные были очень важными и требовали оперативного решения. Например, в конце августа 1943 г. на территории Могилевской области были разоблачены несколько шпионов, окончивших школу в Могилеве и сообщившие установочные данные об агентах, подготовленных для отправки в тыл СССР и части Красной армии [15, л. 44–44 об.]. Эти сведения поступили в РО БШПД, и старший помощник начальника отдела Наум Косой подготовил аналитическую справку, которую отправил в том числе в Главное управление контрразведки (ГУКР) «Смерш», НКВД БССР и СССР. Это форма взаимодействия была не очень распространенной.

2. Сотрудничество в рамках существующего текущего (обязательного) документооборота. Это в первую очередь касается разведывательных сводок БШПД, которые согласно табеля срочных донесений от 10.10.1942 г. должны были предоставляться каждые 3–4 дня. Только за 1943 г. в разведсводках БШПД была представлена информация о деятельности школ и курсов в

Сенно, Могилёве, Борисове, Слуцке, Витебске, Петрикове, Минске, Полоцке, Бресте, Орше, Гомеле [23, л. 13, 89, 113, 129–130, 147, 172, 214, 219, 250, 316]. Поскольку сводки составлялись в нескольких экземплярах (от 9 до 13), то они попадали в НКГБ и НКВД БССР, разведывательный отдел Генерального штаба РККА, Главное управление контрразведки РККА.

3. Взаимодействие на уровне руководителей БШПД (начальника, заместителей начальника), соответствующих спецслужб и их структурных подразделений. Это могла быть служебная инициатива руководства, или результат рабочей переписки по текущим вопросам. Например, 16 мая 1944 г. на имя наркома госбезопасности СССР В. Меркулова и замначальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанта Н. Селивановского из БШПД было направлено спецсообщение, в котором, в частности, указывалось: «По донесению командира соединения минских партизан полковника т. Мачульского от 15.5.1944 г. партизанской бригадой «Смерть фашизму» задержан и разоблачен немецкий агент Плетнев Семен Филиппович, 1914 г.р., уроженец Курской области. На допросе Плетнев показал, что он окончил школу диверсантов-террористов, находящуюся в д. Курганы Минского района и области. По его же данным, в конце мая месяца сего года с Минского аэродрома должны выбросить в Смоленские леса 130 диверсантов. Немецкий агент С. Ф. Плетнев в партизанской бригаде был перевербован и послан обратно с заданием при заброске его в советский тыл явиться в органы НКВД и сообщить подробные данные о засланных агентах и диверсантах» [15, л. 122; 16, л. 411] (в документе стоит резолюция – «Сообщено т. Меркулову и Селивановскому»).

27 мая на имя наркомов госбезопасности СССР и БССР В. Меркулова и Л. Цанава, генерала Н. Селивановского и начальника управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта А. Вадиса было отправлено спецсообщение за подписью заместителя начальника БШПД И. Ганенко о том, что в мае 1944 на территорию БССР был направлен представитель Белорусского штаба партизанского движения, некто П. Козлов. Он инспектировал бригады на юге Минской области, но при возвращении обратно был разоблачен немцами и завербован для учебы в одну из минских разведшкол. После обучения П. Козлова отправили на задание, но, он в свою очередь, был разоблачен одной из партизанских бригад и дал подробные установочные данные о 6 немецких агентах, обучавшихся вместе с ним. Его группа должна была вылететь в ночь на 30 апреля в район Гомеля для разведки аэродромов. Также он сообщил подробные сведения о своем задании [16, л. 414–415].

В качестве примера взаимодействия с республиканским наркоматом государственной безопасности БССР можно привести сообщение из БШПД № 462сс от 3 марта 1944 г. на имя Л. Цанава, которое касалось деятельности немецкой разведывательно-диверсионной школы в Новогрудке. В нем приводились установочные данные о 11 агентах, засланных в партизанские формирования, и на 6 – направленных в тыл СССР [16, л. 231–232; 24, л. 56–56 об.]. В апреле 1944 г. на имя В. Меркулова, Л. Цанава и С. Бельченко

(нарком внутренних дел БССР – *С. К.*) была отправлена информация о деятельности немецких учебных разведывательных центров в м. Лыкк (Восточная Пруссия) и в д. Стахово (Пинская область) и выпуске агентуры с подробными установочными данными о 21 агенте [25, л. 40–41 об.; 16, л. 248–249].

Приведем интересный пример того, как белорусские партизаны оказали большую помощь сибирским территориальным органам НКВД в разоблачении группы немецких диверсантов. С весны 1942 г. на советско-германском фронте начал действовать специальный разведывательно-диверсионный орган Главного управления имперской безопасности «Цеппелин», одной из задач которого было ведение подрывной работы в тылу СССР. Его основные учебные центры располагались на территории Польши и Германии. Руководство «Цеппелина» всерьез готовилось осуществить ряд крупных промышленных диверсий в глубоком тылу СССР – в районе Нижнего Тагила и Магнитогорска. С этой целью во Вроцлаве (Бреслау) и Волуве (Польша) началась подготовка 18 диверсионных групп для их последующей заброски в глубокий тыл СССР. По невыясненным причинам в 1943 г. от этой идеи отказались, а агентов распределили в различные разведслужбы и учреждения по всему Восточному фронту. Среди них – Федор Ведерников, он прибыл в м. Лужки, где находился один из штабов бригады Гиль-Родионова. Здесь ему следовало организовать работу по борьбе с партизанами, однако он был выявлен и разоблачен «народными мстителями». В результате проведения следственных мероприятий этот агент сообщил подробнейшие сведения о системе отбора, учебных дисциплинах, преподавательском составе, техническом оснащении, системе подготовки в вышеназванных учебных центрах [15, л. 69–85; 16, л. 568–574]. Все эти данные были переданы в союзные органы госбезопасности и внутренних дел[*]. И когда в феврале 1944 г. «Цеппелин» начал практическую подготовку операции «Ульм» – самой далекой заброски диверсантов на Восточном фронте, то территориальные органы НКВД за Уралом были своевременно проинструктированы и готовы к этому. Собственно, первая и единственная группа, засланная немцами, была выявлена и разоблачена.

В марте 1944 г. из БШПД на имя наркома Л. Цанава было направлено сообщение следующего содержания: «В БШПД из тыла поступило большое количество материалов, представляющих значительный оперативный интерес для органов НКВД. В числе этого материала имеются данные об агентуре противника, о предателях, изменниках Родины и др. антисоветского элемента. В целях быстрейшей обработке указанного материала прошу выслать в БШПД группу оперативных работников» [26, л. 72].

В советские органы госбезопасности были переданы данные о заброске в советский тыл немецкой агентуры, подготовленной в Борисове, Вилейке, Волковыске, Глубоком, Гомеле, Пигановичах, Лепеле, Минске. Только

[*] На документе стоит резолюция: «О школах подготовки агентов составить доклад, обобщив данные, которые направить в ЦШПД, ЦК КП(б)Б, ГУКР «Смерш», ГУК НКО. О всех проходящих лицах сообщить в НКГБ БССР и ГУКР «Смерш». – *С. К.*

протокол допроса преподавателя радиодела из абвершколы в Борисове И. Матюшина-Фролова содержал установочные данные о 31 группе немецких агентов, засланных на территорию СССР, и о 3 группах, готовящихся к отправке [27, л. 1–35].

Важно отметить, что имела место и обратная связь. Например, 26 марта 1943 г. НКВД СССР информировал БШПД о деятельности на территории Городокского района немецкого агента «Максим». Благодаря этому предупреждению своевременно были сориентированы 5 партизанских бригад, действовавших в этом районе [28, л. 24]. В январе 1944 г. в Белорусский штаб партизанского движения пришло спецсообщение из НКГБ СССР за подписью замначальника 4-го Управления Н. Эйтингона. В документе указывалось, что «по агентурным данным оперативной группы НКГБ СССР, действующей в тылу противника, до 2-го февраля с.г. немцы намечают облаву на партизанское соединение генерал-майора Капуста с применением авиации. В облаве будут участвовать две дивизии, состоящие из регулярных войск противника и ряд полицейских частей» [29, л. 4].

4. Еще одна форма взаимодействия органов госбезопасности и контрразведки с БШПД велась не по линии разведотдела, а по линии отдела кадров и касалась установления факта участия того или иного лица в партизанском движении. В годы войны большое количество партизан и участников движения сопротивления были вывезены на большую землю либо вышли туда с оккупированной территории. Они затем проходили обязательную проверку в органах госбезопасности. Эту же процедуру проходили и лица, которые оказались на освобожденной территории, которых проверяли в фильтрационных лагерях, при устройстве на работу и т.д. Если в биографии человека были данные об участии в партизанском движении, то они обязательно проверялись и уточнялись отделом кадров БШПД через систему запросов. География этих запросов очень широкая – от Архангельска и Мурманска до Ростова-на-Дону и Сталинграда [30, л. 106–107, 265–266, 458–460; 28, л. 25, 47–48; 29, л. 7; 26, л. 36, 104, 106, 134–134 об.]. В ряде случаев таким путем были установлены немецкие агенты и подозрительные лица, которые пытались легализоваться на освобожденных территориях.

Подводя итог, отметим, что в отчете РО БШПД от 5 мая 1944 г. указывалось: «наша разведка выявила 59 немецких агентов, заброшенных в глубокий тыл Советского Союза с задачами диверсионно-террористического характера, о чем нами информированы органы государственной безопасности. На территории Белоруссии партизанской разведкой взято на учет активного профашистского и прочего антисоветского элемента – всего 16.495 человек. Списки на весь полученный элемент переданы органам НКГБ Белоруссии и в “Смерш”» [13, л. 58–59]. В годы Великой Отечественной войны велось активное взаимодействие БШПД и союзных, республиканских и территориальных органов госбезопасности и контрразведки «Смерш» по вопросам выявления немецкой агентуры. До настоящего времени эта работа не нашла своего отражения ни в советской, ни в российской, ни в отечественной

историографии. Из БШПД поступали достаточно подробные и разнообразные данные о деятельности немецких разведшкол и подготовке агентуры для заброски в тыл СССР и части Красной армии, которые при их своевременной передачи в советские органы госбезопасности способствовали скорейшему выявлению и разоблачению немецкой агентуры. Причем это касалось не только территории БССР, но и сопредельных территорий, а также Польши и Германии. Взаимодействие осуществлялось по четырем основным направлениям, а его интенсивность была достаточно высокой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бритвин, Н. И.* Взаимодействие органов НКО и НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) / Н. И. Бритвин // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность: материалы XX Всеросс. науч. конф. (Москва, 1–2 декабря 2016 года). – М., 2017. – С. 192–198.
2. *Веденеев, Д. В.* Протидія радянських спецслужб німецьким розвідці й контррозвідці на території україни в 1941–1944 рр. / Д. Веденеев, О. Е. Лисенко // Український історичний журнал. – 2015. – № 1. – С. 69–91.
3. *Доморад, К. И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг. / К. И. Доморад. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
4. *Киселев, В. К.* Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии / В. К. Киселев // Вопросы истории. – 1984. – № 3. – С. 42–56.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января – 30 июня 1942 г. – М. : Русь, 2003. – 691 с.; Т. 4: Секреты операции «Цитадель», кн. 1: 1 января – 30 июня 1943 г. – М. : Русь, 2008. – 813 с.; Т. 4: Великий перелом, кн. 2: 1 июля – 31 декабря 1943 г. – М. : Русь, 2008 – 814 с.; Т. 5: Вперед на запад, кн. 1: 1 января – 30 июня 1944 г. – М. : Кучково поле, 2007. – 752 с.
6. *Попов, А. Ю.* НКВД и партизанское движение / А. Ю. Попов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 383 с.
7. *Шарков, А. В.* НКВД Беларуси на защите Отечества в годы суровых испытаний (1941–1945) / А. В. Шарков. – Минск : Тесей, 2012. – 257 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 15.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 61.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1297.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 188.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 26.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75.

18. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 65.
19. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36.
20. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 11а. Д. 34.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1300.
22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 1.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.
24. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 179.
25. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 39.
26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 22.
27. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150.
28. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1.
29. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 12.
30. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 33.

Ф. А. Свинтицкий

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА МОГИЛЁВЩИНЕ (1941–1944)

В отечественной историографии довольно редко встречаются работы, посвященные региональным аспектам партизанского движения. Между тем создание регионально ориентированной базы данных партизанских формирований позволяет увидеть особенности их дислокации и боевой деятельности в отдельно взятом регионе. Могилёвская область накануне войны в административно-территориальном плане включала 21 район, включая Березинский район Минской области.

Рассматривая историю партизанского движения в регионе, мы наблюдаем особенности, обусловленные географическими различиями. Почти 40 % площади области покрыто лесами, около 7 % занимают болота. Обширные массивы с преобладанием хвойных пород обеспечивали сравнительно безопасное базирование партизанских отрядов. Наибольшую площадь лесов имели Кличевский, Осиповичский, Белыничский, Кировский, Быховский, Березинский районы, ставшие центрами партизанской борьбы. В Мстиславском, Горецком, Дрибинском районах таких лесных массивов не было, что затрудняло дислокацию партизанских отрядов. Отметим также, что восточные районы области были освобождены осенью 1943 года, продолжительность боевых действий партизан составляла почти на год меньше.

Партизанам Могилёвщины приходилось действовать в тыловых районах немецкой группы армий «Центр», считавшихся театром военных действий. Аппарат гражданской администрации здесь не функционировал. Оккупационная власть принадлежала командованию армейских частей и военно-полевым комендатурам. Их главной задачей являлась охрана транспортных коммуникаций и военных объектов, борьба с группами

военной разведки и партизанским движением. Для борьбы с партизанами использовались охранные дивизии СС и армейские части, а также многочисленные батальоны и полки изменников Родины. Существовала полевая жандармерия и тайная полевая полиция, в крупных населенных пунктах создавались полицейские гарнизоны из местного населения.

Для развертывания партизанского движения на территории области в годы войны немаловажным стал демографический фактор. По данным переписи населения СССР 1939 года в Могилёвской области проживало 1 401 020 человек, из них около 77 % – в сельской местности. Именно сельское население стало социальной базой партизан. Могилёвские деревни приютили сотни бойцов и командиров Красной армии, не сумевших пробиться через линию фронта. Именно деревни обеспечивали партизан продовольствием, оказывали помощь в получении информации о противнике, налаживании связи. Пополнение партизанских рядов также происходило в основном за счет местного населения.

Заметную роль в организации партизанского движения на территории области сыграли органы НКВД (НКГБ). Уже 26 июня 1941 г. на территории Беларуси было организовано 14 специальных отрядов общей численностью 1 162 человека, в их составе оперативных и руководящих работников НКГБ – 539 человек, работников НКВД и милиции – 623 человека. Формирование этих отрядов происходило в Могилёве, где к этому времени находился Народный комиссариат госбезопасности БССР. Из 14 спецотрядов 8 было направлено в районы Могилёвской области. Архивных документов о деятельности отрядов сохранилось немного. В спецсообщении заместителя наркома госбезопасности БССР Духовича говорится об организации и боевой деятельности отряда Морозкина: «Партизанский отряд под командованием заместителя начальника 1-го отдела 3-го управления НКГБ БССР Морозкина 20 июля 1941 г. находился на линии Бобруйск–Паричи. В отряде в момент его организации было 104 человека из числа оперативно-чекистского состава НКГБ, сотрудников НКВД и милиции. Кроме того, в отряд влилось 20–25 человек из числа местного партийно-советского актива» [1, л. 10].

Боевые действия отряда отметил известный разведчик Павел Судоплатов. «К нам поступали данные о том, что под Бобруйском успешные действия партизан на коммуникациях немцев привели к их значительным потерям. Взрывы мостов, железнодорожных путей – все это сбивало наступление гитлеровцев, значительно затрудняло их продвижение. Это подтверждало правильность наших предположений относительно диверсий на их коммуникациях. Выигрыш во времени тогда имел первостепенное значение» [2, с. 57].

Однако спецотряды не стали центрами развертывания партизанской борьбы. Создается впечатление, что руководство НКВД не рассчитывало на длительный срок их пребывания в тылу врага. Базовые партизанские лагеря не были созданы, боеприпасов и продовольствия не хватало, связь с центром

отсутствовала. Фронт к этому времени ушел далеко на восток. С наступлением осенних дождей и зимних холодов деятельность спецотрядов фактически прекратилась.

Летом–осенью 1941 г. на территории области возникли и начали действовать около 40 партизанских групп. Их создали военнослужащие Красной армии Н. Д. Аверьянов, К. М. Белоусов, С. Г. Жунин, Г. К. Павлов, М. Ф. Сперанский, В. М. Сырцов, партийные активисты Н. Ф. Королёв, С. Н. Корзюков, С. А. Мазур, С. С. Свирид, Г. А. Храмович. В первую военную зиму боеспособность сохранили только некоторые из них.

Создать базу вооружения и продовольствия для партизанского отряда удалось в Хотимском районе, который был оккупирован позже остальных. Активное участие в создании отряда приняли работники могилёвской милиции: В. И. Сыромолотов, Е. И. Голубец, Я. М. Глезшнейдер, М. В. Кацман, А. Н. Милицын, П. К. Климов. Отряд совместно с заброшенной в тыл противника группой специального назначения капитана Д. Н. Медведева 23 октября 1941 года разгромил немецкую комендатуру и полицейский гарнизон в местечке Хотимск. В районе успешно действовала диверсионная группа. Командир группы Абрам Генькин родился в Хотимске, несколько лет работал председателем райсовета Осовиахима, был начальником ПВО в Могилёве. В июле 1941 г. он прошел подготовку на специальных курсах. Диверсионная группа Генькина на железной дороге Белынковичи–Сураж пустила под откос несколько эшелонов с живой силой и техникой противника. Так, с 6 на 7 октября 1941 г. на перегоне Белынковичи–Журбин был взорван эшелон с 23 вагонами боеприпасов. Движение остановилось на 2 суток [3, л. 40].

Одной из первых партизанских зон Беларуси стала **Кличевская партизанская зона**, созданная осенью 1941 г. Небольшой районный центр Кличев находится в 90 километрах юго-западнее Могилёва. Со всех сторон его окружают леса, местность порой труднопроходима, много заболоченных участков. Здесь имеется густая сеть рек: Ольса, Березина, Друть, Несета. Должанка, Суша, Лахва. Под контролем партизан находилось несколько районов в междуречье Днепра и Березины, общая площадь зоны составила около 3 тыс. км².

В июле 1941 г. в районе Кличева был организован один из первых партизанских отрядов. Командовал им старший лейтенант Бородин. Отряд получил номер 277-го танкового полка, группа военнослужащих которого оказалась в окружении. Вскоре они приняли решение двигаться к линии фронта. В организацию партизанской борьбы включились кличевские партийные и советские активисты П. М. Викторчик, И. З. Изох, Я. К. Витоль, Я. И. Заяц, Н. И. Книга. На базе небольшой группы они сформировали партизанский отряд из местного населения.

В ночь на 20 марта 1942 года партизанские отряды А. С. Юрковцева, В. И. Ливенцева, В. П. Свистунова, В. М. Сырцова разгромили немецкий гарнизон и восстановили советскую власть в Кличеве. В течение трех

месяцев партизаны удерживали Кличев, подвергаясь непрерывным бомбардировкам немецкой авиации. Командующий охранными войсками группы армий «Центр» генерал Шенкендорф 16 апреля 1942 г. отправил запрос о выделении дополнительных сил для борьбы против партизан. «Непрерывное усиление групп противника за линией фронта группы армий и связанный с этим рост партизанского движения во всем тыловом районе принимают настолько угрожающие масштабы, что я со всей серьезностью должен обратить внимание на эту опасность. Необходимы безотлагательные действия крупными силами, чтобы своевременно ликвидировать эту опасность» [4, с. 90].

В апреле 1942 года в Кличевский район прибыл 208-й партизанский отряд, сыгравший важную роль в расширении партизанской зоны. В состав отряда входили опытные бойцы и командиры Красной армии, оказавшиеся в окружении. Командир отряда полковник Ничипорович с целью усиления боевой активности предложил объединить партизанские силы. Организационное оформление соединения произошло на совещании командного состава 3 апреля 1942 г. Распоряжением Центрального штаба партизанского движения командование соединения было определено как Кличевский оперативный центр.

В конце мая Кличевский оперативный центр подчинил себе партизанский отряд Григория Павлова, присвоив ему 61-й номер, а в начале июня отряды Степана Яроцкого из Березинского района и Степана Свирида из Кировского района, они получили номера 345-й и 537-й. Летом в состав оперативного центра вошли 113-й и 600-й отряды Могилёвского района, 210-й Осиповичского. Номерные наименования отрядов упорядочили организационную структуру соединения и одновременно вводили в заблуждение противника относительно боевого состава отрядов. С помощью диверсионной группы лейтенанта Самойлова была установлена связь со штабом Западного фронта. 11 июля 1942 г. на партизанский аэродром в Кличеве приземлился первый самолет. После этого ночные полеты авиации к партизанам стали регулярными. Летчики доставляли оружие, боеприпасы, медикаменты, забирали в тыл раненых.

Кличевский оперативный центр превратился в мощное боевое соединение, в его состав входило 24 отряда общей численностью 6,5 тысяч партизан. Перечень партизанских отрядов и список командного состава сохранились в одном из архивных документов [5]. Среди командного состава в отрядах было много кадровых офицеров. Боевая активность партизанских формирований оперативного центра являлась высокой. Ими проведено более 400 боевых операций, разгромлено 22 вражеских гарнизона, 210 полицейских участков. В тактике партизанской борьбы широко применялись диверсии на коммуникациях противника. Специально подготовленные диверсионные группы уходили на задания за десятки километров, совершая диверсии на участках железных дорог Орша–Минск, Могилёв–Рогачев, Могилёв–

Осиповичи, Бобруйск–Осиповичи. На 1 февраля 1943 г. согласно сведениям о боевой деятельности партизанских отрядов Кличевского оперативного центра диверсионными группами было пущено под откос 235 воинских эшелонов противника с живой силой и боевой техникой.

Организация службы и внутренний распорядок в партизанском лагере строились по требованиям уставов Красной армии. В архиве сохранился распорядок дня 208-го отряда, подтверждающий армейскую направленность жизни и быта партизан. Обратим внимание на ежедневное проведение занятий с личным составом отряда. Программа боевой подготовки, утвержденная командиром центра майором Яхонтовым, предусматривала проведение специальных занятий по тактической и огневой подготовке, учитывающих специфику партизанской войны. Данный распорядок дня действовал непосредственно в партизанском лагере. В ходе боевых операций, действий диверсионно-разведывательных групп устанавливался особый режим боевой работы и отдыха партизан. Во время немецких карательных операций и блокировки партизанской зоны о распорядке дня вообще не могло быть и речи. В такие дни партизаны днем и ночью находились в движении.

Приказом Военного Совета Западного фронта № 0758 от 15 июля 1942 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками в тылу врага и проявленные при этом мужество и отвагу награждено 107 бойцов и командиров 208-го отряда: орденом Ленина – 7, орденом Красного Знамени – 66, орденом Красной Звезды – 34. Командира отряда, полковника Владимира Ивановича Ничипоровича наградили орденом Ленина. Для вручения наград 18 июля 1942 г. на самолете «Дуглас» прилетели представители Западного фронта. В это время на подступах к партизанской зоне шли бои с карателями. Награды вручались в перерывах между боями, поднимая моральный дух партизан и вдохновляя их на борьбу с оккупантами.

Второй приказ о награждении партизан других отрядов Кличевского центра № 01066 был издан 29 сентября 1942 г. Награждено 245 человек: орденом Ленина – 2, орденом Красного Знамени – 69, орденом Красной Звезды – 111, медалями «За отвагу» – 28, «За боевые заслуги» – 5человек [6, л. 1–72]. Среди награжденных – В. И. Ливенцев, Г. К. Павлов, Ф. П. Подолян, С. И. Свирид, ставшие позже знаменитыми партизанскими командирами. Организатор Кличевского оперативного центра, полковник Ничипорович по распоряжению штаба фронта 22 сентября 1942 г. был откомандирован на Большую землю. В июне 1943 г. генерал-майора Ничипоровича арестовали по ложному обвинению. Не признав себя виновным, он в знак протеста объявил голодовку. 31 января 1945 г. генерал умер в тюрьме от истощения. Дело пересмотрели в 1952 г. В. И. Ничипорович полностью был реабилитирован.

Население поддерживало партизан. В деревнях партизанской зоны из местных жителей было создано 60 вооруженных отрядов самообороны.

Бойцы отрядов самообороны не входили в состав партизанских формирований, но активно с ними сотрудничали. Петр Шамаль из деревни Дмитровка Кличевского района вспоминал, что 6 апреля 1942 г. была создана Дмитровская самооборона. К 1 мая она насчитывала около 70 человек, командиром стал лейтенант Кушнер Павел Андреевич. Почти все бойцы отряда были вооружены винтовками и пистолетами, имелось два станковых пулемета и два миномета. Бойцы самообороны активно помогали партизанам в сборе хлеба, устраивали засады на оккупантов вдоль дорог. Жители деревни всегда были с оружием в руках, не оставляли оружие даже тогда, когда обрабатывали землю или собирали с трудом выращенный хлеб [7].

В партизанской зоне проводились посевная и уборка урожая, работала мельница. Хлеб выпекался в лесной пекарне, оборудованной металлическими бочками. Здесь размещался подпольный обком партии, в типографии издавались газеты и листовки, работал партизанский госпиталь. В отрядах поддерживался строгий порядок, бесчинства отдельных партизан по отношению к местному населению пресекались по законам военного времени. Действовали партизанские суды, виновные несли строгое наказание, вплоть до расстрела. Решающее слово при этом имел командир отряда. В документах 61-го отряда имеется приказ № 5 от 16 июня 1942 года. Приведем его краткое содержание: «14.05.42 г. в часы своего дежурства на посту № 2 Моисеенко К. Г. совершил преступление, связанное с риском для безопасности всего отряда. Он разложил костер, укрылся одеялом и уснул. За такое преступление перед отрядом и Родиной Моисеенко должен быть расстрелян. Но принимая во внимание, что он не прошел никакой военной подготовки, совершенно не втянут еще в трудности боевой жизни, учтя его неопытность и молодой возраст, – ограничиться изгнанием Моисеенко из отряда» [8, л. 40].

В процессе развития партизанского движения стало понятно, что необходимо организовать взаимодействие небольших отрядов и групп для проведения крупных операций. Уже в 1942 г. начали создаваться партизанские бригады. В области их насчитывалось более 20. Создание бригад позволило сконцентрировать партизанские силы, нацелить их на выполнение более сложных боевых задач. В психологическом плане такое объединение способствовало укреплению морального состояния личного состава, вселяло уверенность в собственные силы. Возросший авторитет партизанских формирований положительно влиял на рост численности отрядов. Стало возможным привлечение в партизанские ряды бывших полицейских и «власовцев» из близлежащих гарнизонов. Они находились под контролем особых отделов, боевую проверку проходили рядом с опытными партизанами. В некоторых воспоминаниях их называют штрафниками, но документально это не подтверждено.

Высшей формой организации партизанских формирований стало создание военно-оперативных групп. Приказом по Могилёвской областной военно-оперативной группе № 026 от 20 июля 1943 г. было предусмотрено создать Осиповичскую, Березинскую, Кличевскую, Кировскую, Белынич-

скую, Могилёвскую военно-оперативные группы. Все военно-оперативные группы создавались при подпольных районных комитета ВКП(б). В августе 1943 года были созданы Круглянская и Шкловская ВОГ. В составе военно-оперативных групп области стали создаваться партизанские полки, оказавшиеся наилучшей структурой в маневренной партизанской войне. Численность каждого полка составляла около тысячи человек, объединенных единым командованием. В составе военно-оперативных групп действовали 11 партизанских полков: 15-й, 113-й, 121-й имени О. Касаева, 122-й «За Родину», 152-й, 225-й, 277-й, 425-й, 537-й, 600-й, 810-й. Два полка действовали самостоятельно: 208-й имени Сталина и смоленский полк «Тринадцать».

Батальоны партизанских полков дислоцировались самостоятельно, вели бои местного значения по уничтожению мелких групп и гарнизонов противника. Командир 113-го полка К. М. Белоусов вспоминал: «В отличие от армейских комбатов, наши батальонные командиры получили права командиров отрядов, то есть самостоятельных частей. Они могли, если полк в это время не выполнял какой-то общей задачи, действовать самостоятельно, но и, разумеется, несли полную ответственность перед командованием полка за все свои действия. Диверсионная работа на вражеских коммуникациях была полностью возложена на командиров батальонов» [9, с. 168]. Все крупные операции проводились в составе полка. Полки имели постоянную связь с батальонами и штабом ВОГ, поддерживая ее через связных.

К моменту создания полков партизанское движение в области приобрело массовый характер. Рост партизанских рядов происходил благодаря вступлению в них местного населения. Рассмотрим в качестве примера боевой и численный состав 600-го полка Белыничской ВОГ [10]. В именных списках полка значится 961 человек, включая агентурных разведчиков в Могилёве, а также перешедших на сторону партизан солдат полицейских батальонов и некоторых армейских частей (в официальной статистике по какой-то причине указано 1 150 человек). Из них 419 человек проходили службу в РККА, 71 человек прибыл из предательских (изменнических) батальонов. Остальные партизаны ранее не имели отношения к военной службе.

По национальному составу в полку насчитывалось: белорусов – 576, русских – 280, украинцев – 73, немцев – 9, поляков – 7, других национальностей – 16 человек. Необходимо отметить, что независимо от национальности большинство партизан полка были уроженцами Могилёвщины: город Могилёв – 164 чел., Могилёвский район – 209 чел., Белыничский район – 223 человека. Всего – 596 человек или 62 % от общей численности личного состава полка. Возраст большинства партизан составлял от 18 до 40 лет, в т.ч. 34 % партизан от 17 до 22 лет.

Отметим также наличие в полку интернационального взвода. В него входили: немцы Гросс Вернер, Георг Фриц, Бабер Беренгальд, Ганс Бейзель,

Фриц Матулинский, Артур Шмидт, Ганс Доман, Класс Иоганес, Фюстинг Гайнс, австрийцы Георг Фриц, Курт Полеска, Отто Никкель, француз Роже Рено, чех Иоганн Паточко, словак Иозеф Майер, голландец Рихеланг Август. Командовал взводом унтер-офицер Фридрих Пиетцка, 1917 г.р., австриец, перешедший в партизанский отряд в марте 1943 года.

Первой боевой операцией интернационального взвода была операция по разгрому вражеского гарнизона в деревне Головчино Белыничского района. Благодаря внешнему виду (все были в немецкой форме) и разговорной речи им легко удалось усыпить бдительность врага. Успешно действовал взвод накануне разгрома вражеского гарнизона в д. Дашковка, в 20 километрах южнее Могилёва. Об этой операции Ф. Пиетцка писал в своих воспоминаниях: «Это было в декабре 1943 года. Партизанскому соединению предстояла операция в районе деревни Дашковка. Соединению нужно было перейти шоссе Могилёв–Бобруйск, на котором через каждые полкилометра были возведены дзоты, где находилась вооруженная охрана из немцев и так называемых “власовцев”. Нашему взводу была поставлена задача: уничтожить один или два дзота и расчистить проход через шоссе всему партизанскому соединению. Мы надели немецкую форму, взяли немецкое оружие, вышли на шоссе и строем направились в сторону Могилёва» [11].

Одной из наиболее известных диверсий партизан в годы войны стала диверсия на железнодорожной станции Осиповичи. В Советской военной энциклопедии она приведена в качестве примера одной из наиболее успешных диверсий во Второй мировой войне: «Значительную по своим результатам диверсию совершил летом 1943 года на станции Осиповичи (Белоруссия) комсомолец Ф. Крылович, заминировавший эшелон с горючим, рядом с которым находились составы с боеприпасами и военной техникой. В результате взрыва мины и возникшего пожара было уничтожено четыре эшелона противника, в том числе состав с танками “Тигр”» [12, с. 178]. В разной степени участия эту боевую операцию занесли себе в актив отряд особого назначения «Храбрецы», 1-я Бобруйская бригада и 210-й партизанский отряд. Фактически диверсию совершил один человек, подпольщик Федор Андреевич Крылович.

Белорусский историк А. М. Литвин, опубликовавший несколько статей о подвиге Крыловича, утверждает, что для проведения диверсии использовались магнитные мины английского производства. Эти мины с часовым механизмом поступали в СССР по ленд-лизу и использовались диверсионно-разведывательными группами как эффективное оружие для уничтожения воинских эшелонов с горюче-смазочными материалами. Мина легко крепилась к металлическим цистернам, а мощность взрыва усиливалась детонацией топлива. Именно такой эшелон прибыл на станцию Осиповичи вечером 29 июля 1943 г. Чтобы получить доступ к эшелону Фёдор Крылович повредил электропроводку выходного семафора. С риском для жизни он достал мины из тайника и положил их на дно переносного ящика для

инструментов. Двигаясь в направлении семафора ему удалось незаметно прикрепить мины к эшелону. Состав должен был взорваться в пути следования. Но отправка была задержана, немецкое руководство перевело эшелон на запасной путь. Там же стояли эшелон с танками и два эшелона с бомбами и артиллерийскими снарядами. Через три часа на станции прогремел взрыв. По свидетельствам очевидцев взрывы и пожар продолжались около 10 часов.

Свидетельства о диверсии на станции Осиповичи содержатся в журнале боевых действий (Kriegtagebuch) 203-й охранной дивизии, где имеется запись: «30.07.43 г. около 2 часов ночи на станции Осиповичи на железнодорожном составе с горючим взорвалась магнитная мина. В результате сгорело 29 цистерн с бензином, 60 вагонов с боеприпасами и эшелон с боевой техникой. В результате взрывов боеприпасы разбросаны по всей территории. Срочно затребованы пиротехники из Минска и Могилёва для обезвреживания всюду разбросанных снарядов и бомб. По данным 550-й полевой комендатуры 3–4 солдата убито, 27 солдат и 6 железнодорожных служащих ранено». Обобщая опыт ведения боевых действий на Восточном фронте, бывший офицер немецкого Генерального штаба Эйке Миддельдорф напишет: «Действия русских партизан во время проведения крупных наступательных и оборонительных операций сильно затрудняли обеспечение немецких войск и проведение оперативного маневра. Крупного успеха добились партизаны также в июле 1943 года, когда ими на станции Осиповичи был уничтожен эшелон с горюче-смазочными материалами, два эшелона с боеприпасами и чрезвычайно ценный эшелон с танками “Тигр”» [13, с. 344].

Наряду с диверсиями эффективными формами боевой деятельности могилевских партизан были засады и налеты. Организуя засады, партизаны заблаговременно располагались на наиболее вероятном пути движения противника. Успешный бой из засады давал возможность захватить трофейное оружие, боеприпасы и имущество. Организации засад способствовало наличие обширных лесных массивов, прилегающих к шоссейным и железным дорогам. Немаловажным также было наличие информации о передвижении противника, своевременно получаемой от разведчиков и связных. Так, рота лейтенанта Аркадия Антюха из 277-го отряда 6 июля 1942 г. из засады в районе деревни Ясный Лес подбила 4 автомашины, уничтожила 47 немецких летчиков, ехавших в Бобруйск за получением самолетов и 11 солдат. В качестве трофеев партизанам досталось 5 т продуктов (в т.ч. шоколад и печенье) [14, л. 9].

В историю партизанского движения вошли налеты партизан на немецкие гарнизоны в военном городке Пашково под Могилёвом, в районных центрах Кличев и Белыничи, на станциях «Славное», «Тощица». «Вендриж» и многие другие. Во время налетов партизаны вносили свой вклад в теорию военного искусства. Одним из таких налетов стал разгром гарнизона противника в деревне Пригани Круглянского района, проведенный

партизанами трех отрядов бригады «Чекист». Гарнизон насчитывал 90 человек, имевших на вооружении два пулемета, пять автоматов, ротный миномет и винтовки. Помещения были обнесены колючей проволокой, по углам оборудованы дзоты. При подготовке операции в каждом из трех отрядов было подготовлено по 25 человек, переодетых в немецкую форму. Им предстояло под видом полицейских открыто войти в деревню, разгромить гарнизон, захватить в качестве трофеев оружие, продовольствие и военное имущество.

3 ноября 1943 г. к деревне Пригани подошел обоз из 30 повозок. Отряд смоленской полиции двигался в центр Белыничи. Все выглядело убедительно, часовой не попросил документы. Отряд сделал привал, бойцы разошлись по домам, чтобы попить воды. Немецкий комендант стоял в центре деревни. Командир группы лейтенант Курпаченко подошел к нему и стал объяснять, что обоз следует в Белыничи. Комендант понял, что это не полицейские. Схватив автомат, лейтенант очередью в упор убил двух немцев. В это время бойцы отряда захватили три дзота. Упорное сопротивление оказал только 4-й дзот. Отряд, находившийся в 1,5 км от деревни, бросился на подкрепление. Бой длился 1 час 45 минут. Когда был выведен из строя пулемет противника, полицейские стали сдаваться. В бою было убито 30 немцев и полицейских, 47 полицейских взяты в плен. Партизаны захватили в качестве трофеев 60 винтовок, 2 автомата, 2 пулемета, большое количество боеприпасов [15, л. 500].

В 1943 г. подпольный обком партии стремился активизировать партизанское движение в восточных районах области. В Костюковичский район для создания партизанской бригады 16 апреля был направлен опытный партизанский командир – майор Сергей Акимович Мазур. Из 277-го отряда ему было выделено 53 человека. В дальнейшем отряд должен был пополняться местным населением Рогачевского, Пропойского, Краснопольского районов.

К 1 июня 1943 г. бригада насчитывала 277 партизан, имела на вооружении 12 ручных пулеметов, 213 винтовок, 11 автоматов. В боевом отчете бригады отмечено, что к моменту ее прибытия в район действий почти в каждой деревне находились большие полицейские участки. На заготовку продуктов приходилось выходить силами не менее роты и решать эту важную задачу с боем. Комплектование бригады происходило в сжатые сроки, деловые и моральные качества пополнения не изучались. Некоторые молодые партизаны оказались не готовы к серьезным испытаниям. Отдельные партизаны, попав в сложную обстановку, струсили и стали сами уходить в другие районы, где было меньше сил противника, но больше партизан. С 1 мая по 1 октября самовольно ушел 71 человек [16].

Весной 1944 г. в ожидании скорой встречи с частями Красной армии в партизанские отряды стали активно вступать местные жители. С ростом численности отрядов и полков возникли серьезные проблемы с обеспечением их вооружением и боеприпасами. Недостаточная обеспеченность воору-

жением наблюдается в отчете Могилёвской районной военно-оперативной группы. В 113, 121-м полках и 61-м отряде насчитывалось 2 522 партизана, из них 614 человек невооруженных [14, л. 27]. Военной необходимости в росте численности полков не было. К этому времени в тылу противника действовало около 12 тысяч вооруженных партизан, что является одним из факторов успешного проведения Могилёвской наступательной операции войсками 2-го Белорусского фронта. После освобождения Могилёва партизаны продолжали наносить удары по отступающим немецким частям.

Генерал фон Типпельскирх, принявший командование 4-й немецкой армией, писал: «Армия успела отвести половину сил за Днепр. Здесь, однако, очутилась в огромном, простиравшемся почти до Минска, лесисто-болотистом районе. Он контролировался крупными партизанскими отрядами и ни разу за все три года не очищался от них, а тем более не оккупировался немецкими войсками» [17, с. 445]. Генерал умалчивает при этом о карательных операциях охранных дивизий и частей группы армий «Центр», проводившихся против партизан.

С целью устрашения населения и установления так называемого «нового порядка» в сентябре 1941 г. в районе, прилегающем к Днепру, была проведена операция «умиротворения» (Befriedung). В конце сентября в Могилевском районе было расстреляно 112 человек, в октябре оккупанты уничтожили около 2 тыс. евреев из Могилёвского гетто. Жестокий террор и расстрел мирного населения начались с первых месяцев оккупации. Активных действий партизанских отрядов в этот период в указанных районах не отмечено.

Непосредственно против партизан карательные операции начались в 1942 году: «Maikafer», «Adler», «Lutzoff» и другие операции с различными кодовыми названиями, с применением артиллерии, танков и авиации. Таких карательных операций на Могилёвщине было проведено 28. В борьбе с партизанами фашистские захватчики широко использовали военизированные подразделения, сформированные из советских граждан, согласившихся сотрудничать с врагом. В партизанских документах коллаборационисты, воевавшие на стороне врага, назывались полицаями и «изменниками». Изменниками были военнослужащие Красной армии, перешедшие на сторону противника. Так, в лагере военнопленных города Бобруйска «Dulag 131» были сформированы батальоны «Березина» и «Днепр», в Могилёве – 51-й и 53-й полицейские батальоны. Ни одна из карательных операций не достигла своей цели, партизанские отряды прорывали блокаду и сохраняли боеспособность.

Официальным признанием значимого вклада партизан Могилёвщины в разгром немецко-фашистских захватчиков стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1967 г. За активное участие в партизанском движении и стойкость, проявленную трудящимися Могилёвской области в борьбе с немецкими захватчиками в период Великой Отечественной войны, Могилёвская область награждена орденом Ленина.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 10.
2. *Судоплатов, П. А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 / П. А. Судоплатов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
3. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 138.
4. Военно-исторический журнал. – 1960. – № 7.
5. НАРБ. – Ф.1406. Оп. 1. Д. 9.
6. ЦАМО РФ. – Ф. 33. Оп. 682524. Д. 342,355.
7. Фонды Могилёвского областного краеведческого музея. КП 39240.
8. НАРБ. – Ф. 1406. Оп. 1. Д. 3.
9. *Белоусов, К. М.* Зарево над Друтью / К. М. Белоусов. – Минск : Беларусь, 1990. – 192 с.
10. НАРБ. – Ф 1450. Оп. 5. Д. 167.
11. *Пиетцка, Ф.* Я – белорусский партизан / Ф. Пиетцка // Неман. – 1965. – № 3.
12. Советская военная энциклопедия: в 8 т. – М. : Воениздат, 1977. – Т. 3.
13. *Миддельдорф, Э.* Русская кампания: тактика и вооружение / Э. Миддельдорф. – СПб : Полигон-АСТ, 2000. – 448 с.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 110.
15. НАРБ. – Ф.1450. Оп. 4. Д. 105.
16. НАРБ. – Ф.1450. Оп. 4. Д. 131
17. *Типпельскирх, К.* История второй мировой войны 1939–1945 / К. Типпельскирх. – СПб, Полигон-АСТ, 1998. – 795 с.

І. Я. Дабравольская

ФІНАНСАВАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ФІЛІЯЛА ЭМІСІЙНАГА БАНКА «ОСТЛАНД» У МІНСКУ (1941–1944)

Банкаўская сістэма – гэта аснова фінансавай сістэмы. Праз дзейнасць банкаўскіх устаноў розных узроўняў падначальвання германскія акупанты ажыццяўлялі фінансава-эканамічнае асваенне захопленых тэрыторый. У акупаванай Беларусі банкаўская сістэма была прадстаўлена разнастайнымі фінансавымі ўстановамі: філіяламі германскіх банкаў («Дрэздэнскі банк», «Эмісійны банк усходніх абласцей», «Камерцыйны банк» і інш.) [1, с. 82], Імперскімі крэдытнымі касамі (т.зв. ваенна-палявымі банкамі), якія абслугоўвалі войскі вермахта, а таксама спецыяльна створанымі эмісійнымі банкамі, што забяспечвалі вартасць валюты і рэгулявалі грашовы абарот у зонах акупацыі.

Адна з ключавых крыніц па дзейнасці і кампетэнцыі банкаўскіх устаноў, адкрытых на тэрыторыі Рэйхскамісарыята (РК) «Остланд», – так званая «Карычневая папка», прынятая 17 ліпеня 1941 г. [2, арк. 1–39]. Дырэктыва ўтрымлівае раздзел VI «Geld-, Bank- und Kreditwesen, Devisenbewirtschaftung» (грашовая, банкаўская і крэдытная сістэма, сістэма валютнага кантролю. –

І. Д.). Дадзеная частка дакумента змяшчае інфармацыю па 7 падраздзелах і датычыцца крэдытна-грашовай палітыкі, дзейнасці цэнтральных эмісійных банкаў, кампетэнцыі Імперскіх крэдытных кас, грашовага забеспячэння, сістэмы крэдытавання, банкаўскай палітыкі і банкаўскай справы для Рэйхскамісарыятаў «Остланд» і «Украіна», сістэмы валютнага кантролю. Усе фінансава-эканамічныя пытанні тут разглядаліся згодна з тэрытарыяльным прынцыпам, а таксама ў залежнасці ад эканамічнага і палітычнага стану развіцця рэгіёнаў. Па задумцы германскага кіраўніцтва, дзейнасць банкаўскіх устаноў мела сваю спецыфіку ў залежнасці ад адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу Беларусі ў 1941–1944 гг. Найбольш дакладна з важнейшым напрамкам банкаўскай працы на тэрыторыі РК «Остланд» нас знаёміць наступная вытрымка з дакумента: «У Остландзе банкаўская сістэма ствараецца па нямецкім узоры. Наяўныя банкаўскія структуры захоўваюцца толькі на кароткі пераходны перыяд... усе прадпрыемствы, якія працуюць на дадзенай тэрыторыі, павінны весці свае грашовыя разлікі праз адзіны банк… Такім чынам вырашаецца пытанне аб пачатковым банкаўскім капітале» [2, арк. 30–31].

Дзяржаўны дзеяч А. Розенберг рэалізуе дадзеную дырэктыву і 30 ліпеня 1942 г. ў Берліне падпісвае распараджэнне аб стварэнні Эмісійнага банку ў РК «Остланд», а 25 верасня 1942 г. у Мінску адкрываецца яго дачэрні філіял, які функцыянаваў як разліковая палата для ашчадных кас [3, с. 4]. З гэтага часу ўсе ніжэйшыя банкаўскія ўстановы пачалі пераводзіць свае грашовыя сродкі на агульны рахунак гэтага банка [4, арк. 20]. У Генеральнай акрузе (ГА) «Беларусь» грашовыя пераводы з аднаго банкаўскага аддзялення ў другое адбываліся таксама праз Эмісійны банк [5, арк. 14]. Пасля адкрыцця філіяла Эмісійнага банка «Остланд» у Мінску ўсе банкаўскія ўстановы ГА «Беларусь» сталі насіць назву «Банк у Беларусі», а філіялы атрымалі дадатковую падназву «аддзяленне» з указаннем месца ці горада свайго знаходжання. Старыя шыльды замяняліся на новыя, на нямецкай і беларускай мовах, напрыклад: «Bank in Weissruthenien. Zweigstelle Glebokie. Банк у Беларусі. Аддзяленне Глыбокае» [6, арк. 23]. Усяго па выяўленых дакументальных даных на тэрыторыі ГА «Беларусь» былі адкрыты 32 банкаўскіх філіялы [7, арк. 4].

Эмісійны банк ствараўся з мэтай забеспячэння вартасці валюты і рэгулявання грашовага абароту ў Рэйхскамісарыяце. Цэнтральнае аддзяленне размяшчалася ў Рызе, таксама існавалі яго філіялы, якія аб’ядноўваліся тэрытарыяльна. Банк аб’яўляўся юрыдычнай асобай, меў службовую пячатку і быў падначалены непасрэдна прэзідэнту Нямецкага дзяржаўнага банка В. Функу [8, арк. 131–132], які таксама займаў пасаду міністра па пытаннях эканомікі, адказваў за эканамічнае і фінансавае забеспячэнне вайны Германіяй на Ўсходзе [9, с. 198]. Праца эмісійнага банка каардынавалася ўпаўнаважаным па чатырохгадовым плане Г. Герынгам і рейхсміністрам Остланда, якія наладжвалі працу банкаўскай установы шляхам узгадненняў з вышэйшымі кампетэнтнымі органамі ўлады рэйха і нямецкім Рейхсбанкам. Кіраўніцтва банкам здзяйсняла Рада, члены якой выбіралася Рэйхскамісарам

Остланда. Кіраўнікі філіялаў прызначаліся пры атрыманні згоды прэзідэнта банка ў Рызе. Для вырашэння бягучых інтарэсаў філіялу прэзідэнт банка прызначаў асобных упаўнаважаных [2, арк. 1–39].

Нягледзячы на дырэктыўнае палажэнне аб тым, што банкаўская сістэма ў Остландзе павінна была стварацца па нямецкім узоры, існавалі і некаторыя асаблівасці. Так, Эмісійны банк «Остланд» у Мінску аб'ядноўваў усе галіны крэдытнай сістэмы, якія ў старым Рэйху былі размеркаваны па рэгіянальным зямельным банкам і разліковым палатам. Эмісійны банк мог выдаваць доўгатэрміновыя і кароткатэрміновыя крэдыты, абслугоўваць рамесны, сельскагаспадарчы і камунальны сектары [Там жа].

Кампетэнцыя Эмісійнага банка была дастаткова шырокай: купля і продаж каштоўных папер, выдача крэдытаў і пазык, але не болей чым на 6 месяцаў, захаванне прыватных вартасных папер, грашова-плацёжны абарот, абмен валют і скупка манет, купля-продаж золата і іншых каштоўных металаў па курсе Нямецкага дзяржаўнага банка, ашчадныя аперацыі і многае іншае. Банк таксама меў права даваць кіраўніцтву Остланда крэдыты, а найвышэйшую іх суму акрэсліваў толькі рэйхсміністр для занятых усходніх тэрыторый разам з рэйхсміністрам фінансаў і прэзідэнтам Нямецкага дзяржаўнага банка. Акрамя таго банк вёў усе касавыя справы, якія адносіліся да кіраўніцтва Остланда, і выступаў у якасці пасрэдніка паміж грамадскімі касамі ўнутры рэйхскамісарыята [10, с. 122–129].

Банк павінен быў замяняць пашкоджаныя пры абароце банкноты, калі палова заставалася цэлай. Фальсіфікацыя банкнот, іх падробка караліся катаргай або турмой. У асабліва цяжкіх выпадках магло быць прысуджана смяротнае пакаранне. Банк вызваляўся ад усіх падаткаў і адлічэнняў [11, арк. 83 адв.]. Скаргі супраць банка падаваліся толькі ў нямецкі суд. Пасля заканчэння кожнага каляндарнага года складаўся баланс, рахунак прыбыткаў і стратаў і справаздача аб інтарэсах за мінулы год. Калі гадавы прыбытак банка перавышаў 5 % у сярэднім за год, то прыбытак складаў частку даходу рэйхсміністра Остланда [12, арк. 131–133 адв.].

Кіраваў дачэрнім філіялам Эмісійнага банка «Остланд» у Мінску камісарскі загадчык (у далейшым камзаг), які абавязаны быў дзейнічаць з улікам спецыяльных «Указанняў па службе» [13, арк. 1], а таксама цыркуляраў і іншых дырэктыўных і нарматыўна-прававых дакументаў, накіраваных яму галоўнымі банкаўскімі ўстановамі і вышэйшым кіраўніцтвам. Згодна з «Указаннямі», камзагу ўручалася грамата на прызначэнне і акрэсліваліся паўнамоцтвы кіраўніка [14, арк. 3]. Ён быў упаўнаважаны весці ўсе юрыдычныя справы і дзеянні, неабходныя для выканання ўскладзеных абавязкаў, загадваць маёмасцю банка, а таксама несці асабістую адказнасць перад Германскім судом за парушэнне сваіх абавязкаў і ўзнікшыя страты. Камзаг пасля ўступлення на пасаду штомесяц і штогод прадстаўляў Генеральнаму камісару справаздачу аб дзейнасці банкаўскага філіяла і сваіх падначаленых фінансавых установах. У справаздачы камзаг паведамляў аб

стане працы банка з уключэннем рахункаў аб прыбытках і стратах, асаблівасцях развіцця банка і здарэннях ва ўстанове. Зарплата камзага банка ўстанаўлівалася Генеральным камісарам акругі «Беларусь» на падставе кіруючых указанняў гаспадарчага штаба ОСТ. Выдаткі на ўтрыманне банка, уключаючы аклады камзагада і служачых, павінна была несці сама банкаўская ўстанова. Калі разглядаць асабістыя якасці работнікаў, то акупацыйныя ўлады ўказвалі на тое, што ім, у першую чаргу, трэба быць адказнымі, прыстойнымі і акуратнымі [15, арк. 1].

Філіялы Эмісійнага банка «Остланд» у Мінску таксама павінны былі кожны месяц падаваць справаздачу аб сваёй працы ў галоўную банкаўскую установу, якой былі падначалены [16, арк. 5]. Гэта справаздача ўключала: агляд агульнага развіцця спраў на працягу вызначанага месяца; забеспячэнне на новыя выдадзеныя пазыкі; наяўнасць савецкіх грашовых знакаў у касах, непрыгодных для абарачэння; забяспечанасць аддзялення грашовымі сродкамі; колькасць і памер зробленых іншымі банкамі пераводаў; назвы прадпрыемстваў з рахункамі ў аддзяленні; спісы аддзяленняў, якія не выконваюць свой абавязак па ўнясенні наяўных грошай і інш. [17, арк. 10–67]. Усе ўстановы павінны былі штодзённа залічваць паступаючыя грашовыя сродкі на рахунак банкаўскай касы. Расходаванне грошаў з касы катэгарычна забаранялася. Усе ўзаемныя разлікі здзяйсняліся ў парадку ненаяўных разлікаў праз банк [18, арк. 262]. Для банкаўскіх філіялаў існавалі інструкцыі (правілы прадастаўлення фінансавай справаздачы). Па меры назапашвання ў касе пэўнай сумы, па распараджэнні галоўнага бухгалтара, касір здаваў залішнюю суму ў вышэйшы банк на бягучы рахунак, а ў касе заставалася сума, неабходная на бягучыя патрэбы гаспадаркі [19, арк. 23].

Для кантролю за дзейнасцю філіялаў і крэдытных кас кіраўніцтва галоўных банкаўскіх устаноў прызначала спецыяльных камісараў. Іх функцыі і абавязкі былі прапісаны ў «Кіраўніцтве для камісарскіх загадчыкаў аддзяленняў Дзяржаўнага банка» ад 6 лютага 1942 г. У адпаведнасці з ім камісары абавязаны былі кожны месяц прадстаўляць на нямецкай і рускай мовах справаздачу аб дзейнасці філіялаў, таму фінансавыя служачыя павінны былі вучыць нямецкую мову. З мэтай заахвоціць работнікаў да хутчэйшага асваення гэтай мовы акупацыйныя ўлады давалі прэміі ў дадатак да акладу тым, хто ёй валодаў [20, арк. 3 адв.]. Аднак узровень служачых не заўсёды адпавядаў нават тым невялікім патрабаванням, якія да іх прад’яўляліся. Нямецкія акупацыйныя органы ўлады адчувалі недахоп колькасці патрэбных ім кадраў.

Месцамі размяшчэння банкаў, іх філіялаў і раённых крэдытных кас былі памяшканні былых савецкіх дзяржаўных банкаўскіх устаноў, калі такія заставаліся. Аднак у раёнах іх часцей за ўсё не існавала. Тады выкарыстоўваліся любыя прыдатныя памяшканні. Так, кіраўнік Рудзенскага банкаўскага аддзялення 4 снежня 1942 г. паведамляў у Эмісійны банк у Мінску: «Руденское отделение Госбанка специально приспособленного

помещения не имеет...». Аднак немцы сур'ёзна ставіліся да фінансавых устаноў, таму ахова ў банку была. Той самы ўпраўляючы тут жа адзначыў: «Помещение банка охраняется полицией. Каждый день сдается на охрану дежурному под расписку. Со двора помещение тоже охраняется часовым полициянтом» [21, арк. 22].

Рэалізацыя фінансавых планаў германскіх захопнікаў адбывалася праз сістэму крэдытавання, якую ажыццяўлялі банкаўскія ўстановы. Пераважнае фінансаванне мелі тавары і прамысловыя прадпрыемствы з імперыі [22, арк. 8]. Таксама пры ажыццяўленні крэдытнай палітыкі важную ролю акупацыйныя ўлады адводзілі сельскагаспадарчым мерапрыемствам. Зрыванне планаў «маланкавай вайны» прымусіла захопнікаў разглядаць занятыя тэрыторыі выключна як аб'ект для эксплуатацыі. Тут планавалася наладзіць сельскагаспадарчую вытворчасць, якая б забяспечвала немцаў прадуктамі харчавання [23, л. 105].

Для атрымання дадатковых сродкаў на банкаўскіх рахунках акупанты разгарнулі аперацыі па іх захаванні. Насельніцтву прапаноўвалася размяшчаць у крэдытных установах грашовыя сродкі пад 2,5 % гадавых, незалежна ад тэрміну іх знаходжання ў банку [24, арк. 30]. У адпаведнасці з Цыркулярам № 30 ад 24 лютага 1943 г. банкаўскія ўстановы праводзілі агітацыю сярод насельніцтва. Яна прадугледжвала інфармаванне на дошках аб'яў і ўручэнне інфармацыйных лістоў пастаянным кліентам [25, арк. 110]. Аднак гэтая кампанія не мела станоўчых вынікаў па прычыне адсутнасці ў насельніцтва грошаў і недаверу да нямецкіх банкаўскіх устаноў.

Прэса Германіі ў гэты ж час актыўна пісала зусім пра іншае. Нямецкая газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» ад 25 сакавіка 1943 г. паведамляла, што нават ва ўмовах вайны банкі дастаткова добра спраўляюцца з пастаўленымі задачамі: «Банк у Остландзе працуе актыўна, на эканамічную вытворчасць ім выдадзена крэдытаў на суму 150 млн рэйхсмарак, а балансавы вынік прыблізіўся да значнай лічбы – 230 млн рэйхсмарак» [3, арк. 4]. Згодна з ацэнкамі немцаў, магчымасці працы банка ў Остландзе самыя спрыяльныя, аднак ён пакуль не змог зарэкамендаваць сябе сярод мясцовага насельніцтва. Гэта тлумачылася, у тым ліку, і падзеямі на фронце. Пасля перамог савецкіх войскаў у бітвах пад Сталінградам і пад Курскам насельніцтва акупаваных тэрыторый усё радзей звярталася да паслуг германскіх банкаўскіх устаноў.

Але і гэтыя нязначныя па колькасці аперацыі, якія здзяйснялі банкаўскія ўстановы, нярэдка зрываліся, таму што вялася актыўная дзейнасць партызан і падпольшчыкаў. Напрыклад, у справаздачы эканамічнага аддзела ГА «Беларусь» за перыяд з 1 снежня 1942 г. па 31 студзеня 1943 г. адзначалася, што многія работнікі нямецкіх банкаў ў акрузе, прызначаныя акупацыйнай уладай на розныя пасады, самі пераходзілі да партызан з фінансавымі каштоўнасцямі банкаў, у якіх працавалі [26, с. 61]. Акрамя кепскага падыходу фінансавых служачых да сваіх абавязкаў, часта сустракаліся выпадкі крадзяжу грашовых сродкаў з сейфаў германскіх банкаўскіх філіялаў. Па звестках паліцыі, гэта рабілі самі служачыя банка [27, арк. 1]. Нямецкі ж персанал на акупаванай тэрыторыі займаўся

банкаўскай справай у нязначным аб’ёме [28, арк. 5]. Банкаўская справа больш за ўсё пацярпела ад мэтанакіраваных дыверсійных дзеянняў савецкага супраціўлення. Банкаўскія аддзяленні падвяргаліся рабаванням, арганізаваным савецкімі партызанамі і падпольшчыкамі.

Такім чынам, аналіз дакументальных звестак сведчыць пра тое, што фінансавая палітыка германскіх акупантаў рэалізоўвалася галоўным чынам праз банкаўскія ўстановы, якія функцыянавалі ў раёнах і гарадах, ствараліся з мэтай больш эфектыўнага фінансавага кантролю і эканамічнага рабавання пэўнага рэгіёна. Па выяўленых даных, на тэрыторыі ГА «Беларусь» дакументальна пацверджана праца 32 банкаўскіх аддзяленняў з галоўнай банкаўскай установай – філіялам Эмісійнага банка «Остланд» у Мінску, якія займаліся зборам грашовых сродкаў не толькі ад крэдытных аперацый, гэтак жа ў банкі паступалі грашовыя сродкі ад прамысловых прадпрыемстваў, устаноў гандлю, падатковай інспекцыі. У распараджэнне банкаў і іх філіялаў паступала валютная маёмасць, у тым ліку каштоўныя паперы, золата і вырабы з яго, замежная грошы. Усе сродкі: і грашовыя, і матэрыяльныя – накіроўваліся ў распараджэнне Рэйхсбанка Берліна. Гэтыя факты дазваляюць зрабіць выснову, што фінансавая палітыка, якую праводзілі германскія акупацыйныя улады на тэрыторыі Беларусі, галоўным чынам каардынавалася праз банкаўскія ўстановы. Германскія акупанты пераклалі на мясцовае насельніцтва значную частку ваенных выдаткаў, што прывяло да страты перадваеннага фінансава-эканамічнага патэнцыялу на акупаванай тэрыторыі Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Олехнович, Г. И.* Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941−1945) / Г. И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. − 174 с.
2. Die Zivilverwaltung in den besetzten Ostgebieten (Braune Mappe) Teil A Richtlinien für die Wirtschaftsführung // НАРБ. − Ф. 652. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 1−39.
3. Gemeinschaftsbank Weissruthenien // Minsker Zeitung. − 1942. − № 139. − С. 4.
4. Переписка Руденского отделения с Общественным банком в Минске от 4 ноября 1942 г. // ДАМн. − Ф. 673. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 20−22.
5. Отделение Госбанка Белоруссии. Циркуляр № 2. от 2 марта 1942 г. // НАРБ. − Ф. 374. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 14−14 адв.
6. Rundschreiben Nr. 5. 18.05.1942 // НАРБ. − Ф. 374. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 23.
7. Gemeinschaftsbank Weissruthenien // Minsker Zeitung. − 1942. − № 139. − С. 4.
8. Verordnung über die Errichtung einer Notenbank im Ostland vom 30. Juli 1942 // ДАМн. − Ф. 623. Воп. 1. Спр. 503. Арк. 131−133 адв.
9. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов в 7 т. / под ред. Р. А. Руденко. – М. : Юрид. лит., 1960. − Т. 5. − 884 с.
10. *Куракова, І. Я.* Функцыянаванне банкаўскіх устаноў на тэрыторыі Беларусі ў зонах дзейнасці нямецкіх цывільнай і ваеннай адміністрацый (1941–1944 гг.) / І. Я. Куракова // Весн. Полац. дзярж. ун-та. – Сер. А. Гуманіт. навукі. – 2013. – № 9. – С. 122–129.
11. Steuerfreiheit der Notenbank im Ostland. 27. Juli 1943. // НАРБ. − Ф. 370. Воп. 4. Спр. 90. Арк. 83 адв.

12. Verordnung über die Errichtung einer Notenbank im Ostland vom 30. Juli 1942 // ДАМн. − Ф. 623. Воп. 1. Спр. 503. Арк. 131−133 адв.
13. Указания по службе для комиссарских заведующих отделениями Госбанка. Минск, 06.02.42 г. // НАРБ. − Ф. 370. Воп. 1. Спр. 186. Арк. 1.
14. Руководство для комиссарских заведующих отделениям Госбанка. Минск, 6 февраля 1942 г. // НАРБ. − Ф. 374. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 3−3 адв.
15. Bei einem Tresoreinbruch bei einen Niederlassung der ZNU sind mehrere Kartons mit neuen 5−Kar-Noten geraubt worden. 16.09.1943 // ДАБр. − Ф. 2150. Воп. 1. Спр. 55. Арк. 1.
16. Обніжнік № 8. Рівне, дня 5 серпня 1942 р. // ДАБр. − Ф. 2150. Воп. 1. Спр. 9. Арк. 4−5.
17. Доклады по работе Узденского отделения Госбанка за март–сентябрь 1942 г. // ДАМн. − Ф. 672. Воп. 2. Спр. 2. Арк. 10–67.
18. Приказ № 87 от 6 ноября 1943 г. // ДАВц. − Ф. 2088. Воп. 2. Спр. 2. Арк. 262.
19. Инструкция Оршанской районной управы о правилах предоставления финансовой отчетности от 24 июня 1942 г. // ДАВц. − Ф. 2074. Воп. 3. Спр. 4. Арк. 23.
20. Руководство для комиссарских заведующих отделениям Госбанка. Минск, 6 февраля 1942 г. // НАРБ. − Ф. 374. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 3−3 адв.
21. Переписка Руденского отделения с Общественным банком в Минске от 4 ноября 1942 г. // ДАМн. − Ф. 673. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 20−22.
22. An die Herren Gebietskommissare Übernahme von Garantien zur Förderung der Wirtschaft // НАРБ. − Ф. 393. Воп. 3. Спр. 2. Арк. 8.
23. *Казлова, С. Л.* Аграрная палітыка нямецкіх акупацыйных улад на Беларусі (1941−1944) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С. Л. Казлова. − Мінск, 2006. − 157 л.
24. Общественный банк в Белоруссии. Вклады частных лиц на сбережения // НАРБ. − Ф. 374. Воп. 1. Спр. 75. Арк. 30.
25. Цыркуляр № 30. Мінск. 24 лютага 1943 г. // НАРБ. − Ф. 374. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 110.
26. *Баюра, А. Н.* Бюджет, банки и финансы на территории Беларуси в годы оккупации / А. Н. Баюра // Банк. весн. − 2010. − № 13. − С. 59−62.
27. Bei einem Tresoreinbruch bei einen Niederlassung der ZNU sind mehrere Kartons mit neuen 5−Kar-Noten geraubt worden. 16.09.1943 // ДАБр. − Ф. 2150. Воп. 1. Спр. 55. Арк. 1.
28. Finanzamt Grodno. Grodno, 29. Mai 1942 // ДАГр. − Ф. 5. Воп. 1. Спр. 110. Арк. 5.

Д. А. Козел

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Осенью 1942 г. партизанское движение уже имело сложившуюся систему централизованного руководства, как в центре, так и на местах. Это позволяло в обособленные и разрозненные выступления партизанских отрядов внести

единое организующее и целенаправленное содержание. Проводимые мероприятия по совершенствованию этой системы были направлены на приближение органов партизанского руководства к фронтовому командованию в целях организации более тесного взаимодействия с Красной армией. Хотя действующие на оккупированной врагом территории партизанские формирования имели различную организационную структуру, у них было много сходного. Опыт войны при этом свидетельствовал о необходимости соответствия организационных форм партизанских сил характеру и способам боевых действий, которые они вели. Оперативными отделами Центрального и республиканских штабов партизанского движения этот вопрос постоянно отслеживался, анализировался и вырабатывались предложения по совершенствованию штатной структуры партизанских формирований.

Так, например, в докладной записке от 03.12.1942 г. на имя начальника оперативного отдела ЦШПД подполковник А. И. Брюханов, отвечавший за белорусское направление в отделе, проанализировал организационную структуру 2-й и 4-й Белорусских партизанских бригад действовавших в Витебской области. Как отмечалось в докладной, «основными недостатками в организации бригад» являются:

1) стремление командования партизанских бригад перенести на штаты бригад армейскую организацию, так например:

а) во 2-й бригаде – всего 739 человек, в штабе и штабных подразделениях – 139 человек, или 18 %. Кроме этого 1/4 всей бригады – обслуживающий состав;

б) в 4-й бригаде всего 895 человек, в штабе и штабных подразделениях – 134 человек, или 15 % всего личного состава;

2) отсутствие специальных подразделений минеров-подрывников.

В связи с этим он считал полезным:

1) рекомендовать отказаться от громоздких штабов, построив их как средство живого руководства, так как в партизанских бригадах отсутствует плановое снабжение, отсутствует система отчетности, которая в частях Красной армии вынуждает иметь крупные штабы;

2) всемерно поощрять и оказывать помощь партизанским отрядам в создании подразделений минеров-подрывников и насыщении подрывниками стрелковых подразделений партизанских отрядов (примерно в каждом отделении 1–2 подрывника), для этого попутными рейсами самолетов с грузами, направить в наиболее крупные отряды по 2 инструктора минера-подрывника [1, л. 80].

В этот же период в Белорусском штабе начальником оперативного отделения майором Г. П. Макаровым была разработана схема построения партизанских бригад, отрядов и групп Белоруссии. Согласно схемы партизанская бригада в своем составе могла иметь от 4 до 10 отрядов (с численностью в каждом отряде от 50 до 150 человек). В отряде могло быть от 4 до 10 боевых групп (взводов) с численностью от 10 до 25 человек в группе. Отдельно действующий партизанский отряд состоял из рот, взводов или групп и мог включать от 50 до 400 человек (рис. 1).

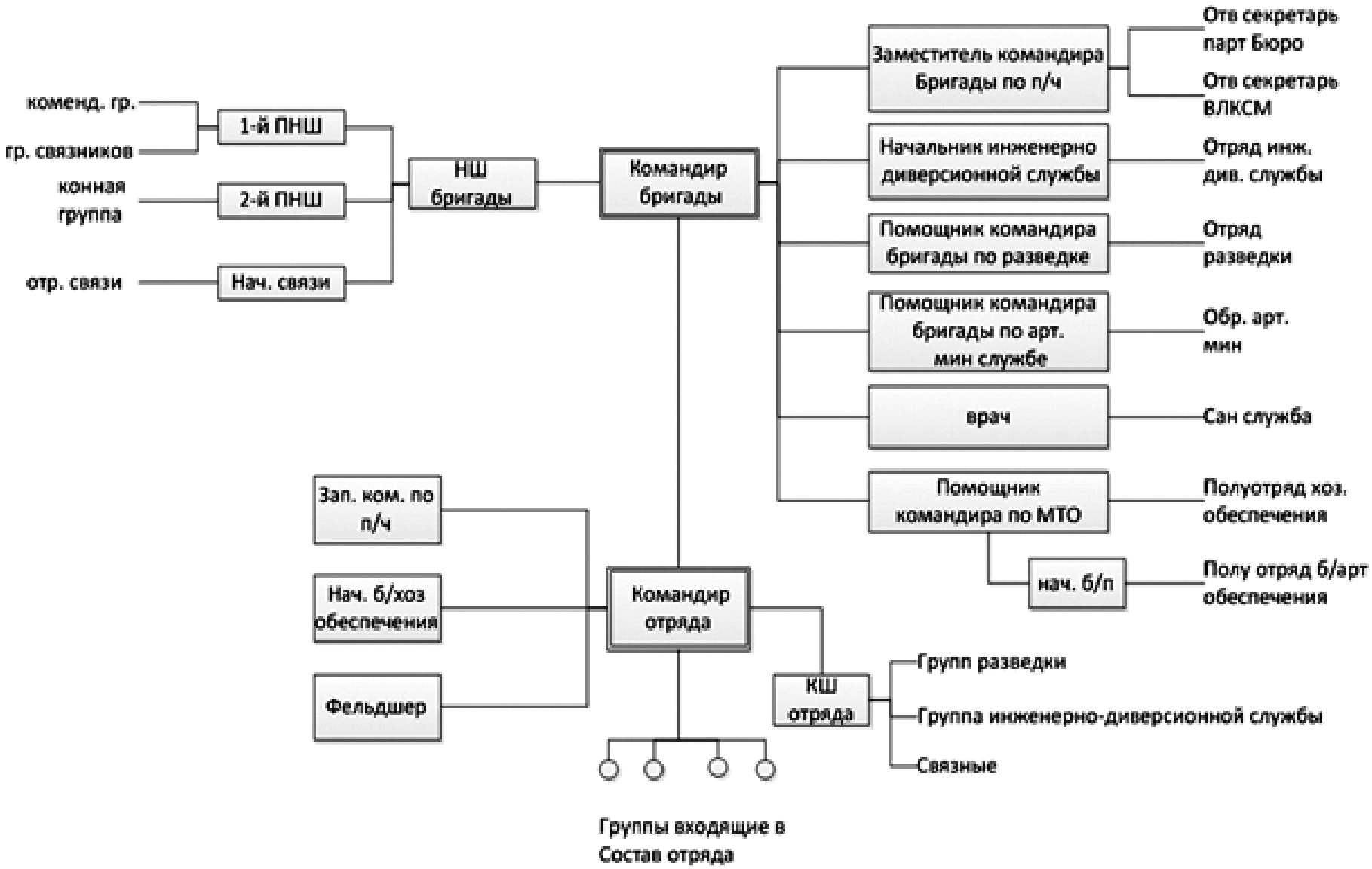

Рис. 1. Построение партизанских бригад и отрядов Белоруссии [2, л. 3]

На всем протяжении длительной борьбы белорусских партизан во вражеском тылу, первичной и основной тактической единицей партизанского формирования устойчиво сохранился и выдержал испытания партизанский отряд.

Эта тактическая единица показала свою жизненность, целесообразность и полную пригодность к успешному проведению и малых, и больших операций. Ячейки ниже отряда не могли самостоятельно существовать длительное время, они были не в состоянии оградить себя от опасности разгрома, не в состоянии отстоять себя и поэтому были обречены на прозябание. Отряд по своей структуре делился на 3–4 взвода, а взвод на 2–3 отделения. Из опыта витебских и вилейских партизан, в количественном отношении наиболее целесообразно было иметь 100–120 человек. Увеличение этого числа в отряде вело к потере мобильности, уменьшение – к слабости. Отряд численностью 100–120 человек был силен, мобилен, способен самостоятельно и успешно решать боевые задачи.

Для решения более сложных задач и проведения крупных боевых операций, а также удобства руководства и обеспечения всем необходимым несколько отрядов могли быть объединены в бригаду. Бригада – высшая форма партизанского формирования, вполне законченная; самостоятельное боевое соединение, способное решать любые боевые задачи.

Как показал опыт, в бригаде целесообразно было иметь не более 4–5 партизанских отрядов, с общим количеством 500–600 человек. При этом составе бригада являлась грозной боевой единицей, гибкой и мобильной в любых условиях партизанской деятельности [3, л. 14–15].

Партизанский отряд (бригаду) возглавлял командир и комиссар (с 9 сентября 1942 г. по 6 января 1943 заместитель командира по политической части)[1]. При них был штаб, главной задачей которого являлось оказание помощи командиру в планировании, ведении боевых действий, управлении подразделениями в бою.

Командир бригады и отряда имел помощника по разведке (с апреля 1943 г. заместитель по разведке), который отвечал за организацию разведывательной и контрразведывательной работы, готовил данные о противнике, необходимые для принятия решения командиром и непосредственно руководил разведывательными подразделениями. Боевой деятельностью партизанского отряда (бригады) командир руководил лично, через своих заместителей и штаб, который являлся основным рабочим органом командира. Постановку боевых задач подразделениям командир

[1] Приказом Главнокомандующего партизанским движением от 18 октября 1942 г. № 0059 был распространен Указ ПВС СССР от 9 сентября 1942 г. «Об установлении полного единоначалия и упразднения Института военных комиссаров в Красной Армии» на партизанские отряды. Приказом начальника ЦШПД от 6 января 1943 г. институт военных комиссаров в партизанских формированиях был восстановлен.

осуществлял путем отдачи устных и письменных боевых приказов (приказаний), распоряжений и команд. В зависимости от обстановки развертывались командные и командно-наблюдательные пункты. Обычно они располагались в районе постоянного и временного базирования, в боевых порядках отряда (бригады) при проведении операций, в голове походных колонн на марше.

Значительное превосходство противника в средствах вооруженной борьбы не позволяло вести длительные бои, поэтому в тактике партизан доминирующее место занимали диверсии и внезапные нападения (засады, налеты). Отрядам и соединениям приходилось вести бои в условиях открытых флангов и тыла. Все это определяло исключительно скоротечный характер боевых действий, в ходе которых партизаны не могли сдерживать длительное время участки местности в районе боя, где можно было развернуть пункты управления. Продолжительность многих боевых операций исчислялась минутами. Командир отряда (бригады) для управления подразделениями (частями) в бою вынужден был находиться непосредственно в боевом порядке этого подразделения (части), которое решало главную задачу. Это позволяло ему более оперативно управлять подразделениями в условиях ближнего, скоротечного боя. Если же в ходе той или иной операции командиры и штабы развертывали пункты управления, то размещались они в непосредственной близости от передовых подразделений, ведущих бой.

Особенности борьбы в тылу врага определили и роль штабов партизанских формирований. Основное содержание деятельности штаба партизанского отряда (бригады) было связано обычно с тщательной подготовкой боевых действий частей и подразделений по нескольким вариантам, всесторонней отработкой вопросов взаимодействия в бою по месту, времени и цели.

Следует подчеркнуть, что все мероприятия по подготовке к боевым действия, а также управление партизанскими формированиями в ходе выполнения боевого задания проводилась в соответствии с решением командира, которое являлось основой управления партизанскими частями и подразделениями.

Свое решение командир отряда (бригады) доводил до подчиненных командиров лично во время постановки боевых задач и отдачи указаний по организации взаимодействия и всестороннему обеспечению боевых действий, иногда – по техническим средствам связи или через своих представителей, связных или посыльных. Представители командира задачи до подразделений доводили как в устной форме, так и путем передачи письменных или графических документов. Связные, как правило, использовались лишь для передачи документов, в которых излагалась боевая задача подразделения.

При постанове задач вопросы взаимодействия отрабатывались либо на местности, либо по карте (схеме). Нередко командир изучал с подчиненными все возможные варианты действий путем решения вводных и летучек. Отдельные элементы предстоящей операции проигрывались иногда с партизанами на практических занятиях на местности. Основная цель подобных мероприятий сводилась к тому, чтобы заранее полнее отработать с командирами вопросы, связанные с согласованием усилий подразделений по цели, месту и времени с целью успешного выполнения боевой задачи. Так, при планировании налета на стационарный вражеский объект с командирами подразделений обычно отрабатывались сроки и способы выдвижения к объекту, а также порядок его захвата или уничтожения: проделывание проходов в инженерных заграждениях; время и способы снятия часовых, ликвидация патрулей, дозоров и других органов охраны объекта; действия каждого из подразделений по этапам; последовательность и направление отхода, порядок выноса раненных, конвоирование пленных, транспортировка трофеев, выход в районы сбора, порядок прикрытия отхода.

Штабы партизанских бригад устанавливали и поддерживали связь с вышестоящим штабом, подчиненными частями и подразделениями, соседними отрядами или бригадами, подпольщиками, партизанами-разведчиками и лицами, действовавшими по заданию командования партизан, а также с частями Красной армии. Для управления партизанскими формированиями использовались различные виды и средства связи: радио и проводная связь, подвижные средства (связные на мотоциклах, автомобилях, лодках, самолетах, пешие и конные), а также различные звуковые и визуальные сигнальные средства. За организацию связи в партизанских формированиях непосредственно отвечал начальник связи, который через подчиненные ему подразделения связи обеспечивал командиру и штабу гибкое управление подразделениями и частями.

Радиосвязь организовывалась сверху вниз. Вышестоящий штаб устанавливал связь с каждым партизанским формированием по радионаправлению. Сложность заключалась в том, что передачу приходилось вести, как правило, через территорию, занятую противником, в условиях, когда он мог быстро запеленговать действующие радиостанции.

Организуя радиосвязь с партизанскими формированиями, вышестоящие штабы предусматривали возможность передачи им важных сведений в любое время, не ожидая очередного сеанса радиосвязи. Для этого каждому партизанскому отряду (бригаде) наряду с указанием времени обязательных сеансов связи сообщались данные для работы на дежурной волне. Устанавливался способ кодирования карты, разрабатывались индивидуальные переговорные таблицы.

Практически партизанские отряды (бригады) держали радиосвязь только с Большой землей, внутренняя радиосвязь была сравнительно редким

явлением – обычно лишь в крупных соединениях. В интересах маскировки радиосвязь между отдельными группами (отрядами), как правило, не допускалась. Связь с соседями по радио разрешалась только через штабы крупных партизанских соединений.

Проводная связь использовалась главным образом в районах, контролируемых партизанами. Важное значение ей придавалось при обороне партизанских краев. Так, например, оперативная группа Белорусского штаба партизанского движения в Бегомль-Ушачском партизанском крае имела внутреннюю проводную сеть общей протяженностью 450 км [4, с. 335]. Нередко опытные партизаны и подпольщики использовали для связи и местную телефонную сеть противника, передавая короткие кодированные сообщения.

Наибольшее распространение при управлении партизанскими формированиями получила связь подвижными средствами. Командиры и штабы использовали этот вид связи для поставки документов и передачи устных приказаний распоряжений донесений, а также обмена информацией.

Сигнальные средства связи партизаны широко применяли при оповещении о противнике, при управлении в бою, при подаче сигналов самолетам, обозначения посадочных площадок и взаимном опознавании. Визуальные сигналы подавали при помощи фонарей, ракет, костров, цветных дымов и огней, сигнальных спичек, трассирующих пуль, флажков, указок и т.п. Звуковые сигналы партизаны передавали свистками, колоколом, рожком имитацией голосов птиц и животных и т.п. Ружейные выстрелы, взрывы гранат, мин и фугасов применяли в качестве звуковых сигналов только в условиях боевых действий и при внезапных сборах партизан.

Управление подразделениями партизанского отряда при проведении боевой операции рассмотрим на примере успешно проведенных засадных действий партизанским отрядом «Смерть фашизму» (командир отряда В. Ф. Тарунов, комиссар И. П. Дедюля, начальник штаба А. А. Кисляков) 30 ноября 1942 года на автостраде Минск – Москва в 8 км юго-западнее Борисова.

Из-за активных действий партизан в данном районе немцы не допускали ночью движения одиночных машин на этом участке и формировали из них колонны с усиленным конвоем.

Разведка партизан установила, что каждую ночь по шоссе проходят две-три колонны, состоящие из 15–20 тяжелых грузовиков каждая. Командование отряда решило устроить здесь засаду (рис. 2). Всего к операции привлекалось около 130 партизан, имевших на вооружении автоматы, винтовки, гранаты, 4 ручных пулемета и одно противотанковое ружье.

Рис. 2. Боевой порядок партизанского отряда «Смерть фашизму» в засаде [5, с. 43].

Место засады было выбрано на шоссе в 1,5 км восточнее деревни Белые Лужи, в районе большой выемки (глубиной 8–10 м) и высоких насыпей, что диктовалось возможностью скрытного выдвижения и расположения партизан, а также удалением близлежащих гарнизонов противника, откуда к месту засады могли прибыть подкрепления.

Замысел операции, разработанный штабом отряда, заключался в следующем. Примерно в полночь, когда движение одиночных машин прекращается, быстро уложить в ровики, подготовленные вдоль автострады через равные промежутки, соответствовавшие интервалам между автомашинами при ночном движении, артиллерийские снаряды крупного калибра (150 мм) с прикрепленными к ним взрывателями натяжного действия. Как только колонна втянется в зону минирования, сразу же подорвать фугасы, затем огнем из стрелкового оружия и гранатами уничтожить живую силу противника. Для стрельбы по танкам был подготовлен расчет противотанкового ружья.

Боевой порядок отряда, согласно плану операции, состоял из двух ударных групп (по 35–40 человек), скрытно располагавшихся на фронте 300–400 м по обе стороны от шоссе в районе выемки, трех групп прикрытия (по 7–10 человек) на направлениях вероятного выдвижения подкреплений противника и резерва (20 человек), сосредоточенного в 300 м в тылу ударной группы № 1. Для лучшего управления подразделениями засады командир отряда решил находиться с тремя связными непосредственно в цепи ударной группы № 1. В боевой порядок входила также группа подрывников. Группа располагалась совместно с ударной группой № 1, а ее командир – рядом с командиром отряда. Подрывники должны были установить снаряды (фугасы) и по сигналу (голосом) командира отряда подорвать их при помощи механического управления. Взрыв фугасов являлся сигналом для группы № 1 на открытие огня по противнику. Группа № 2 открывала огонь по сигналу своего командира, если противник попытается отойти в сторону ее расположения. Для безопасности огонь предусматривалось вести с насыпей сверху вниз. Разгром колонны планировалось завершить совместной стремительной атакой ударных групп по сигналу командира отряда – красная ракета в сторону колонны. Из состава ударных групп выделялись подгруппы сбора трофеев и поджога автомашин после разгрома вражеской колонны.

Для подвоза снарядов к шоссе и вывоза трофеев использовался конный обоз. Он располагался вблизи резерва (300 м от ударной группы № 1). Исходя из предполагаемых действий противника по преследованию партизан, отход отряда намечалось осуществить по двум вариантам. Соответственно этому были определены районы сбора, маршруты движения к ним и сигналы начала отхода: по первому варианту – 3 красные, по второму – 3 зеленые ракеты.

Все основные вопросы взаимодействия командир отряда отработал с командирами подразделений в районе базирования, некоторые – уточнил при выдвижении к месту засады.

Вечером 29 ноября отряд выступил из района базирования, который находился в 15 км от места засады. На марше командир отряда находился в голове колонны главных сил. Впереди, на удалении 1–1,5 км от колонны главных сил, выдвигалась группа разведки, с которой поддерживалась связь посыльными и световыми сигналами. В километре от шоссе (на опушке леса восточнее Белые Лужи) командир отряда, получив сигнал от разведки, что впереди все спокойно, еще раз уточнил задачи командирам подразделений и отдал приказ на развертывание. Отряд, маскируясь в зарослях и складках местности, подтянулся к выемке и занял указанные им позиции. Группа разведки с этого момента стала действовать как группа прикрытия (№ 1).

К полночи, когда наступила пауза в движении одиночных машин, подрывники и их помощники спустились на шоссе и начали выдалбливать на обочине в спрессованном снегу поперечные ровики. Для ускорения работы на каждый ровик, предназначенный для снаряда, выделялось 4 партизана. За 15 минут все двенадцать фугасов были уложены и тщательно замаскированы.

Два часа отряд в условиях мокрого снегопада и сильного ветра ничем не обнаруживал себя и пропускал двигавшиеся по шоссе небольшие группы противника. Когда же со стороны Минска (у села Горельцы, в 2 км от засады) показались огни большой вражеской колонны, командир отряда голосом (по цепи) для ударной группы № 1 и фонарем для ударной группы № 2 подал сигнал готовности к нападению.

Колонну в составе более 20 грузовых автомашин и автобусов сопровождали два танка. Когда замыкающая машина вошла в заминированную зону, командир отряда подал сигнал для подрыва фугасов. Серия мощных взрывов вывела из строя большую часть автомашин противника и головной танк. Вслед за взрывами на вражеских солдат и офицеров обрушился шквал огня ударной группы № 1. Расчет ПТР открыл огонь по второму танку, шедшему в хвосте колонны, и подбил его. Уцелевшие гитлеровцы бросились на другую сторону шоссе, но и здесь их встретили огнем партизаны. Многие фашисты были уничтожены, оставшиеся в живых метались между горящими машинами, беспорядочно отстреливаясь. По сигналу командира – красная ракета – партизаны обеих ударных групп устремились в атаку и в рукопашной схватке завершили разгром врага. Бой продолжался около 10 минут.

С началом атаки резерв с обозом, согласно отработанному плану взаимодействия, быстро выдвинулся к позициям ударной группы № 1. После осмотра содержимого грузовиков партизаны по цепочке передавали трофеи в обоз. По сигналу командира отряда – 3 красные ракеты – отряд начал отход в район сбора № 1. На шоссе остались лишь небольшая группа для поджога машин и подрыва подбитых танков. После выполнения своей задачи она присоединилась к отходящей колонне главных сил, прикрывая ее отход с тыла. Густой снег скрыл следы партизан, возвращавшихся в район базирования.

В результате умело проведенной засады отряд «Смерть фашизму» сжег 22 вражеских грузовика и автобуса, подорвал 2 танка, уничтожил около 80 гитлеровцев, захватил 20 пленных, много оружия, различного военного снаряжения, медикаменты, продовольствие [6, с. 144–146]. Успешные действия отряда во многом были определены тщательной подготовкой к операции личного состава, правильной расстановкой сил, доскональной отработкой вопросов взаимодействия и управления подразделениями в подготовительный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докладная записка старшего помощника начальника оперативного отдела подполковника А. И. Брюханова от 03.12.1942 г. // НАРБ. – Ф. 1450. Оп 3. Д. 45.
2. Схема построение партизанских бригад, отрядов и групп Белоруссии // НАРБ. – Ф. 1450. Оп 1. Д. 13.
3. Отчет оперативной группы – предст. БШПД и ЦШПД на 1-м Прибалт. фронте о боевой деятельности партизан Витебской, Вилейской и сев. районов Минской областей за 1943–1944 годы // (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 135.
4. Непокоренная Белоруссия. Воспоминания и ст. о всенар. партиз. движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Фил. ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Воениздат, Мин-во обороны СССР, 1963. – 375 с.
5. *Андрианов В. Н.* Некоторые вопросы управления партизанскими формированиями / В. Н. Андрианов // Военно-исторический журнал. – 1976. – № 5. – С. 39–46.
6. Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Андрианов [и др.]. – М. : Политиздат, 1974 – Вып. 1. – 447 с.

И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (январь 1944 г. – май 1945 г.)

Вступление Советского Союза в начале 1944 г. в новый период Великой Отечественной войны повлекло за собой и необходимость решения целого ряда специфических проблем, связанных с особенностями процесса завершения войны в Европе. Приоритетным здесь являлся вопрос послевоенного урегулирования, создания основ нового миропорядка, призванного обеспечить мирное будущее человечеству. Советское видение послевоенного мира в Европе было изложено 6 ноября 1943 г. в докладе И. В. Сталина, посвященном 26-й годовщине Октябрьской революции. Оно содержало пять ключевых задач:

- освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями, – народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;
- предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;
- принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния;
- установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;
- создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры [1, с. 118–119].

В целях конкретной проработки вопросов связанных не только с германской проблемой, но и в целом с мирным урегулированием в Европе в сентябре 1943 г. постановлением СНК СССР в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1943 г. при наркомате иностранных дел создаются две комиссии – по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства и по вопросам перемирия.

Первую из них возглавлял М. М. Литвинов, а в ее состав входили С. А. Лозовский, Д. З. Мануильский, Я. З. Суриц, Г. Ф. Саксин, Е. В. Тарле и Б. Е. Штейн. Несколько позже, после отбытия Г. Ф. Саксина в Лондон, его место в комиссии занял М. М. Юнин.

Председателем второй комиссии был К. Е. Ворошилов. Она состояла из видных советских дипломатов и военных, таких как Б. М. Шапошников, В. П. Потёмкин, И. М. Майский, А. А. Игнатьев, М. Р. Галактионов, С. Б. Крылов, С. Т. Базаров. 9 сентября в состав комиссии был дополнительно включен адмирал И. С. Исаков. 29 июня 1944 г. Комиссия по вопросам перемирия была преобразована в Комиссию по перемирию с Германией [2, с. 665].

В ноябре 1943 г., в соответствии с решением Политбюро, постановлением Совнаркома при наркомате иностранных дел была образована еще одна структура – Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками. Работой этой комиссии руководил И. М. Майский. В нее были включены видные ученые, ответственные работники Госплана, наркоматов иностранных дел и внешней торговли: Е. С. Варга, В. В. Кузнецов, Е. И. Бабарин, Г. П. Аркадьев, М. З. Сабуров, Н. М. Силуянов [2, с. 677].

С июня 1943 г. в Москве начал выходить журнал «Война и рабочий класс» (впоследствии журнал «Новое время»), на страницах которого

началось активное обсуждение вопросов послевоенного будущего мира. В журнале часто высказывались самые полярные точки зрения, порой не весьма приятные для союзников СССР. В Москве также пристально следили и за действиями партнеров СССР по антигитлеровской коалиции. Здесь уместно отметить, что коалиция существовала и действовала в непростых условиях. У каждой участвовавшей в ней стране были собственные конечные цели войны. И они не во всем совпадали. И это несовпадение целей порой было сопряжено с некоторыми действиями которые вызывали настороженность партнеров. Так, 17 января 1944 г. «Правда» опубликовала материал собственного корреспондента в египетской столице Каире, в котором, со ссылкой на заслуживающие доверия источники, говорилось об имевшей место секретной встрече министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа с высокопоставленными представителями английского правительства. На встрече обсуждались возможность и условия заключения сепаратного мира с Германией [3, с. 459].

Реакция У. Черчилля была жесткой. «Я не могу пройти мимо исключительно плохого впечатления, создавшегося здесь в связи с сообщением “Правды”, которое было предано Советским Правительством столь широкой официальной гласности, – писал он Сталину 24 января. – Даже лучшие друзья Советской России в Англии были сбиты с толку. Это сообщение тем более оскорбительно, что мы не можем понять его подоплёку… Мы не думали о заключении сепаратного мира даже в тот год, когда мы были совсем одни и могли бы легко заключить такой мир без серьёзных потерь для Британской Империи и в значительной степени за Ваш счёт» [Там же, с. 226].

Не обошел вниманием У. Черчилль и критические публикации, появляющиеся в журнале «Война и рабочий класс». «Каждый день я получаю длинные выдержки из журнала “Война и рабочий класс”, который, кажется, предпринимает постоянные нападки слева на нашу администрацию в Италии и политику в Греции, – писал Черчилль Сталину в этом же послании. – Поскольку эти нападки делаются открыто в советских газетах, которые в иностранных делах, как это, правильно или неправильно, полагают, не отклоняются от политики Советского Союза, то расхождения между нашими правительствами становится серьёзным парламентским вопросом» [Там же].

Ответ Сталина от 29 января был сдержанным, примирительным: «Что касается сообщения “Правды”, то ему не стоит придавать чрезмерного значения, как нет основания и оспаривать право газеты печатать сообщения о слухах, полученных от проверенных агентов газеты».

Но в то же время советский лидер выразил большое сомнение в том, что заключение когда-либо сепаратного мира с Германией могло быть осуществлено «без серьёзных потерь для Британской империи», указал на взаимозависимость судеб союзников в этой войне и на то, что, как признавал сам Черчилль, «именно Советский Союз, развернув свою борьбу с Гитлером, устранил опасность, безусловно угрожавшую Великобритании со стороны Германии» [Там же, с. 229].

Что же касается не понравившихся в Лондоне публикаций в журнале «Война и рабочий класс», то «могу лишь сказать, – ответил Сталин, – что это профсоюзный журнал, за статьи которого Правительство не может нести ответственности. Впрочем, журнал, как и другие наши журналы, верен основному принципу – укреплению дружбы с союзниками, что не исключает, а предполагает и дружественную критику» [3, с. 230].

Здесь следует отметить, что полного единства взглядов среди советского экспертного сообщества по германской проблеме не существовало. Наиболее жесткой позиции придерживались члены комиссии М. М. Литвинова. Их взгляды в наиболее концентрированном виде представлены в документе «Обращение с Германией». Основные мысли, изложенные в нем, сводились к уничтожению очага агрессии в Центральной Европе путем ликвидации военного потенциала Германии, денацификации страны, отчуждения территорий и расчленения страны [2, с. 419–454].

15 ноября 1945 г. состоялось итоговое заседание Комиссии, о результатах которого М. М. Литвинов уведомил В. М. Молотова, представив протокол заседания. М. М. Литвинов также предложил наркому поставить перед СНК СССР вопрос о ликвидации Комиссии в связи с выполнением всех возложенных на нее задач [Там же, с. 665].

Характеризуя итоги работы комиссии, возглавляемой заместителем наркома иностранных дел И. М. Майским, следует отметить документ, направленный в адрес наркома В. М. Молотова 11 января 1944 г. Он был посвящен вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Это подробная аналитическая записка, в которой затрагиваются вопросы границ Советского Союза и его места в мире, послевоенного будущего Германии, Европы и мира в целом, экономических отношений между союзниками, создания международных органов для сохранения мира [Там же, с. 333–360].

Итоговым документом, подготовленным Комиссией по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу, была обширная записка «Основные линии репарационной программы СССР», представленная за подписью И. М. Майского В. М. Молотову 28 июля 1944 г. [Там же, с. 506–516]. Это объемный документ, состоящий из десяти глав, в которых были определены виды и размеры нанесенного СССР ущерба, рассматривались возможности приобретения союзниками собственности в Германии и верхняя граница возможных изъятий. Касаясь методологии построения репарационных требований, программа предусматривала две формы репараций: единовременные изъятия и ежегодные платежи сроком на 10 лет поставками, деньгами, трудом и т.п. Прямые материальные потери СССР по предварительным подсчетам комиссии И. М. Майского составляют «никак не меньше 700–800 млрд. рублей, т.е. 130–150 млрд. долларов». Оценивая возможные репарационные поставки из Германии на протяжении 10-летнего периода в 58–63 млрд долларов, Комиссия по возмещению ущерба считала, что «гораздо более серьезным источником репарационных платежей, чем натуральные поставки, может явиться германский труд. При условии, что среднее

годовое число трудообязанных составит около 5 млн. человек, общая сумма репараций на протяжении 10 лет по этой рубрике может достигнуть примерно 35–40 млрд. долларов» [2, с. 508, 514, 687].

Разработанная комиссией репарационная программа СССР исходила в том числе из необходимости сохранения «минимального народно-хозяйственного “прожиточного минимума”, который при всяких условиях придётся оставить Германии, построив его на базисе “среднеевропейского” уровня жизни» [Там же, с. 511].

Рассматривая вопросы, связанные с послевоенным урегулированием и германской проблемой в особенности, необходимо отметить, что по решению проходившей в октябре 1943 г. в Москве конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании учреждалась Европейская консультативная комиссия (ЕКК) как механизм, обеспечивающий «теснейшее сотрудничество между тремя правительствами при изучении европейских вопросов, возникающих из развития войны». Ее местопребыванием был определен Лондон [4, с. 312].

На случай обсуждения в ЕКК репарационных требований Советского Союза И. М. Майский писал в своей Памятной записке Председателю СНК СССР И. В. Сталину от 20 декабря 1944 г.: «сумму в 10 млрд. долларов, как мне кажется, мы должны выдвинуть в качестве нашего минимального требования по репарациям в порядке единовременных изъятий и ежегодных поставок (без труда). Сумму наших претензий в размере 10 млрд. долларов никак нельзя назвать чрезмерной – особенно с учётом колоссального ущерба, нанесённого нам войной» [2, с. 591–592].

Говоря об итогах работы комиссии Майского, можно отметить, что ее рекомендации нацелены были на применение репарационных требований к Германии, в том числе и репараций трудом в течение длительного срока (не менее 10 лет) с целью как скорейшего возмещения нанесенного ущерба СССР и другим странам, так и ослабления экономического потенциала Германии. Задача состояла в том, чтобы «обезвредить» Германию на 30–50 лет.

Вместе с тем И. М. Майский не исключал и возможности смягчения требований. «Конечно, – писал он, – ничто не стоит на месте, и тяжёлый пресс, под который попадёт Германия после войны, можно и должно будет постепенно развинчивать в соответствии с успехами того перевоспитания немецкого народа, о котором я говорил выше. Если и когда немецкий народ искренне станет на рельсы создания социалистической Германии, пресс может быть и совсем снят. Но это пока ещё музыка будущего. Ближайший период после войны должен стоять под знаком возмездия, которое Германия заслуженно понесёт за совершённые ею преступления» [2, с. 335–336].

Вместе с тем авторы-составители документального сборника «СССР и германский вопрос. 1941–1949» Г. П. Кынин и Й. Лауфер отмечают, что в отличие, например, от документов по вопросам военного перемирия в Архиве внешней политики Российской Федерации нет подтверждений того, что документы по вопросу о репарациях утверждались руководством СССР.

В наркоминделе с самого начала исходили из конфликтности репарационного вопроса в отношениях между союзниками. Как на Московской конференции министров иностранных дел, так и в следующем, 1944 году, советское правительство не воспользовалось возможностью обсудить предложения западных держав, направленные на согласование совместной репарационной политики. Только накануне Крымской конференции советское руководство решилось дать указание разработать конкретные предложения по репарациям. Эти предложения были изложены в записках на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова, направленных И. М. Майским в декабре 1944, январе 1945 г. Однако, несмотря на обсуждение этой темы в Крыму, до конца войны не было найдено решение вопроса о репарациях [2, с. 21].

Оценивая результативность работы комиссий, созданных при наркомате иностранных дел для выработки направления решений в послевоенный период как германских, так и европейских проблем в целом, авторы-составители сборника документов «СССР и германский вопрос. 1941–1949» отмечали, что «Среди этих трёх комиссий главное место занимала комиссия К. Е. Ворошилова. Это объяснялось тем, что она имела прямое отношение к переговорам союзников в рамках ЕКК в Лондоне, и выражалось в том, что наиболее важные разработанные ею проекты документов утверждались лично И. В. Сталиным» [Там же, с. 26].

Комиссия по вопросам перемирия, которую возглавлял маршал К. Е. Ворошилов работала с 6 сентября 1943 г. по 29 июня 1944 г. За это время, как значится в ее отчете, она провела 55 заседаний [5, с. 62].

Одним из наиболее значимых документов, разработанных комиссией, был «Документ о безоговорочной капитуляции Германии». Работа над ним была завершена 3 февраля 1944 года. Проект документа состоит из 158 статей, объединенных в двадцать разделов. Он затрагивает широкий круг вопросов означенной проблемы: разоружения всех видов войск, процесса демобилизации личного состава, возвращения военнопленных и гражданского населения Объединенных Наций, денацификации Германии, т.е. роспуска национал-социалистической партии и различного рода организаций, контролируемых ею, искоренения национал-социалистической идеологии, предания суду виновников войны, контроля над экономикой Германии, обязательств по репарациям и т.п. [2, с. 365–392].

Составленный на основе этого обширного документа проект кратких «Условий капитуляции Германии» 12 февраля 1944 г. был утвержден И. В. Сталиным и в тот же день отправлен послу СССР в Лондоне Ф. Т. Гусеву для представления его в Европейскую консультативную комиссию [Там же, с. 409–417].

Обсуждение трех проектов об условиях капитуляции Германии (советского, американского и английского) происходило в ЕКК в период с 18 февраля по 10 июня 1944 г. Текст документа был подписан 25 июля 1944 г. на официальном заседании Комиссии и направлен на утверждение правительствам трех союзных держав [Там же, с. 680].

За время своего существования с декабря 1943 по август 1945 г., когда по решению Потсдамской конференции союзников она прекратила свою работу, ЕКК подготовила 12 официальных соглашений по германскому, австрийскому и болгарскому вопросам, которые подводили черту под итогами Второй мировой войны в Европе. Среди них: Документ о безоговорочной капитуляции Германии, Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии, Протокол о зонах оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином», Соглашение о контрольном механизме в Германии и т.п. [2, с. 678].

Вопрос о послевоенном будущем Германии прорабатывался союзниками как на академическом уровне, так и в структурах, занимавшихся решением текущих внешнеполитических проблем. Идея раздела Германии на несколько государств имела широкую поддержку как в высшем руководстве СССР, иначе она не была бы озвучена И. В. Сталиным в декабре 1941 г. на англо-советских переговорах в Москве, так и среди определенных кругов научной общественности, работавшей в сфере международных экономических и политических отношений, о чем свидетельствует записка сотрудников Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР Вишнёва, Карра и Гуревича об экономических и военных последствиях расчленения Германии. Докладная записка была направлена директором института академиком Е. С. Варга заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову [Там же, с. 136–139, 252–263].

Две из трех комиссий, образованных при наркоминделе, – комиссия М. М. Литвинова и комиссия И. М. Майского – во взглядах на послевоенное будущее Германии придерживались этой же точки зрения. Об этом свидетельствуют их выводы, содержащиеся в записках на имя наркома иностранных дел В. М. Молотова по итогам работы комиссий от 11 января 1944 г. (комиссия И. М. Майского) и 9 марта 1944 г. (комиссия М. М. Литвинова) [Там же, с. 336, 449].

Очевидно, что мысли о возможности принятия даже самых крайних мер в отношении Германии в Советском Союзе были вызваны тяжелейшими испытаниями и бедствиями, которые принесла война. В этих условиях советское правительство не могло не учитывать возможности угрозы возрождения германского милитаризма и реваншизма. В своих воспоминаниях американский посол военного времени в Москве А. Гарриман писал, что опасения Советского правительства были совершенно искренними. И. В. Сталин в нескольких случаях говорил ему «о своём беспокойстве, что история повторяется и что после войны германский милитаризм возродится, если только мы не примем меры, чтобы помешать этому» [6, с. 19].

Вопрос о расчленении Германии обсуждался союзниками на Тегеранской конференции, он был включен в повестку дня и на конференции в Ялте. По итогам напряженной дискуссии (5–6 февраля) 7 февраля 1945 г. главы правительств одобрили подготовленное тремя министрами иностранных дел В. М. Молотовым, А. Иденом и Э. Стеттиниусом решение о создании из

представителей СССР, США и Великобритании комиссии для изучения вопроса о процедуре расчленения Германии [6, с. 118, 232]. Комиссию возглавил министр иностранных дел Великобритании А. Иден. В нее вошли советский посол в Лондоне Ф. Т. Гусев и американский Д. Вайнант.

Проблемам, связанным с расчленением Германии, на Крымской конференции уделялось много внимания, но несмотря на остроту дискуссии, отсутствовали конкретные предложения. Видимо, это побудило Ф. Рузвельта заявить, что насколько он понимает, вопросы, поставленные маршалом Сталиным, касаются перманентного состояния. Однако они вытекают из вопроса о зонах оккупации Германии. Может быть, эти зоны будут первым шагом к расчленению Германии. На это Сталин заявил, что если союзники предполагают расчленить Германию, то так и надо сказать [Там же, с. 60].

Лейтмотивом высказываний союзников по данной проблеме, в первую очередь У. Черчилля, который наиболее активно участвовал в ее обсуждении были высказывания в пользу территориального ослабления Германии, а вопрос о ее расчленении нуждается в дополнительной проработке.

Лондонская комиссия по изучению процедуры расчленения Германии начала свою работу 7 марта 1945 г. Ознакомившись с документами, представленными западными странами, советские дипломаты пришли к заключению, что союзники намерены «переложить инициативу в данном вопросе исключительно на нас» [2, с. 609–614].

В этих условиях в Москве было принято решение прекратить обсуждение этого вопроса. 24 марта советскому послу в Лондоне была направлена телеграмма наркома иностранных дел В. М. Молотова следующего содержания: «Как Вам, тов. Гусев, известно, англичане и американцы, которые первыми поставили вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения. Чтобы отнять у них такую возможность, нужно внести указанное выше предложение». В этом предложении говорилось: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить её в случае, если другие средства окажутся недостаточными» [Там же, с. 626]. После этого заявления, сделанного Советским Союзом, созданная по решению Крымской конференции Комиссия по расчленению Германии фактически прекратила свою работу.

Своеобразным резюме этой острой проблемы, волновавшей союзников по антигитлеровской коалиции, может служить заключение содержащееся на страницах 8-го тома двенадцатитомного издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», который посвящен внешней политике и дипломатии Советского Союза в годы войны: «Очень важным, но весьма сложным был вопрос о расчленении Германии, который уже поднимался каждой из ведущих держав антигитлеровской коалиции и обсуждался между ними. С одной стороны, расчленение – вроде бы лучший способ наказать и осла-

бить противника, чтобы не допустить угрозы реванша в будущем. С другой, кто возьмёт инициативу и ответственность за это если не перед нынешним поколением немцев, ассоциировавшимся с нацизмом, то перед будущими? И как это потом скажется на отношениях Германии (точнее германских государств) с державами-победителями?» [7, с. 338]. А поэтому неслучайно 9 мая 1945 г. в обращении к советскому народу И. В. Сталиным было заявлено: «Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию» [8, с. 45].

В конечном итоге, с поражением Германии в войне, к началу работы Потсдамской конференции союзных держав (17 июля – 2 августа 1945 г.) проблема расчленения Германии стала уже неактуальной [7, с. 617–618].

Серьезным приоритетом советской внешней политики был вопрос о репарациях с Германии. И. В. Сталин инициировал его обсуждение уже на второй день работы Крымской конференции – 5 февраля. Основные положения советского плана были изложены заместителем наркома иностранных дел И. М. Майским. Репарационные платежи, согласно этому плану, должны были изыматься с Германии в течение 10 лет, причем не деньгами, а натурой. Натуральные платежи должны были осуществляться в двух формах: единовременные изъятия и ежегодные товарные поставки. Планировалось демонтировать 80 % оборудования тяжелой промышленности и 100 % авиастроения, производства синтетического топлива, военных предприятий. СССР намеревался получить в рамках этой программы не менее 10 млрд долларов [6, с. 70–71].

Как отмечается в российской историографии, «Главы британской и американской делегаций с противоречивыми чувствами выслушали сообщение И. Майского. С одной стороны, они, безусловно, признавали право любой страны на возмещение ущерба, который им принесла агрессия Германии, но с другой – им показались нереалистичными и даже вредными принципы, положенные в основу советского репарационного плана» [7, с. 475].

Противостояние развернулось вокруг общей суммы репараций. Решительным противником обозначения такой суммы был У. Черчилль. Согласованный протокол удалось подписать только в последний день конференции 11 февраля. В нем отмечалось, что для выработки подробного репарационного плана в Москве будет образована межсоюзническая комиссия по репарациям. Что же касается определения общей суммы репараций, а также ее распределения между пострадавшими в войне странами, советская и американская делегации согласились, что «Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства о том, что общая сумма репараций… должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50 % этой суммы идёт Советскому Союзу». Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях московской комиссией не могут быть названы никакие их цифры.

Вышеприведенное советско-американское предложение было передано московской комиссии по репарациям в качестве одного из подлежащих для рассмотрения [6, с. 215].

Московская комиссия провела 37 заседаний, но все они оказались безрезультатными. Солидарной политики по репарационному вопросу союзникам выработать не удалось. Не была согласована ни общая сумма репараций с Германии, ни ее доля, причитающаяся СССР [7, с. 624]. В протоколе Потсдамской конференции союзных держав было зафиксировано, что репарационные претензии СССР будут удовлетворены изъятиями из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей. В дополнение к этому Советскому Союзу причиталось 15 процентов оборудования, которое не являлось необходимым для германского мирного хозяйства и изымалось в западных зонах оккупации в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии и сырье, а 10 процентов в счет репараций без оплаты или возмещения.

Советское правительство отказывалось от всех претензий на золото, захваченное союзными войсками в Германии, и на акции германских предприятий и германские активы во всех странах кроме Восточной зоны оккупации Германии, Восточной Австрии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии. СССР также должен был удовлетворить из своей доли репараций репарационные претензии Польши [8, с. 434–436].

Германский вопрос занял главное место в работе Потсдамской конференции. Главами союзных держав был рассмотрен широкий круг проблем, вытекавших из факта разгрома и капитуляции гитлеровской Германии и завершения войны в Европе. Послевоенное будущее Германии определялось согласованной позицией союзников, изложенной в документе «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период», который был подписан 1 августа 1945 г. И. Сталиным, Г. Труменом и К. Р. Эттли [9, с. 430–445].

Эти принципы предусматривали проведение широких мероприятий по демилитаризации, демократизации и денацификации Германии. С этой целью должно быть осуществлено полное разоружение Германии и ликвидация всей военной промышленности, ликвидация национал-социалистической партии, ее учреждений и организаций, наказание военных преступников, реконструкция политической жизни в стране на демократической основе.

Что же касается экономических принципов, то в принятом конференцией документе было сказано, что «Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое». Вместе с тем «германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений» [Там же, с. 430–434].

Реализация всех этих задач должна было, как значилось в документах Крымской конференции, способствовать созданию «гарантий в том, что

Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира» [5, с. 247–248]. Оно возлагалось на создаваемый по решению Потсдамской конференции коалиционный орган союзников – Контрольный совет, куда входили Главнокомандующие вооруженных сил союзных держав, осуществлявшие в соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии верховную власть каждый в своей зоне оккупации, по инструкциям своих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом [9, с. 450]. Контрольный совет работал с 30 августа 1945 г. по март 1948 г., когда по инициативе советской стороны он прекратил свою деятельность [10, с. 9].

В целом, характеризуя подходы союзных держав по управлению Германией в период ее оккупации, т.е. в 1945–1949 гг., можно отметить, что несмотря на то, что еще в ходе войны было достигнуто согласие о единстве принципов политики в решении германского вопроса, на практике она корректировалась в соответствии с изменениями международной обстановки и, в частности, характера отношений между бывшими союзниками по войне с Германией и взглядов на роль и место Германии в мире.

Что же касается Советского Союза, то в российской историографии отмечено, что «Накануне разгрома фашизма Сталин сформулировал лишь некоторые принципиальные, но разрозненные положения о путях решения германского вопроса после войны. Возможно, это было сделано сознательно, ибо советское руководство не было заинтересовано в оформлении и преждевременном обнародовании цельной концепции, так как некоторые её аспекты могли вызвать неприятие со стороны мировой общественности и создать угрозу единству антигитлеровской коалиции» [Там же, с. 6–7].

Вспоминая о разговоре с писателем Ф. Чуевым события тридцатилетней давности, В. М. Молотов говорил в ноябре 1974 г.: «Они [союзники] конечно против нас ожесточились, а нам надо было закрепить то, что завоёвано. Из части Германии сделать свою, социалистическую Германию… надо было везде наводить порядок. Прижимать капиталистические порядки. Вот “холодная война”» [11, с. 86].

В конечном итоге, задекларированные в решениях Потсдамской конференции намерения союзников проводить согласованную политику в германском вопросе и сохранить единство Германии не привели к успеху и на ее территории в 1949 г. возникли два германских государства – ФРГ и ГДР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны : док. и материалы. – М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. – Т. 1 : 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. – 803 с.
2. СССР и германский вопрос, 1941–1949 : док. из Архива внешней политики Российской Федерации : в 4 т. – М. : Междунар. отношения, 1996. – Т. 1 : 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. – 784 с.

3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1 : Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. – 472 с.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 1 : Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). – 384 с.
5. *Филитов, А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 / А. М. Филитов. – М. : Наука, 2009. – 333 с.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 4 : Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). – 302 с.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2014. – Т. 8 : Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – 864 с.
8. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны : док. и материалы. – М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1947. – Т. 36 : 1 января – 3 сентября 1945 г. – 791 с.
9. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.). – 511 с.
10. *Семиряга, М. И.* Как мы управляли Германией / М. И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 1995. – 400 с.
11. *Чуев, Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева / Ф. Чуев. – М. : ТЕРРА, 1991. – 623 с.

Л. С. Скрябина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 гг. (по материалам Добрушского района)

Несмотря на определенные успехи исследования различных аспектов немецкого оккупационного режима, изучение повседневной жизни населения во время оккупации остается одной из важных задач белорусской исторической науки. Научный интерес к этой проблеме обусловлен тем, что на протяжении долгого времени существовал запрет на исследование общественного, социально-экономического, культурного положения Беларуси в период оккупации. В ограниченных рамках статьи невозможно осветить все направления повседневной истории. Поэтому обратим внимание только на некоторые ее аспекты.

19 августа 1941 г. немецкие войска ворвались в Добруш, а 23 августа вся территория современной Добрушчины оказалась в руках врага. Согласно административно-территориальному делению Беларуси Добрушский район входил в область тыла группы армий «Центр». Непосредственно после того, как немцы заняли Добруш, было введено военное управление. Вся власть принадлежала командованию 221-й охранной дивизии. Для поддержания порядка были созданы органы местной администрации – городская управа, бургомистром которой являлся Гаврилов; районная управа и 10 волостных управ. Начальником Добрушского района был В. Желдаков.

С первых дней оккупации новая власть установила строгий режим жизни в городе и сельской местности. Все население в возрасте от 16 лет должно было иметь свидетельство личности установленного образца за подписями и печатью управы и немецкой комендатуры. Без такого свидетельства все задержанные на дороге, в лесу, на поле считались партизанами и расстреливались на месте [1, л. 137].

В Добруше действовал строгий паспортный режим, согласно которому проводились проверки прописки граждан, велся строгий учет лиц, которые прибывали на место жительства, ограничивалось время нахождения на улице, выезд и въезд в город. В соответствии с комендантским часом появление гражданского населения на улицах запрещалось под страхом расстрела с 7 часов вечера до 5 часов утра – в городе и с 7 до 4 – в сельской местности [2, л. 160]. В это время нельзя было даже посещать соседей: каждый житель должен был находиться у себя дома. При нарушении установленного режима граждане задерживались полицейскими и направлялись в Гомельскую комендатуру для принятия соответствующих мер [3, л. 50].

Одним из первых шагов оккупационных властей по установлению контроля над населением являлась обязательная регистрация всех жителей старше 16 лет. Об этом они уведомлялись специальными извещениями, где определялось время и место регистрации, а также оговаривались размеры штрафа и другие санкции для нарушителей. Несмотря на неоднократные распоряжения немецких органов управления об обязательной регистрации всего населения, довольно часто наблюдались случаи, когда отдельные граждане жили в населенных пунктах без регистрации и соответствующих документов, самовольно переезжали из одной местности в другую. Свидетельством тому является приказ Добрушской городской управы от 11 июня 1942 г., в котором отмечалось, что «некоторые граждане до сих пор не зарегистрировались в паспортном отделе, а также наблюдаются случаи, когда отдельные граждане переезжают на другое место жительства, не ставя в известность об этом паспортный отдел». Этот приказ обязывал незарегистрированных граждан срочно зарегистрироваться, а домовладельцев – в течение одного дня сообщить в паспортный отдел о всех прибывших или выбывших в другую местность жильцах. За нарушение данного распоряжения предусматривался штраф от 100 до 300 рублей [Там же, л. 41].

Уклонение от регистрации рассматривалось как желание избежать обязательной трудовой повинности, которая вводилась по распоряжению

рейхсминистра оккупированных восточных областей А. Розенберга от 5 августа 1941 г. для местного населения в возрасте от 18 до 45 лет, в том числе женщин. В распоряжении подчеркивалось, что рейхскомиссары «могут для определенных групп населения расширить или ограничить обязанности к труду» [5]. На практике, как свидетельствует распоряжение Добрушской городской управы, возрастные рамки трудовой повинности корректировались и расширялись от 16 до 60 лет, за исключением домохозяек и матерей, имеющих грудных детей. Все граждане в возрасте от 16 до 60 лет должны были ежедневно к 7 часам утра являться в отдел кадров для отправления на работу [3, л. 27]. Согласно архивным данным на 01.06.1942 г. в Добруше насчитывалось 5 250 трудоспособных мужчин и женщин в возрасте от 16 до 60 лет, в сельской местности 10 820 человек, что составляло 51,3 % и 60 % от общего количества местного населения [4, л. 21].

Невозможно не согласиться с мнением известного белорусского исследователя А. М. Литвина о том, что «поставленное в зависимость от голода (только работающие получали продовольственные карточки) и угроз население вынуждено работать на предприятиях, которые имели, главным образом, военное значение, в строительстве, ремонте и расчистке шоссейных и железнодорожных путей, аэродромов, добыче торфа, вырубке и вывозе леса, при проведении сельскохозяйственных работ и т.д.» [6, с. 87].

Стремясь максимально использовать экономические возможности захваченной территории, немецкие власти с первых дней оккупации Добрушского района предприняли меры по возобновлению деятельности промышленных предприятий. Активно эксплуатировались торфяные ресурсы района: был пущен торфозавод, на котором работали военнопленные, а также местные рабочие (Добрушского, Светиловичского и Ветковского районов). Торф добывали машинной выработкой, отправляли на станцию по построенной узкоколейке, грузили в вагоны и увозили в направлении Гомеля. Нормы выработки были невыносимо высоки. Оплата за норму составляла 10 рублей [7, с. 253]. Значительное место в реализации нацистской экономической политики отводилось производству строительных материалов. В период оккупации немцам удалось возобновить работу Добрушского кирпичного завода.

На бывшей бумажной фабрике «Герой труда» было налажено производство мыла и гвоздей. Работал лесопильный завод, где была установлена динамо-машина для выработки и подачи света в учреждения оккупантов. Кроме того, возобновили работу кожевенный, мыловаренный заводы, хлебопекарня, маслозавод, контора по заготовке скота, сена, заготовительно-сбытовая контора [3, л. 12; 7, с. 253].

Оккупационные власти, используя местное население в качестве рабочей силы, сталкивались со следующими проблемами. Так, в приказе Добрушской городской управы от 13.03.1942 г. говорится о том, что «несмотря на неоднократные предупреждения трудоспособных граждан г. Добруша об обязательной ежедневной явке к 7 час. 30 мин. утра к городскому управлению для назначения на работу, однако до настоящего

времени исключительное большинство жителей проявляют полнейший саботаж» [3, л. 10]. Для более полной картины приведем сведения из приказа по Добрушскому кирпичному заводу от 27.04.1942 г.: «Имеются случаи совершения прогулов и самовольных отлучек с рабочего места неизвестно куда» [8, л. 172]. Тех, кто пытался избежать выполнения трудовой обязанности, не являлся на работу, ожидало наказание: штрафы, лишение продуктовых карточек. Нацистское руководство неукоснительно придерживалось провозглашенного хозяйственным штабом «Ост» лозунга «Хлеб только за работу». Согласно этой доктрине обеспечивать продовольствием предполагалось только тех, кто работает на германскую империю. Это совершенно точно констатировалось в приказе Добрушской городской управы от 07.05.1942 г.: «Выдавать хлеб только тем трудоспособным гражданам, кто действительно будет занят на работах. Не занятым на работе установленную норму хлеба не выдавать». А согласно распоряжению того же учреждения от 17.05.1942 г. рабочие, не явившиеся на работу первый раз, лишались хлебного пайка вместе с иждивенцами сроком на 5 дней, за вторичную неявку – на целый месяц [3, л. 27, 29]. Вот еще пример применения штрафных санкций. Только в октябре 1941 г. было оштрафовано 12 человек по Добрушу (по 30 руб./чел.) за невыход на работу по ремонту дорог [1, л. 38].

Трудности продовольственного обеспечения заставили оккупационные власти ввести карточную систему для граждан, привлеченных на работу на промышленные и другие предприятия, а также разовые работы. Карточная система обеспечения продуктами питания была важным инструментом по привлечению населения к работе и контроля за ее качеством. Нормы продуктов питания устанавливались немецкими властными структурами. Так, дневная норма хлеба на одного рабочего и служащего составляла 300 г. По более низким нормам обеспечивались иждивенцы (до 14 лет) – 200 г [3, л. 16]. Как видим, карточки выдавались только на хлеб. Этого не хватало, чтобы выжить, не говоря про то, что необходимо было непосильно трудиться. Несмотря на то, что работа оплачивалась также деньгами, их было недостаточно, чтобы приобрести дополнительные продукты питания. Так, заработная плата рабочих Добрушского кирпичного завода составляла 300–420 руб. в месяц. Управляющий заводом получал 800 руб. в месяц по состоянию на 01.01.1942 г. и 1 200 руб. соответственно на 01.01.1943 г. [9, л. 1; 10, л. 6]. В то же время только 1 пуд муки стоил на черном рынке 1 400 руб. [7, с. 253]. Очевидно, что соотношение цен на продукты питания и заработной платы было не в пользу последней.

Чтобы выжить и достать продукты питания, горожане продавали все, что можно было продать. Они вынуждены были отправляться в близлежащие деревни и там обменивать вещи на хлеб. Самыми ходовыми платежными средствами являлись табак, мыло и соль. Обменять на продукты питания можно было также ткани, одежду, обувь. Ежедневные мысли о куске хлеба озлобляли горожан и вызывали нежелание работать.

На территории оккупированной Добрушчины была создана «система поборов» с местного населения. Так, согласно архивным данным за разре-

шение на право ловли рыбы удочкой нужно было заплатить 10 руб., сетями – 50 руб. Граждане, не имеющие такого разрешения, подвергались штрафу в размере 100 руб. Владельцы собак должны были в трехдневный срок зарегистрировать их и получить разрешение стоимостью 20 руб. на право их содержания. Сбор за разрешение на право торговли и промыслов составлял 22,50 руб. [1, л. 28, 31, 35].

Взимался также разовый сбор с торговли: с воза – 5 руб., с одной головы крупного рогатого скота – 10 руб.; с мелкого рогатого скота – 5 руб. Все граждане, которые владели велосипедами, должны были уплатить 8 руб. Регистрация брака оплачивалась в размере 25 руб., новорожденных – 10 руб., смерти – 5 руб., разводов – 5 руб. [3, л. 94].

Была восстановлена система налогообложения. Одним из обязательных налогов являлся подоходный налог, введенный еще в октябре 1941 г., в размере 10 % от дохода. От уплаты освобождались жители Добруша, доходы которых не превышали 150 руб. в месяц, а с 1 июля 1943 г. – 200 руб. [11]. С населения в возрасте от 13 до 65 лет взимался подушный налог в размере 100 руб. в год. От уплаты названного налога освобождались лица, имеющие заработок менее 200 руб. в месяц, а также учащиеся, лица физически нетрудоспособные, или нуждающиеся в опеке, полицейские. Лица, уклоняющиеся от уплаты подушного налога, наказывались повышением такового на 10 % [12, с. 236]. Кроме того, крестьяне, которые вели хозяйство на земле, обязаны были платить сельхозналог в размере 40–50 руб. с каждого крестьянского двора. При установлении размеров данного налога обращалось внимание на личные обстоятельства плательщика: количество работающих членов семьи, количество детей, скота. Маломощные хозяйства и погорельцы не подлежали обложению этим налогом. Лица, которые не облагались сельхозналогом, платили в год за 1 корову – 6 руб., козу – 2,50 руб., лошадь – 29 руб. [1, л. 94].

Владельцы земельных участков в городской черте обязаны были выплачивать земельную ренту в размере 20 коп. с застроенных участков, а с незастроенных – 5 коп. за 1 м² [12, с. 235].

Обязательным являлся налог со строений, который должны были платить все лица, обладающие в городе строением по праву владения, либо по праву собственности. Налог со строений взимался в размере 1,1 % от его стоимости. Постройки сельскохозяйственного назначения, к которым относились и дома крестьян, а также здания общественного назначения, этим налогом не облагались [Там же, с. 235].

Выполняя распоряжение полевой комендатуры № 551 от 13.01.1942 г., местные органы ввели налог на собак: за первую – 200 руб., вторую и каждую следующую – 300 руб. в год, налог на сторожевых собак снижался наполовину. Владельцы собак, которые не уплатили налог, должны были убить их, а шкуру сдать на кожевенный склад [Там же, с. 236].

Жители Добруша и сельской местности стремились по самым различным причинам уклониться от уплаты многочисленных налогов и сборов. В архивных материалах много таких фактов. Например, в список граждан

Добруша, не заплативших своевременно налог со строений и земельную ренту (а это 31 327 руб. за 1942 г.), включено более 100 человек, а в список по неуплаченному налогу на собак – 64 человека (2 804 руб.) [12, с. 237].

Важной задачей, которая стояла перед командованием и хозяйственными структурами, являлось продовольственное обеспечение немецкой армии и оккупационной администрации, гражданского населения нацистской Германии за счет оккупированных областей. Реализация поставленных задач осуществлялась путем принудительных реквизиций, а также натуральных налогов. Главное внимание при этом обращалось на поставки мяса, сала, молока, зерновых и технических культур.

О степени эксплуатации белорусской деревни свидетельствуют твердые нормы сдачи зерна, мяса, молока, жиров и т.п. Так, согласно архивным данным жители д. Веселовка Поповской волости должны были с 12.01.1942 по 12.03.1942 г. сдать 96 голов крупного и мелкого рогатого скота в счет выполнения плана мясопоставок за первый квартал 1942 г. Всего же Поповской волости надо было сдать 1 121 корову за 1942 г. [13, л. 133–135, 171].

В то же время категорически запрещался убой скота гражданами для личных нужд. На это указывают архивные документы, в одном из которых говорилось: «Имеются случаи убоя продуктивного скота (коров) и молодняка. Данное явление окончательно запретить!!! К нарушителям применять административные меры в виде штрафа» [14, л. 6]. Свидетельством тому является приказ Переростовской волостной управы от 26.10.1942 г.: «За умышленный убой скота и скрытую продажу, дабы избежать мясопоставок Шкарубо П. и Шкарубо У. подвергнуть штрафу в размере 500 руб.» [15, л. 6].

С каждого хозяйства бралось 80 яиц в год. Нормы обязательных поставок молока колебались в границах 100–350 л при средней жирности 3,0 %. Тех граждан, которые сдавали молоко более низкой жирности, ждали санкции вплоть до конфискации коров. Для иллюстрации приведем выдержку из приказа Добрушской городской управы от 26.05.1942 г. «При проверке сдаваемого молока на маслозавод граждане г. Добруша Агеев З., Чабурко П., Шараев Е., Чернопяткин З., Кудрявцев А.. Алексина А., Юдицкий Н., Прищепов И., Винников Г. умышленно добавляли воду в молоко, от чего жирность молока составила 0,4–1,2 %, в то время, когда средний процент жирности должен быть 3 %… Начальнику городской полиции гр-ну Клименкову изъять у перечисленных лиц коров, которых доставить в столовую» [3, л. 35].

Введенные оккупантами денежные и натуральные налоги взыскивались в полном объеме. Однако для многих городских и сельских жителей выполнение твердых норм сдачи сельскохозяйственной продукции и других налогов являлось непосильным, поэтому жители обращались к местным властям с просьбами освободить их от уплаты тех или иных налогов. Архивные материалы содержат множество таких заявлений. Для иллюстрирования приведем заявление жителя Добруша Г. Абозного, направленное в городскую управу: «Прошу снять с меня продналог на молоко, т.к. семья у меня состоит из 9 душ: семеро детей, из них пятеро малолетних. И к тому корова дает мало молока» [16, л. 11]. Такие заявления тщательно проверялись.

В отдельных случаях, включая выше названный, решение принималось в пользу заявителя. Более 50 жителей Добруша были освобождены от уплаты подушного налога за 1942 г. по таким причинам, как болезнь, статус беженца, погорельца или по бедности [12, с. 238].

Архивные материалы содержат много сведений по наложению штрафов. Жители Добрушского района подвергались штрафам по различным причинам. Так, только в январе 1942 г. за несдачу молока оштрафовано 4 человека на 50 руб. каждый, за сдачу недоброкачественного молока – 2 чел. на 100 руб., за хищение леса – 2 чел на 250 руб., за ночное хождение без пропуска – 3 чел. на 25 руб., в феврале за невыезд на работу – 25 коневладельцев на 100 руб., в марте за лесонарушение – 25 чел. на сумму 3 071 руб., а в мае за такое же нарушение – 12 чел. на сумму 4 972,75 руб. [17, л. 43, 47, 88, 140].

Таким образом, даже краткий фрагментарный анализ некоторых аспектов жизни населения на примере Добрушского района дает возможность осознать сущность истории повседневности, выживания людей в экстремальной ситуации военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив гомельской области (ГАГО). – Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАГО. – Ф. 1316. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАГО. – Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАГО. – Ф. 1318. Оп. 1. Д. 5.
5. *Новікаў, С.* Колькасныя маштабы прыцягнення беларускага насельніцтва нямецкай ваеннай адміністрацыяй да прымусовай працы на тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) / С. Новікаў // Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларуских грамадзян на акупаванай тэрыторыи Беларуси (1941–1944 гг.) : зб. навук. арт. – Мінск, 2010. – С. 83–134.
6. *Літвін, А.* Прымусовая праца беларускіх грамадзян у святле навуковых фактаў і асабістых успамінаў сведак / А. Літвін // Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларуских грамадзян на акупаванай тэрыторыи Беларуси (1941–1944 гг.) : зб. навук. арт. – Мінск, 2010. – С. 47–80.
7. Памяць: Добрушскі раён. Гіст. дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. – Мінск : Мастац. літ., 1999. – Кн. 1. – 358 с.
8. ГАГО. – Ф. 1321. Оп. 1. Д. 267.
9. ГАГО. – Ф. 1321. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАГО. – Ф. 1321. Оп. 1. Д. 240.
11. Новый путь. – 1943. – 18 сент.
12. *Скрябина, Л. С.* К вопросу о налогообложении на оккупированной территории Гомельщины в годы Великой Отечественной войны (1941–1944) / Л. С. Скрябина // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф. : у 2 т. – Мінск, 2013. – Вып. 11, т. 1. – С. 233–238.
13. ГАГО. – Ф. 1323. Оп. 1. Д 1.
14. ГАГО. – Ф. 1316. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАГО. – Ф. 1319. Оп. 1. Д. 23.
16. ГАГО. – Ф. 1319. Оп. 1. Д. 8.
17. ГАГО. – Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7.

А. С. Хадасевич

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Уже в первые дни войны широко развернувшееся наступление германских войск поставило задачу организации эвакуации из прифронтовых районов СССР, в том числе и Беларуси, в разряд самых неотложных. Угроза захвата обширных территорий диктовала необходимость в кратчайшие сроки приступить к перебазированию на восток населения, промышленных предприятий, учреждений образования и материальных ресурсов. Требовалось спасти данный потенциал от захвата и эксплуатации противником и использовать его в интересах оборонных усилий.

Белорусский государственный университет (БГУ), как и другие вузы столицы, эвакуироваться не успел. Выехали в тыл только 620 человек, в Минске остались около 780 человек (преподавателей, студентов и работников университета). В руках немцев оказалась вся университетская материальная база. Университетский городок немцы заняли 29 июня. В его зданиях по ул. Советской разместились части германской службы СД, подвалы приспособили под тюрьму, во дворе установили виселицу. Здание физико-математического корпуса БГУ заняла железнодорожная связь. В биологическом корпусе вначале находился армейский штаб, затем – комиссариат города и области [5].

Оставшееся в университете учебное и научное оборудование, а также мебель, документы и прочее имущество было уничтожено. Было разрушено и разграблено 36 лабораторий, зоологический, геолого-минералогический, историко-археологический музеи, гербарий, оранжерея и т.п. В Германию были вывезены библиотека БГУ, аппаратура и оборудование лабораторий [1, с. 174].

После ухода из Минска летом 1941 г. военных частей в университете царил полный разгром. В июле 1941 г. из оставшихся в столице университетских работников была создана группа по охране имущества и ценностей университета. Однако спасти удалось немногое. С приходом оккупационных властей остатки университетского оборудования были собраны в химическом корпусе. Весной 1942 г. корпус приспособили под немецкий госпиталь, в результате мебель оказалась уничтоженной, а оборудование, химикаты, часть пособий географического факультета, уцелевшие после разграбления библиотеки книги сотрудники университета увезли в подвал БГПИ, оттуда – в дом по ул. Витебской.

Бюро ЦК КП(б)Б 2 июня 1942 г. обсудило вопрос о восстановлении БГУ в составе трех факультетов – филологического, исторического и географического. Несколько месяцев велась предварительная подготовка, а в январе 1943 г. СНК БССР и ВКВШ возбудили ходатайство перед СНК СССР о возобновлении работы БГУ в тылу страны и о выделении на это соответствующих средств: «Учитывая огромную потребность в высококвалифициро-

ванных специалистах для восстановления народного хозяйства и культуры БССР, разоренных и поруганных фашистскими варварами, – указывалось в письме, адресованном Совнаркому СССР, – есть необходимость уже сейчас, во время войны, восстановить Белорусский государственный университет – единственный в БССР – и сконцентрировать вокруг него хотя бы основную группу научных работников университета и других вузов Белоруссии. Это поможет сохранить основные прежние кадры и подготовить новые, а в дальнейшем легче восстановить вузовскую сеть БССР и этим самым подготовить почву для дальнейшего развития национальной культуры и науки» [2, с. 121].

Постановление СНК СССР по этому вопросу было опубликовано 15 мая 1943 г., а занятия начались в октябре [3]. Некоторые факультеты и курсы БГУ разместились в зданиях Московского государственного университета (МГУ). Главный учебный корпус расположился в помещении средней школы на станции «Сходня» Октябрьской железной дороги. Преподаватели и студенты поселились в 40 дачных домиках на этой же станции. Государственный педагогический институт, Московский городской педагогический институт и другие вузы РСФСР выделили для Белорусского университета лабораторное оборудование, учебники и учебные пособия. Только МГУ выделил 18 тыс. томов различной литературы [1, с. 156]. К концу первого семестра БГУ насчитывал в своем составе 289 студентов, из них 40 % – белорусы, 25,5 % – русские, 34,5 % – представители других национальностей [4, л. 63]. В числе студентов были преимущественно девушки.

БГУ проделал огромную работу по укомплектованию профессорско-преподавательского штата. На 1 марта 1944 г. на 35 кафедрах работали 65 человек, в их числе 22 профессора, 27 доцентов, 19 старших преподавателей и ассистентов. Это были научно-педагогические кадры прежнего состава БГУ и других вузов БССР. Неукомплектованность составляла 23 человека [5, с. 100]. Постепенно в БССР начали возвращаться студенты и преподаватели вузов республики. В конце июля 1944 г. в Минск выехала группа студентов и преподавателей БГУ (75 человек) для восстановления и подготовки университетских зданий к учебному году. Вторая группа студентов (26 человек) отправилась в столицу БССР 11 августа. Перед прибывшими предстала страшная картина – город был разрушен, отсутствовали свет и вода. Уцелевшие заборы и стены украшали надписи «Восстановим тебя, родной Минск!». Не менее тяжкое впечатление производил и университетский городок. От главного корпуса остались одни стены, на некоторых из них было написано «Заминировано» [6, с. 60–61].

Масштабы разрушений зданий БГУ были чудовищными. До войны университет размещался в четырех учебных корпусах, которые не пострадали от первой бомбардировки в 1941 г. При университете работали три богатых музея, огромная библиотека. Университет имел семь общежитий [7, с. 184]. Уже в августе студенты увидели разрушенные до основания учебные корпуса, общежития и жилые дома. Научное и учебное оборудование, библиотека, архив, музейные фонды были вывезены либо уничтожены.

Из зданий университета уцелел только один малый корпус – физико-математический (находился в полуразрушенном состоянии), а также три общежития. Материально-хозяйственная база университета была чрезвычайно слаба. Прежде всего недоставало учебной площади. Мебель и оборудование к началу занятий отсутствовали.

Учебная база университетов была чрезвычайно бедна: в библиотеках было очень мало литературы. Например, библиотека БГУ насчитывали всего 37 тысяч книг [8, с. 90], причем значительную часть их составляли брошюры периодического характера. Особенно не хватало учебников по ряду филологических дисциплин. В основном преобладала литература по математике, физике, химии и ботанике, полученная во время пребывания университета на станции «Сходня» из библиотечного фонда Народного комиссариата просвещения РСФСР. При библиотеках организовывались читальни, обслуживающие студентов.

Начало учебного года в БГУ намечалось на 15 октября, но в этот день к занятиям приступили только первокурсники. С опозданием, 22 октября, прибыл эшелон со станции «Сходня», в котором ехали преподаватели, студенты, находилось учебное и научное оборудование. Для вновь прибывших учебный год начался в первых числах ноября. Приехавшие преподаватели вместе с семьями разместились в доме по ул. Клары Цеткин. С возобновлением занятий в БГУ был создан новый факультет – факультет журналистики с пятилетним сроком обучения (вместо КИЖ с трехлетним сроком обучением) [9]. Создание факультета журналистики было обусловлено рядом причин: во-первых, кадрам газетных работников был нанесен значительный ущерб в годы войны; во-вторых, на работников печати возлагались обязанности агитаторов, пропагандистов. Журналисты должны были доносить до народа те установки, которые ставила партия, особенно важно это стало в послевоенные годы, когда шла активная борьба с любым инакомыслием.

Администрация университета разместилась в двухэтажном «красном» корпусе физико-математического факультета, разрушенном частично (современное здание ректората). Студенты приступили к восстановлению этого здания, а также общежития на ул. Немига, дома по ул. Витебской (здесь были откопаны ящики с посудой, приборами, спрятанные в годы войны преподавателями). В течение двух месяцев студенты смастерили лавки для аудиторий и стеллажи для библиотеки [1, с. 184].

В истории БГУ 1944/1945 учебный год стал самым трудным. Сказывался недостаток высококвалифицированных кадров: учебный процесс обеспечивали только 20 профессоров и 40 доцентов. На филологическом, географическом, физико-математическом факультетах не было ни одного штатного профессора или доктора наук. По состоянию на 1 марта 1945 г. профессорско-преподавательский состав состоял из 23 профессоров, 39 доцентов, 19 старших преподавателей, 12 ассистентов и 10 преподавателей. Почти 30 % преподавательского штата составляли совместители. Всего из 103 человек 12 имели ученую степень доктора наук и 35 – кандидата наук.

Профессорско-преподавательский состав БГУ
в конце 1944/1945 учебного года [1, с. 184]

Ученое звание	Кол-во сотрудников	Из них совместителей
Профессор	23	6
Доцент	39	20
Старший преподаватель	19	4
Ассистент	12	0
Преподаватель	10	0
Всего	103	30

По-прежнему ощущалась острая нехватка учебных площадей. Химический, физико-математический факультеты, администрация, ректорат, хозяйственная часть, читальный зал, библиотека расположились в восстановленном двухэтажном корпусе на территории университетского городка. Каждая кафедра занимала по одной комнате, где преподаватели читали лекции, вели лабораторные занятия. Занятия на филологическом и историческом факультетах проходили в школе № 2 (ул. Энгельса). Студенты географического и биологического факультетов занимались в здании техникума по ул. Витебской. Не хватало не только помещений, но и мебели, не работало отопление, не было освещения.

Иногородние студенты нуждались в жилье. Отведенные под общежития два дома по ул. Немига вмещали не более 180 человек. Часть студентов поселили в бараках на территории университетского городка. Проживали молодые люди скученно, в комнатах практически не было мебели, кроме кроватей. Свет и отопление отсутствовали. Зимой студенты готовились к занятиям в кроватях под одеялами, для освещения использовали самодельные светильники на керосине. Ночами их донимали крысы, которых приходилось отпугивать палками. Очень медленно решался жилищный вопрос, так как основные силы были брошены на строительство заводов, промышленных структур.

24 февраля 1945 г. ректор БГУ П. П. Савицкий представил в отдел школ ЦК КП(б)Б паспорт университета. Паспорт содержал краткую историю университета, информацию о кадрах, научно-исследовательских работах и хозяйственном устройстве.

В данном паспорте П. П. Савицкий дал характеристику первого ректора БГУ В. И. Пичеты, в которой определил В. И. Пичету как «крупнейшего слависта и видного историка, основателя научной школы Беларуси». Однако это не совпадало с установками партийных органов республики. Паспорт университета был детально рассмотрен, позиция ректора была осуждена. Он был обвинен в фальсификации фактов. В докладной записке «О работе ректора БГУ П. П. Савицкого» сообщалось, что «в основу расчетов он [П. П. Савицкий] берет уменьшенные цифры государственного плана, а цифры выполнения плана произвольно увеличивает и затем устанавливает процент выполнения учебного плана» [10, л. 168]. В декабре 1946 г. ректором БГУ был назначен Владимир Антонович Томашевич.

На 1 марта 1945 г. во всех педагогических вузах БССР и БГУ обучалось 3 043 студента, в числе которых 2 217 (72,8 %) составляли белорусы. По отдельным вузам количество белорусов было распределено следующим образом: БГУ – 413 белоруса из 750 студентов; Минский педагогический и учительский институты – 480 из 595. Война внесла изменения и в состав студентов по половой принадлежности: большинство студентов в БГУ и во всех педагогических вузах республики были женщины – 93,8 %.

Уже в 1944/1945 учебном году возобновила деятельность аспирантура при БГУ. На конец учебного года во всех вузах БССР обучались 59 аспирантов, все они получали образование с отрывом от производства [11, с. 292]. В дальнейшие годы число аспирантов в республике значительно возросло, однако качество обучения не всегда было на должном уровне.

Студенты БГУ, как и других вузов, обеспечивались продовольственными товарами по нормам, установленным для рабочих промышленности, транспорта и связи. При восстановленных вузах БССР в 1944–1945 годах были созданы ОРСы, подсобные хозяйства. Например, педагогические вузы заняли весной 1945 г. 150 га огородами и злаковыми культурами. Правительство выделяло значительные средства на восстановление материально-производственной базы высшей школы БССР. Только студентам вузов Наркомпроса БССР в 1945 г. были выплачены 11 677 тысяч рублей в качестве стипендий [12, с. 172].

Были приняты меры по восстановлению зданий общежитий и по приобретению мягкого и жесткого хозяйственного инвентаря. Капиталовложения по отдельным вузам в 1944 г. выглядели так: БГУ – 105 тыс. рублей, МГПИ – 70 тыс. рублей, Могилевский педагогический институт – 100 тыс. рублей и т.п. [4, л. 135].

В октябре 1946 г. главный вуз – БГУ, как и еще семь вузов республики, были выведены из структуры Народного комиссариата просвещения БССР и переведены в распоряжение созданного Министерства высшего образования СССР. Это негативно отразилось на их состоянии. Во-первых, финансирование начало поступать из Москвы и белорусское правительство мало влияло на судьбу университетов. Объемы денежных средств были недостаточными, о чем свидетельствовали неоднократные обращения в министерство с просьбами о выделении денежных средств для удовлетворения учебных и научных потребностей [13, л. 24–25]. Во-вторых, после переподчинения Москве значительно усложнилось решение текущих проблем. В-третьих, организация учебного процесса оказалась сориентирована на всю территорию СССР. Начался широкомасштабный процесс восстановления и развития Белорусского государственного университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Университетоведение : учеб.-метод. пособие / О. А. Яновский [и др.] ; под общ. ред. О. А. Яновского. – Минск : БГУ, 2011. – 343 с.
2. *Круглянский, М. Р.* Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны / М. Р. Круглянский. – М. : Высш. шк., 1970. – 314 с.

3. О возобновлении работы Белорусского государственного университета: постановление СНК СССР, 15 мая 1943 г. // НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 3. Д. 1227. Л. 162.
4. *Кованцева, Г. М.* Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии в 1943–1950 годы : дис. … канд. ист. наук / Г. М. Кованцева. – Минск, 1955. – 304 л.
5. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945 / склад.: С. А. Балашэнка [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2005. – 151 с.
6. *Лазерко, Г. А.* Из истории химического факультета БГУ: 1940–1947 гг. / Г. А. Лазерко // Хімія: праблемы выкладання. – 2004. – № 3. – С. 59–63.
7. *Яноўскі, А. А.* Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў, 1921–2001 / А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі. – Мінск : БДУ, 2001. – 317 с.
8. Докладная записка инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунову «О работе Белгосуниверситета в 1 семестре 1944–45 учебного года» // Освобождунная Беларусь : док. и материалы : в 2 кн. – Минск, 2005. – Кн. 2. – С. 88–94.
9. О мероприятиях по возобновлению работы Белорусского государственного университета в г. Минске: постановление СНК БССР, 15 ноября 1944 г., № 793 // НАРБ. – Ф. 205. Оп. 5. Д. 887. Л. 6.
10. Докладная записка заведующего отдела школ ЦК КП(б)Б Т. П. Ломтева секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко «О работе ректора БГУ П. П. Савицкого» // НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 47. Д. 47. Л. 165–168.
11. Народное хозяйство Белорусской ССР : юбилейный статистический ежегодник / Центральное стат. упр. БССР. – Минск : Беларусь, 1978. – 300 с.
12. *Красовский, Н. И.* Высшая школа Советской Белоруссии / Н. И. Красовский. – Минск : Высш. шк., 1972. – 256 с.
13. Из протокола заседания ученого совета БГУ, 31 мая 1946 г. // НАРБ. – Ф. 205. Оп. 5. Д. 75. Л. 16–25.

Н. А. Шиманская

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

Деятельность НКГБ БССР в годы Великой Отечественной войны можно разделить на три этапа. Первый начинается с первых дней войны, когда рядом нормативных правовых документов были определены направления деятельности органов государственной безопасности в условиях военного времени.

Следует заметить, что за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны произошла реформа органов государственной безопасности. 3 февраля 1941 г. Народный комиссариат внутренних дел СССР был разделен на два самостоятельных органа: Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ). Задачи, поставленные перед НКГБ, ограничивались разведкой, контрразведкой, борьбой с антисоветскими и контрреволюционными элементами, а также охраной руководителей партии и правительства. Тем самым Наркомат госбезопасности освобождался от функций, не связанных непосредственно с обеспечением государственной безопасности, что создало более благоприятные условия для его работы [8, с. 24–30].

Подобная реорганизация была проведена и в БССР. 4 марта 1941 г. Указ Президиума Верховного Совета БССР юридически закрепил создание Народного комиссариата государственной безопасности Белорусской ССР [6, с. 128].

Накануне Великой Отечественной войны в состав НКГБ Белорусской ССР входило 10 областных управлений НКГБ (УНКГБ), а также органы госбезопасности на железнодорожном транспорте. Согласно приблизительным подсчетам в штат Наркомата входили 2 278 оперативных сотрудников, 937 сотрудников технического состава, а также 554 негласных сотрудника [16, с. 127].

22 июня 1941 г. в 9 часов 10 минут Народный комиссар госбезопасности СССР В. Н. Меркулов издал Директиву № 127/5809 «О мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией». Документом предписывалось «немедленно привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ – УНКГБ, провести изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента, мобилизовать внимание всей агентурно-осведомительной сети на вскрытие и предупреждение возможных вредительско-диверсионных актов в системе народного хозяйства». Помимо этого, НКГБ – УНКГБ ставились задачи по охране стратегически важных военных и промышленных объектов [9, с. 35].

24 июня 1941 г. Директивой НКГБ СССР № 136 «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» были определены направления деятельности НКГБ СССР. Однако они носили общий характер и не вполне соответствовали оперативной обстановке, предназначению и возможностям органов государственной безопасности. В частности, основные усилия предлагалось сконцентрировать на пресечении антисоветских и контрреволюционных проявлений, сохранении секретных материалов и шифров, сборе информации о настроениях личного состава органов НКГБ и агентурного аппарата, а не о противнике, что было необходимо в складывающейся ситуации [Там же, с. 67–68].

Особое внимание, в случае возможной оккупации части советской территории, обращалось на необходимость ориентации агентурного аппарата на ведение диверсионной работы. Вместе с тем органы госбезопасности,

располагая разветвленной агентурной сетью, имели возможности для решения более широкого спектра задач. Наиболее актуальными из них являлись организация не только диверсионных, но и разведывательных резидентур, а также развертывание партизанского движения в тылу врага [5; 16, с. 130].

Лишь 29 июня 1941 г. была издана Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) № П509 «Партийным и советским организациям прифронтовых областей», а 1 июля 1941 г. Директива НКГБ СССР № 168 «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» и Директива № 2 ЦК КП(б)Б «Партийным, советским и комсомольским организациям по развертыванию партизанской войны в тылу врага», в которых были четко сформулированы мероприятия по нелегальной работе на оккупированной территории. При этом Наркомату госбезопасности ставилась задача создания «партизанских отрядов, боевых групп для активной борьбы с врагом на занятой им территории СССР» [9, с. 136–139]. Таким образом, уже в первые дни войны были определены основные направления работы в условиях оккупации советской территории гитлеровской Германией.

Необходимость создания партизанских отрядов и диверсионных групп, принятия мер по пресечению шпионажа декларировалась в выступлении по радио Председателя ГКО И. В. Сталина [Там же, с. 164]. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск» указывалось на значимую роль органов государственной безопасности в организации партизанских формирований, диверсионных и боевых отрядов [Там же, с. 344].

Важнейшим условием эффективного функционирования партизанских формирований являлось добывание достоверных разведывательных сведений о мероприятиях оккупантов. Еще одним существенным обстоятельством, способствующим повышению качества партизанской борьбы, была необходимость организации контрразведывательных мероприятий.

Задачи разведывательного и контрразведывательного характера, как указывалось выше, были поставлены уже 22 июня 1941 г. в Директиве НКГБ СССР № 127/5809 «О мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией», расширены и конкретизированы в Директиве НКГБ СССР от 1 июля 1941 г. № 168 «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» и в других руководящих документах.

18 июля 1941 г. заседание бюро ЦК КП(б)Б, рассмотрев вопрос «О состоянии разведывательной работы в тылу противника», поставило перед НКГБ и НКВД задачи по активизации разведывательной деятельности на оккупированной территории [Там же, с. 351–352]. В ряде руководящих документов также указывалось на необходимость усиления контрразведывательной работы.

Еще одним существенным направлением деятельности органов госбезопасности, требующим специальной подготовки, была диверсионная

работа. В Директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» указывалось на необходимость создания в тылу противника диверсионных групп для уничтожения коммуникаций противника [9, с. 123]. Организация этой работы Директивой НКГБ СССР № 168 от 1 июля 1941 г. поручалась подразделениям НКГБ – УНКГБ прифронтовой полосы [Там же, с. 136–137].

С целью подготовки квалифицированных кадров разведчиков и диверсантов для организации подрывной и разведывательной работы в тылу противника в июле 1941 г. НКГБ БССР были организованы специальные курсы, которые укомплектовывались работниками неоперативных отделов и милицейским составом. За время работы курсов было произведено два выпуска – в августе и сентябре 1941 г. с общим количеством 378 человек [1, л. 27; 12, с. 7].

Специальными операциями, осуществлявшимися на основании нормативных правовых актов руководства страны, являлись также акты ликвидации представителей оккупационной администрации. Приказом И. В. Сталина «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г. предписывалось «беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей Родины, находящихся на службе у врага» [11, с. 210].

Спецгруппам НКВД – НКГБ ставились задачи «по мере выявления уничтожать изменников Родины, полицейских, агентов гестапо, представителей военной и гражданской администрации немецких оккупантов» [10, с. 559]. Так, Наркомату государственной безопасности Белорусской ССР предписывалось на основных стратегических направлениях продвижения противника и в его тылу создавать партизанские отряды, разведывательные и диверсионные группы, а также с целью своевременного обнаружения шпионов, диверсантов и террористов противника развернуть контрразведывательную работу [1, л. 4–5].

В условиях оккупации значительной части территории республики для оптимизации деятельности НКО, НКВД и НКГБ было принято решение об их реорганизации. 17 июля 1941 г. Постановлением ГКО особые отделы были вновь подчинены Наркомату внутренних дел, их главной задачей определялась «решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной Армии» [9, с. 337–338, 346; 13, с. 22–23].

20 июля 1941 г., в связи с переходом «от мирного времени на военные условия работы», Указом Президиума Верховного Совета СССР было признано целесообразным объединение НКВД и НКГБ в единый Наркомат внутренних дел [9, с. 372–373]. Приказом НКВД БССР от 29 июля 1941 г. областные управления НКВД и НКГБ республики были объединены в УНКВД. Поскольку часть Беларуси к этому времени была уже оккупирована, объединенные управления были созданы только в Гомельской, Могилевской и Полесской областях [16, с. 135].

Таким образом, дальнейшая работа органов госбезопасности на начальном этапе Великой Отечественной войны осуществлялась в условиях ведомственной подчиненности Народному комиссариату внутренних дел. Создание единого наркомата позволило установить более тесную связь между территориальными органами и особыми отделами НКВД, объединить усилия и выработать единую систему организации борьбы с противником.

Второй этап в деятельности ОГБ наступил с 1942 г., в начале которого Красная армия вплотную приблизилась к границе Белорусской ССР. Кроме того, в результате успешного контрнаступления войск Калининского фронта и действий партизанских отрядов, освободивших ряд прифронтовых белорусских районов, образовался 40-километровый разрыв в линии фронта на стыке германских групп армий «Север» и «Центр» между Велижем и Усвятами, так называемые Витебские (Суражские) «ворота», которые просуществовали с 10 февраля по 28 сентября 1942 г.

В связи с изменением обстановки в Ставке Верховного Командования и Генеральном штабе Красной армии началось планирование операции по полному разгрому германской группы армии «Центр». Для этого было необходимо усилить разведывательную и диверсионную работу на оккупированной территории Беларуси. Образование разрыва в линии фронта позволило забросить в германский тыл не только партизанские отряды и спецгруппы, но и оружие, боеприпасы, медикаменты и т.п. [1, л. 119; 16, с. 138].

Для проведения оперативной работы на освобожденной территории и дальнейшего развертывания диверсионно-разведывательных мероприятий на оккупированной территории приказом наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия от 20 января 1942 г. организована Центральная оперативно-чекистская группа (ОЧГ) НКВД по БССР. Основными направлениями ее деятельности определялись дальнейшее расширение масштабов диверсионной и разведывательной работы на оккупированной противником территории, а также организация и проведение контрразведывательных мероприятий в освобожденных районах [1, л. 28].

В отчете о проделанной НКГБ Белорусской ССР диверсионно-боевой и агентурно-оперативной работе в тылу немецко-фашистских оккупантов с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1944 г. указывается, что для выполнения поставленных задач были образованы 5 областных ОЧГ [1, л. 28–29; 14, с. 99; 15, с. 25; 16, с. 138].

Оперативно-чекистским группам удалось буквально за пару месяцев наладить работу и на высоком качественном уровне выполнить поставленные перед ними задачи. Уже 5 апреля 1942 г. в спецсообщении Л. Цанава докладывал Л. Берии об увеличении агентурного аппарата и активизации агентурной работы в восточных районах БССР, а также о мерах по расширению там масштабов партизанского движения. С этой целью велась работа по подготовке и направлению в тыл врага 10 партизанских отрядов по 50 человек каждый. Все отряды обеспечивались радиостанциями. В документе указывалось, что «один из таких отрядов уже послан, два других полностью подготовлены и на днях будут направлены в Витебскую и Могилевскую области» [2, л. 7; 16, с. 139].

После изучения возможностей организации ОЧГ в тылу противника в мае 1942 г. под руководством опытных оперативных сотрудников органов госбезопасности было создано 9 районных оперативно-чекистских групп общей численностью 63 человека, которые были направлены в Витебскую область для решения следующих задач:

а) организация диверсий в тылу противника на основных коммуникациях и базах противника;

б) ликвидация предателей и изменников Родины, представителей немецких оккупационных властей;

в) создание агентурно-осведомительной сети непосредственно в тылу противника для ведения разведывательной работы;

г) разложение националистических организаций и воинских формирований, созданных немцами из местного населения;

д) оказание практической помощи руководству партизанских бригад и отрядов в развитии партизанского движения в тылу врага и ограждение партизанских соединений от проникновения в них вражеской агентуры [1, л. 30–32; 16, с. 140].

За время своей работы Центральной и областными оперативно-чекистскими группами НКВД по БССР в тылу противника было создано 11 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 124 человека. Подготовлено и заброшено на оккупированную территорию 39 разведывательно-диверсионных групп (708 человек). Каждая из этих групп получала район действия, конкретное задание, соответственно экипировалась, вооружалась и обеспечивалась необходимыми материалами и средствами [1, л. 32–33; 16, с. 140].

Перед отправкой на оккупированную гитлеровскими войсками территорию с личным составом спецгрупп проводились проверочные занятия на знание ими стрелкового и подрывного дела, а также тактики поведения в тылу противника. При этом внимание уделялось умению обращаться не только с советским, но и с немецким оружием и боеприпасами, особенностям минирования различных видов дорог (железной, мостовой, асфальтной и т.д.), способам маскировки заминированного участка, проведению диверсий при различных условиях, различными способами. Отрабатывались тактические приемы движения на марше, разведки в пути, выбора места отдыха и его охраны; порядка перехода магистралей с массовым движением транспорта противника, перехода через зону, насыщенную гарнизонами противника; выбора места базирования в районе своих действий; выбора места расположения бойца-подрывника железнодорожного пути во время движения эшелона, удобного пути отхода в случае взрыва боеприпасов эшелона; расположения отряда и его маскировка, распределения функций между бойцами при засаде с целью обстрела и поджога бронебойно-зажигательными патронами движущегося состава; организации засады на автомагистралях с целью поимки «языка», разгрома колон с грузом и т.п.; организации круговой обороны и выхода из кольца в случае окружения группы [3, л. 10–13].

В тылу противника, помимо 9 районных опергрупп, действовало 50 диверсионно-разведывательных групп (всего 895 человек). Ими с января 1942 г. по январь 1943 г. на оккупированной территории Беларуси была развернута широкомасштабная разведывательно-диверсионная и боевая деятельность, которая велась до освобождения от гитлеровских войск.

С созданием в январе 1942 г. ОЧГ НКВД по БССР белорусская спецслужба, по сути, была вновь восстановлена в самостоятельный субъект национальной безопасности. Это был этап, когда органы государственной безопасности Беларуси действовали относительно самостоятельно и в соответствии со своим непосредственным предназначением.

В канун Курской битвы (05.07.1943–23.08.1943) перед чекистскими спецгруппами были поставлены задачи по получению разведданных, характеризующих наличие и расположение сил вермахта, планируемых к переброске с территории Белорусской ССР в район Курска и Белгорода. Также требовалось взять под контроль переброску резервов противника к линии фронта через белорусскую территорию из Германии и государств-сателлитов агрессора [16, с. 145, 147].

Обстановка, складывающаяся на фронте, расширение задач органов государственной безопасности обусловили необходимость реорганизации НКВД. В связи с этим 14 апреля 1943 г. Постановлением ЦК ВКП(б) и соответствующим Указом Президиума Верховного Совета СССР было юридически закреплено решение об образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР на базе выделенных из НКВД «оперативно-чекистских управлений и отделов». Основными задачами НКГБ были определены ведение разведывательной и контрразведывательной работы [12, с. 381–386, 460–461].

В мае 1943 г. на базе ОЧГ НКВД по БССР был образован республиканский Наркомат госбезопасности. Во второй половине 1943 г. была воссоздана система органов госбезопасности на территории Белорусской ССР, в том числе и в оккупированных областях. По указанию ЦК КП(б)Б были организованы областные оперативно-чекистские центры (ОЧЦ) НКГБ БССР, которые возглавили агентурно-оперативную и подрывную работу в тылу противника. Фактически ОЧЦ стали базой организации и развертывания чекисткой работы, они координировали действовавшие спецгруппы, создавали новые и руководили ими. Областные оперативно-чекистские центры координировали также боевые действия, проводимые в тылу противника Наркоматом госбезопасности и Штабом партизанского движения [1, л. 47–48]. Несмотря на то, что формально этот факт создания НКГБ БССР закреплен Указом Президиума Верховного Совета БССР лишь 3 декабря 1943 г., третий этап деятельности органов государственной безопасности Беларуси в годы Великой Отечественной войны начался с создания самостоятельного Наркомата государственной безопасности в мае 1943 г. и длился по июль 1944 г. до момента полного освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских оккупантов [Там же, л. 3].

Таким образом, чекисты с первых дней войны активно включились в борьбу с фашистским агрессором. Основными направлениями деятельности органов государственной безопасности на территории Беларуси с первых дней оккупации были определены: организация партизанского движения, разведывательная и контрразведывательная работа, подготовка и осуществление диверсий на стратегически важных объектах противника, а также операций по ликвидации представителей германских властей.

Несмотря на имевшую место некоторую дезорганизацию в первые месяцы войны, основные направления деятельности, определенные приоритетными в тот период, оставались неизменными на протяжении всей оккупации, что говорит о четкой и продуманной организации работы органов государственной безопасности и использовании их в соответствии с предназначением.

Организационная структура органов государственной безопасности Беларуси, сформированная под влиянием объективных факторов в 1943 г., оставалась оптимальной и после освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, не подвергаясь значительным реформам вплоть до преобразования наркоматов в министерства в 1946 г. Что касается задач, решавшихся ОГБ в годы Великой Отечественной войны и обусловленных спецификой деятельности спецслужбы, то основные из них (разведка и контрразведка) остаются актуальными и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦА КГБ РБ.
2. ЦА КГБ РБ.
3. ЦА КГБ РБ.
4. *Валаханович, И. А.* Оперативно-чекистская группа Народного комиссариата внутренних дел по Белорусской ССР (1942–1943 гг.) / И. А. Валаханович // Тр. БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2004. – Вып. XII. – С. 119–126.
5. *Валаханович, И. А.* Первые белорусские партизаны [Электронный ресурс] / И. А. Валаханович // Военно-промышленный курьер. – 2006. – 21 июня. – Режим доступа: http://vpk-news.ru/articles/3085. – Дата доступа: 07.03.2019.
6. Милиция Беларуси, 1917–2007 : док. и материалы / сост. К. И. Барвинок [и др.] ; под ред. К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневского. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 350 с.
7. На службе Родине : страницы истории / сост. А. И. Матеюн. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2017. – 208 с.
8. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Книга и бизнес, 1995. – Т. 1, кн. 2 : Накануне (1 января – 31 июня 1941 г.). – 398 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Русь, 2000. – Т. 2, кн. 1 : Начало (22 июня – 31 августа 1941 г.). – 718 с.

10. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Русь, 2003. – Т. 3, кн. 1 : Крушение «Блицкрига» (1 января – 3 июня 1942 г.). – 692 с.
11. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Русь, 2003. – Т. 3, кн. 2 : От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.). – 701 с.
12. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. док. : в 8 т. – М. : Русь, 2008. – Т. 4, кн. 1 : Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943 г.). – 796 с.
13. «Смерш». Исторические очерки и архивные документы / В. С. Христофоров [и др.]. – М. : Изд-во Главархива Москвы ; Моск. учебники и Картолитография, 2005. – 343 с.
14. *Шарков, А. В.* НКВД Беларуси в вооруженной борьбе с нацистским агрессором и националистическим подпольем в годы Великой Отечественной войны / А. В. Шарков. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 277 с.
15. *Шарков, А. В.* Органы внутренних дел в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / А. В. Шарков. – Минск : РИВШ, 2009. – 36 с.
16. Щит и меч Отечества : о становлении, развитии, совершенствовании белорусских спецслужб / Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, М-во информации Респ. Беларусь. – Минск : Междунар. центр интеграционной информации, Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – 339 с.

Н. Б. Щавлинский

120-й АВИАПОЛК (БЕЛОРУССКАЯ АВИАГРУППА) ГРАЖДАНСКОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Успешное развитие гражданской авиации Беларуси было прервано вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Практически с первых дней войны в Главное управление Гражданского воздушного флота (ГУГВФ) поступили тысячи писем, телеграмм, заявлений от пилотов, штурманов, бортмехаников, инженеров, техников, командиров подразделений с просьбой направить их в действующую армию.

23 июня 1941 г. Наркомат обороны СССР издал приказ, в соответствии с которым из подразделений Гражданского воздушного флота (ГВФ) были сформированы авиагруппы особого назначения: Северная, Прибалтийская, Киевская, Юго-Западная, Московская, а также Белорусская. Этим же приказом личный состав, зачисленный в особые авиагруппы ГВФ, считался призванным в ряды Красной армии [1, с. 103].

Белорусскую особую авиагруппу с первых дней ее формирования возглавил П. Е. Тимашев. Позже, осенью 1941 г., командиром был назначен И. В. Сулимов, комиссаром – И. А. Чибисов, а начальником политотдела – М. Ф. Синицын.

В августе 1941 г. Белорусская авиагруппа была преобразована в Западную авиагруппу ГВФ особого назначения, оперативно подчинявшуюся командованию ВВС Западного фронта, а с мая 1942 г. и до конца войны 1-й воздушной армии.

В первые месяцы Великой Отечественной войны лётный состав авиагруппы в основном обеспечивал связь штаба фронта со штабами армий, войсковыми частями и соединениями, транспортировал военнослужащих и различные грузы: в пределах Западного фронта эвакуировал тяжелораненых бойцов и командиров в тыловые госпитали, доставлял на фронт консервированную кровь и другие медицинские грузы. С первых дней войны подразделениям авиагруппы приходилось очень часто менять место своего базирования, что также было связано с большим риском.

Например, в тот день, когда был назначен перелёт самолетов к месту формирования Белорусской особой авиагруппы, фашисты обнаружили Минский аэродром и подвергли его ожесточенной бомбардировке. Старший авиатехник Минского авиапредприятия К. Е. Сазонов оперативно организовал рассредоточение самолетов и дополнительную их маскировку, а в минуты относительного затишья они покидали аэродром и брали курс к месту нового базирования в район г. Борисова. В то время, когда пилот В. А. Ярошевич готов был поднять в воздух последний самолёт с авиатехником на борту, неожиданно привезли раненого, которому К. Е. Сазонов уступил свое место. Но авиатор из сложившейся ситуации вышел с честью и достоинством. В дальнем секторе аэродрома он обнаружил хорошо замаскированный самолет По-2. Осмотрев его, Сазонов запустил двигатель и взлетел по намеченному курсу. Авиатор не только благополучно долетел к новому месту базирования, но и мастерски посадил самолет, тем самым вызвав восхищение у своих товарищей. Так старший авиатехник К. Е. Сазонов, проявив смекалку и отвагу, в боевых условиях впервые выполнил самостоятельный полет [2, с. 44].

Высокое лётное мастерство и мужество проявил при выполнении боевого задания пилот Н. Н. Бурков. Однажды ему было поручено разведать огневые точки противника. На бреющем полете, маскируясь лесными массивами, изгибами местности, пилот пролетел через линию фронта, обошел стороной сильно укрепленную зону противника, а затем неожиданно для врага появился над заданной целью с тыла. При выполнении очередного задания самолет Н. Н. Буркова был обстрелян орудийными снарядами и получил много повреждений. Пилот произвел посадку на нейтральной полосе. Здесь ему на выручку пришли советские танкисты: под сильным пулеметным огнем врага они отбуксировали самолёт в безопасное место, где Бурков смог произвести его ремонт. На следующий день пилот благополучно прибыл на базу [3, с. 60].

Немало славных страниц авиаторы Западной авиагруппы вписали в героическую оборону Москвы. Бывший начальник ГУГВФ (1938–1942) В. С. Молоков подчеркивал, что «...нужно ясно представить обстановку тех

дней, чтобы понять, насколько трудны были эти рейсы. Сотни зенитных орудий и прожекторов гитлеровцев были нацелены в небо, в воздухе кружили вражеские самолеты. И все-таки наши тихоходы проникали ночью сквозь немецкие заслоны к заданным объектам и наносили внезапные удары по врагу» [4, с. 24].

Выполняя боевые задания руководства ВВС Западного фронта, пилоты Западной авиагруппы ГВФ днем и ночью летали на разведку позиций противника, подвергали их бомбардировке, забрасывали во вражеский тыл разведгруппы и обеспечивали их продовольствием и снаряжением, разбрасывали агитационного характера листовки.

Выполнение всех этих заданий поручалось опытным пилотам и штурманам. Почти круглые сутки они вели разведку, и их сведения о местонахождении противника позволяли подразделениям Красной армии наносить эффективные удары по вражеским позициям. Только за период обороны Москвы экипажи Западной авиагруппы выполнили 935 разведывательных полётов. Мастерами воздушной разведки зарекомендовали себя пилоты Н. В. Бородулин, Ф. А. Черкасов, Ф. З. Козырев, И. В. Шубин и др.

Например, пилот И. В. Шубин, выполняя разведывательный полет 24 ноября 1941 г. в районе г. Клин, заметил двигавшуюся в сторону Солнечногорска большую колонну немецкой пехоты с артиллерией. Совершив посадку на близлежащий аэродром, он доложил разведданные своему командованию. Вскоре авиаэскадрилья штурмовиков Ил-2 поднялась в воздух, настигла вражескую колонну и разгромила ее.

Однажды Ф. А. Черкасов доставлял важный пакет в штаб корпуса на самолёте Р-5. Подлетая к фронту, он обнаружил на его подступах большое скопление вражеских войск и доложил об этом командиру корпуса. Информация была настолько важной, что по возвращении на базу Ф. А. Черкасов был вызван к командующему Западным фронтам генералу армии Г. К. Жукову, от которого получил благодарность за отлично выполненное задание [3, с. 63].

В дни обороны Москвы экипажи Западной авиагруппы ГВФ принимали также активное участие в бомбардировке живой силы и техники противника. В качестве бомб в основном применялись клеенчатые мешки, наполненные быстро воспламеняющейся горючей смесью, термитом и гранатами. Такие бомбы, получившие название «огненные мешки», обладали большой силой разрушения. К тому же сравнительно небольшая скорость самолётов У-2 и малая высота их полета позволяли экипажам осуществлять точную бомбардировку вражеских объектов.

Насколько успешными были такие полёты можно судить по многочисленным отзывам командования воинских частей Красной армии, которые поступали в адрес руководства авиагруппы, а также по имеющимся сведениям и фактам.

Например, Герой Советского Союза, командир 1-й Московской стрелковой дивизии, полковник А. И. Лизюков обратился 10 ноября 1941 г. с просьбой к своим землякам – белорусским авиаторам – произвести

бомбардировку вражеских войск в районе Подмосковья. На выполнение боевого задания вылетело семь самолетов Западной авиагруппы ГВФ. После удара с воздуха по врагу дивизия под командованием А. И. Лизюкова успешно овладела укрепленным районом [2, с. 45].

Забегая вперед, необходимо сказать, что Александр Ильич Лизюков и его братья Петр и Евгений проявили высокий патриотизм и мужество в борьбе с врагом и погибли смертью храбрых. Но память об отважных защитниках родины жива и сейчас, их именами названа улица в Гомеле.

Вот еще один пример. 5 ноября 1941 г. 12 самолётов авиагруппы поднялись в воздух для бомбардировки железнодорожной станции в районе населенного пункта Дорохово. Налёт оказался удачным: горели вражеские вагоны, наземные сооружения и объекты. Но пулеметным огнем противника был пробит добавочный бензобак на самолете С-2, тестируемом В. А. Шипиловым. Бензин разлился по всей кабине, от которого загорелась задняя часть самолета и одежда на стрелке-бомбардире А. Н. Крысове. Стремясь сбить пламя, Шипилов бросал резко машину в разные стороны, а Крысов взобрался на корпус самолета, сбросил с себя горящую одежду и всеми силами пытался не допустить пламя в кабину пилота. Усилия экипажа были не напрасны: огонь был потушен, а стрелок-бомбардир так и остался на корпусе самолёта вплоть до его приземления. Получивший сильные ожоги Крысов был доставлен в госпиталь, где и пролежал более полугода, а затем вернулся в свою часть. За совершенный подвиг В. А. Шипилов был награжден орденом Красного Знамени, а стрелок А. Н. Крысов – орденом Красной Звезды [5, с. 3].

В те дни белорусские авиаторы проявляли не только мужество и стойкость при выполнении боевых задач, но и взаимовыручку. Так 15 декабря 1941 г. В. С. Щукин получил приказ доставить в район Клина командира связистов. Высадивши его в назначенном месте, пилот взлетел и в то же время увидел, что к связисту бежала группа немцев. В. С. Щукин не оставил советского командира в беде. Он зашел на посадку и, практически не останавливая самолёт, принял на борт связиста, на глазах врагов подняв машину в воздух.

Через несколько дней подвиг В. С. Щукина повторил пилот В. И. Гнатюк, вырвавший из лап фашистов двух советских разведчиков, высаженных им в тылу врага.

Всего за период обороны Москвы экипажи Западной авиагруппы ГВФ совершили 674 боевых вылета и сбросили на противника 2 100 «огненных мешков» [3, с. 62]. Особенно отличились при выполнении заданий летчики Т. А. Ковалёв, Н. С. Зидрашко, М. М. Жеронкин, А. И. Тюленев, И. И. Щербаков, лётчица Е. А. Устинович, командир отряда В. Л. Клыков и др.

Оценивая боевую работу личного состава Западной авиагруппы ГВФ особого назначения, командование ВВС Западного фронта в январе 1942 г. в письме, адресованном командиру этой авиагруппы И. В. Сулимову, сообщало: «Неслучайно в ходе Отечественной войны ваша авиация из авиации связи и транспорта превратилась в боевую авиацию. Это отражает великий патриотический порыв людей вашей группы, стремление принять непо-

средственное участие в уничтожении немецко-фашистских варваров. Сотни и тысячи фашистских людоедов нашли свою смерть от огня ваших самолётов. Подвиги лучших людей авиагруппы, подлинных героев. Отечественной войны, служат примером для всей авиации» [6, с. 179].

В феврале 1942 г. перед авиагруппой была поставлена боевая задача по оказанию помощи партизанским отрядам, сражавшимся с гитлеровцами в районах Вязьмы, Ельца, Дорогобужа и Брянска. Она заключалась в доставке партизанам боеприпасов, оружия, взрывчатки, продовольствия, поддержании связи между отрядами и штабом партизанского движения, эвакуации раненых, больных партизан, женщин и детей. И с этой задачей авиагруппа справилась успешно. Летом большая группа лётного и технического состава была награждена орденами и медалями. А 3 ноября 1942 г. Западная авиагруппа особого назначения за образцовое выполнение боевых задач была преобразована в 1-й отдельный авиационный полк ГВФ. В состав полка входили две транспортные авиаэскадрильи самолётов У-2 и Р-5, одна связная (У-2) и одна санитарная (С-2, С-3), рота аэродромного обслуживания, полевые авиаремонтные мастерские и соответствующие службы. После получения самолетов Ли-2 была образована еще одна авиаэскадрилья.

В начале 1943 г. перед командованием 1-го отдельного авиаполка была поставлена задача – установить постоянную связь с белорусскими партизанскими отрядами и соединениями, главным образом, в Могилёвской и Витебской областях.

Лётчики, штурманы, инженеры и другие специалисты авиаполка выполняли свои задания с особым подъемом, понимая, что тем самым они приближали час освобождения родной Беларуси. Вот несколько примеров.

В ночь на 22 июня 1943 г. группа из девяти самолетов, возглавляемая командиром эскадрильи Н. И. Зотовым, должна была доставить грузы в партизанский отряд на территории Беларуси. Прилетев к месту назначения, Н. И. Зотов не обнаружил на посадочной площадке необходимых для посадки световых сигналов. Садиться опасно. Но велико было желание пилота выполнить порученное задание. Командир эскадрильи первым произвел посадку, и, как выяснилось, в необходимом месте. Затем посадку произвели другие экипажи. В результате партизаны получили необходимые им медикаменты и грузы.

В конце марта 1943 г. в авиаполк пришло донесение, что партизанская бригада, которой командовал М. А. Нарчук, израсходовала запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов. И вот в ночь на 28 марта 1943 г. поднялись в воздух 13 самолетов По-2 с необходимым грузом для партизан. Но снежная буря перечеркнула все усилия пилотов: через час двенадцать самолетов из-за плохой погоды вернулись на базу. И только один самолёт, пилотируемый майором Т. А. Ковалёвым, доставил в партизанский лагерь необходимые грузы. По проложенной Ковалёвым трассе к народным мстителям стали летать и другие пилоты.

О мужестве и отваге пилота Т. А. Ковалёва хочется рассказать более подробно. Он, как признанный мастер ночных полетов, на задание вылетал

первым. Его самолет взмывал в воздух первым и в сложных метеоусловиях. Только в период сражения под Москвой Т. А. Ковалёв совершил более 250 вылетов. Он доставил партизанам тонны боеприпасов, вывез от них более двухсот раненых, сбросил на головы фашистов свыше десяти тонн бомб.

Родина высоко оценила ратные подвиги летчика. Он был награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза, двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени и многими медалями.

Вот еще некоторые эпизоды из боевой жизни прославленного авиатора. В марте 1942 г. он получил задание в паре с летчиком Афанасьевым уничтожить в районе населенного пункта Знаменка, что южнее Вязьмы, штаб вражеской дивизии. Полет происходил в кромешной тьме. Внизу были видны вспышки орудийных выстрелов, а когда подошли к Знаменке, в небо взметнулись четыре прожекторных луча. В ночной мгле стали рваться снаряды, светлячки трассирующих пуль нырнули в зенит и растаяли.

Ковалёв почувствовал резкий удар в левую плоскость машины. Самолет швырнуло в сторону и накренило. Пилот с трудом выровнял По-2. Осмотрелся. Взрывом снаряда была повреждена консоль нижнего крыла. Справа вспыхнул самолёт Афанасьева и, беспорядочно падая, оставлял за собой огненный шлейф. Стиснув зубы, Ковалёв вывел поврежденный самолёт на заданный курс и с высоты ста метров сбросил «огненные мешки». Они угодили в штаб фашистской дивизии. Вспыхнул пожар. После этого самолет взял курс на свой аэродром. На бреющем полёте Т. А. Ковалёв пересек линию фронта, но вскоре почувствовал ноющую боль в правой руке. Из разорванной меховой перчатки сочилась кровь. «Лишь бы добраться до базы…» – успокаивал себя летчик. И добрался, благополучно посадил машину. Техники насчитали в самолёте до трехсот пробоин, и к дальнейшим полётам он был уже непригоден [4, с. 28].

О полётах Т. А. Ковалёва, которые порой включали в себя три–четыре ночных посадки в тылу врага, рассказывали на разборах. На его опыте учились другие белорусские авиаторы.

Примером мужества и отваги может служить боевая деятельность пилота П. Г. Гавриша. Однажды апрельской ночью 1944 г. он совместно со штурманом Д. И. Аленикиным на самолете П-5 выполнял полет к белорусским партизанам, которые сражались с гитлеровцами на территории Витебской области. В районе железной дороги Орша–Лепель П-5 был атакован фашистскими истребителями. Пилот Гавриш был тяжело ранен в ногу и голову, штурман Аленикин получил ранение в лицо и руку. Самолет был сильно поврежден: пробит бензобак, перебит лонжерон, сорвана часть обшивки на руле поворота, разбит компас. Управление самолётом взял на себя штурман и привел его на свой аэродром. Но посадить не смог и ушел на второй круг. К счастью, в тот момент пришел в себя пилот и, превозмогая боль, посадил машину.

14 марта 1944 г. произошло важное событие в жизни авиаполка, руководимого, как и прежде, подполковником П. В. Сулимовым. За проявленную отвагу в боях с немецкими захватчиками, за стойкость, дисциплину, организованность, за героизм личного состава приказом Верховного Главнокомандующего 1-й отдельный авиационный полк Гражданского воздушного флота был преобразован в 120-й отдельный гвардейский авиационный полк гражданского флота. В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР полку было вручено гвардейское знамя, а всему личному составу – гвардейские знаки [4, с. 29].

Но война продолжалась, и сразу же после этого торжества командир подразделения П. П. Сидоров и пилот С. П. Дегтяров на двух самолетах с грузом вылетели к партизанам в район Могилёва. Низкая облачность и снегопад усложняли выполнение задания. Но Дегтярев со штурманом П. П. Никифоровым все-таки выполнили задачу и вернулись на базу. А командир П. П. Сидоров со штурманом А. С. Ефременковым обратно не вернулись.… Только через десять дней в полку узнали, что они находились у партизан. Утром 1 мая 1944 г. командир подразделения Н. И. Зотов доставил их в полк. Как выяснилось, во время полета их самолет обстреляли с земли немцы.

Из-за пробитого радиатора заклинило поршни в двигателе, но пилот все-таки смог посадить самолет на опушке леса. В то же время авиаторы увидели, что к ним бежали немцы. Почти шесть дней без пищи, по снегу, раненные, они добирались до партизан.

28 августа 1944 г. Красная армия завершила освобождение Беларуси, после чего военные действия были перенесены на территорию Прибалтийских республик. Затем начались бои в Восточной Пруссии. 120-му авиаполку была поставлена задача выполнять санитарные задания, производить бомбардировку зажигательными и осколочными бомбами крупных железнодорожных узлов на подступах к Кёнигсбергу. Днем и ночью, выполняя полёты, лётный состав полка оказывал помощь советским войскам в проведении Инстербургско-Кёнигсбергской операции. За время ее проведения авиаполк выполнил 8 165 самолётовылетов [3, с. 68].

После взятия Кёнигсберга авиаполк, пополнив свой парк самолетами Ли-2, участвовал в переброске подразделений и частей Красной армии на Берлинском направлении. Высоко были оценены боевая работа полка, самоотверженность, мужество, отвага и героизм личного состава: 19 февраля 1945 г. приказом Верховного Главнокомандующего полку было присвоено почетное наименование «Инстербургский» [3, с. 68].

После завершения Великой Отечественной войны, а именно 17 мая 1945 г., 120-й отдельный гвардейский Инстербургский авиационный полк ГВФ за образцовое выполнение заданий в боях с немецко-фашисткими захватчиками при овладении городом и крепостью Кёнигсберг и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Александра Невского [2, с. 66].

За весь период Великой Отечественной войны личным составом авиаполка было произведено более 102 тысяч самолётовылетов, из них с посадкой в тылу врага – 2 130. Перевезено: 136 тыс. чел., в том числе более 65 тыс. раненых, 3 426 тонн различных грузов. Советское правительство

высоко оценило боевую работу авиаполка – свыше тысячи человек было отмечено государственными наградами. Из них, пилотов – 281, техников и механиков – 242, командиров – 110, штурманов и стрелков-бомбардиров – 48, инженеров – 136, младших специалистов – 64, других специалистов – 223 человека, 49 человек были награждены медалью «Партизану Отечественной войны» [4, с. 30].

В числе неоднократно награжденных и отличившихся в боях за свободу и независимость Родины: командир подразделения Я. Бибиков, комиссар подразделения Ж. Татарчук, пилот Н. Маслюков, техники А. Ярилов, С. Климович и А. Лукин, пилоты И. Ерастов, Н. Кравченко, штурманы К. Вильчинский, М. Аркадьев, В. Бараев, М. Журенко, А. Гребенкин, Б. Дробышев, П. Пузанов, Н. Зотов, И. Зотов, И. Буланов, Н. Большаков и др.

Благодарные потомки никогда не забудут имена пилотов А. Мамкина, А. Гуральникова, И. Чалпанова, А. Приходченко, Н. Егорова, П. Никишова, П. Филиппова и всех тех, кто отдал жизнь во имя будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. История гражданской авиации СССР / под общ. ред. Б. П. Бугаева. – М. : Воздушный транспорт, 1983. – 376 с.
2. *Дегтев, В. С.* Крылья Белоруссии / В. С. Дегтев. – Минск : Беларусь, 1973. – 151 с.
3. *Савин, Н. А.* Сквозь огненные годы / Н. А. Савин // Гражданский воздушный флот в Великой Отечественной войне. – М. : Воздушный транспорт, 1985. – 240 с.
4. *Щавлинский, Н. Б.* Белорусская гражданская авиация в годы становления и в период Великой Отечественной войны / Н. Б. Щавлинский. – Минск : РИВШ, 2005. – 53 с.
5. *Драговоз П.* Фронт и тыл ГВФ / П. Драговоз, В. Дегтев // Гражданская авиация. – 2000. – № 5. – С. 3–4.
6. Гражданская авиация СССР (1917–1967). – М. : Транспорт, 1968. – 319 с.

А. Г. Цымбал

СТАНОВІШЧА НАСЕЛЬНІЦТВА НА АКУПАВАНЫХ ТЭРЫТОРЫЯХ БЕЛАРУСІ ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ КАЛЕКЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АКРУГІ «БЕЛАРУСЬ»

На частцы акупаванай тэрыторыі Беларускай ССР нацысцкай Германіяй быў створаны кіруючы орган акупацыйнай адміністрацыі – Генеральны камісарыят «Беларусь» (ГКБ), на чале якога стаяў генеральны камісар В. Кубэ. Кіраўніцтва камісарыята знаходзілася ў Мінску, камісарыят кантраляваў тэрыторыю плошчай каля 60 тыс. км^2, адміністрацыйны падзел ГКБ налічваў 11 абласных камісарыятаў.

Дакументальная спадчына акупацыйных структур ГКБ, змешчаная ў Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь» (фонд 370 Нацыянальнага архіву Рэспублікі Беларусь), уяўляе сабой выключны па значнасці і мала даследаваны комплекс дакументаў, які захоўвае багаты фактычны матэрыял, што датычыцца жыцця насельніцтва Беларусі ў перыяд германскай акупацыі. Гэтая ўстанова выконвала функцыі грамадзянскай адміністрацыі на частцы беларускіх зямель і ажыццяўляла акупацыйную палітыку. Матэрыялы Калекцыі прадстаўляюць шматлікія аспекты акупацыйнага жыцця праз прызму дзейнасці акупацыйнай адміністрацыі і праліваюць святло на шматлікія «белыя плямы» выкарыстання эканамічнага патэнцыялу і штодзённага жыцця насельніцтва Беларусі ў гады германскай акупацыі.

Прадстаўленыя дакументы ўтрымліваюць загады, распараджэнні, цыркуляры, інструкцыі, разнастайныя ўказанні і перапіску чыноўнікаў акупацыйнай адміністрацыі ў Генеральнай акрузе «Беларусь». Таксама змяшчаюцца дакументы, якія дасылаліся сюды кіраўніцтвам рэйхскамісарыята «Остланд» ў Рызе. Наяўныя дакументальныя матэрыялы Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь» дазваляюць рэканструяваць асобныя аспекты стану эканомікі і паўсядзённага жыцця насельніцтва Беларусі ва ўмовах германскага акупацыйнага рэжыму.

Акрамя таго, матэрыялы змяшчаюць дэталёвую інфармацыю адносна нацыянальнага складу насельніцтва, узаемаадносін яго розных груп, нацысцкай палітыкі генацыду і вывазу насельніцтва ў Германію. Матэрыялы Калекцыі ўтрымліваюць дастаткова падрабязную інфармацыю адносна становішча насельніцтва ў асобных раёнах акупаванай Беларусі, што можна прасачыць на прыкладзе Лідскай, Вілейскай і Навагрудскай акруг.

На 8 красавіка 1943 г. нацыянальны склад Лідскай акругі выглядаў наступным чынам. Насельніцтва прадстаўлялі 76 карэнных немцаў, 66 657 беларусаў, 192 474 палякі, 2 963 літоўцы, 225 украінцаў, 531 татарын, 4 419 яўрэяў, 268 чалавек розных нацыянальнасцей. Разам – 270 570 чалавек [1, арк. 50–54]. Спачатку ў вобласці колькасна дамінавалі палякі, але хутка немцы вырашылі замяніць на ўсіх галоўных пасадах палякаў на беларусаў. Былі зачынены польскія школы, замест іх пачалі працу беларускія школы, у якіх выкладалі беларускія настаўнікі. Акупацыйнымі ўладамі адзначалася, што ў выніку вельмі прыкметнымі сталі напады польскіх актывістаў на прадстаўнікоў улады беларускага паходжання. Партызанскія фарміраванні знаходзілі таксама найбольшую падтрымку сярод беларускага насельніцтва. Гэтыя фарміраванні складаліся ў асноўным з былых салдат, з тых, хто не пазбягаў прымусовых работ, яўрэяў, а таксама сялян, якіх павінны былі вывезці ў Германію.

Яўрэі, якіх ў Лідскім раёне налічвалася каля 20 000, былі масава знішчаны ў выніку акцыі ў маі 1943 г. Засталося толькі 4 500, яны былі размешчаны ў лідскім і шчучынскім гета [1, арк. 51]. У раёне знаходзіліся каля 8 000 бежанцаў. Здольных да працы вывезлі ў Германію, але большая частка бежанцаў лічылася непрыдатнай, у яе склад уваходзілі дзеці і старыя людзі.

У цэлым колькасць працоўных рэсурсаў раёна складала па картатэцы 66 054 чалавекі. З іх 9 365 падалі заяўкі на працу ў Германіі, усяго было накіравана 23 751 работнікаў. На прымусовую працу ў Германію адаслалі прыкладна 2 500 мужчын і жанчын [1, арк. 53].

Становішча ў Вілейскай акрузе разглядалася акупацыйнымі ўладамі ў шэрагу аспектаў: 1) дзейнасць партызан; 2) польскае пытанне; 3) яўрэйскае пытанне.

Партызанскі рух першапачаткова быў падаўлены нацыстамі да мая 1942 г., але з лета яны зноў перайшлі да актыўных дзеянняў і пачалі ўяўляць сур'ёзную пагрозу для акупантаў. Як адзначаў кіраўнік Вілейскай акругі, у якасці контрмер прапаноўвалася актывізаваць прапагандысцкую дзейнасць і актыўнае супраціўленне [1, арк. 55–61]. Але прапагандысцкая дзейнасць мела вельмі абмежаваны характар, бо часам немагчыма было дабрацца да небяспечных раёнаў, і калі яе праводзілі немцы, яна не мела станоўчых вынікаў. Мясцовыя прапагандысты, былыя палонныя, таксама не маглі абыходзіцца без узброенай аховы. Акрамя таго, сама каштоўнасць прапаганды ўжо знаходзілася пад сумненнем, бо і тут партызаны мелі пэўны ўплыў [1, арк. 56].

Тактыка ўзброенага супраціўлення выглядала наступным чынам: усе вёскі ўздоўж чыгуначных шляхоў знішчаліся, а іх жыхароў вывозілі, спачатку рабілі гэта каля месцаў падрываў. Але кіраўніцтва Вілейскай акругі выказвала сумненне адносна эфектыўнасці такога падыходу.

Вынікі дзейнасці партызан наступныя: да 25 лютага 1943 г. забіта 7 нямецкіх жандармаў; 3 нямецкіх ўпраўляючых па сельскай гаспадарцы; 7 галандцаў; 6 мужчын, якія займаліся аховай леса; прыкладна 30 мужчын з арганізацыі «Тодта»; 110 мужчын з мясцовай аховы; 106 членаў малодшага кіравання, старастаў суполак і вёсак, мясцовых працаўнікоў у нямецкіх штабах; 46 членаў ахоўных каманд, прыкладна 500 мясцовых жыхароў. Масавыя забойствы сем'яў аховы значна ўплывалі на агульны настрой іх членаў.

Гаспадарчыя страты былі яшчэ большымі для ўлад. Вялікая колькасць прамысловых прадпрыемстваў і асабістых гаспадарчых устаноў знаходзілася пад кантролем партызанскіх атрадаў. Што датычыцца гаспадаркі ў вобласці, то партызаны адабралі 1 000 галоў кароў; 1 100 свіней; 2 238 авечак; 1 900 птушак; 945 т жыта; 150 – пшаніцы; 325 – ячменя; 500 – аўса; 20 – грэчкі; 50 – бабовых; 10 – ільняного зерня; 26 – ільняного валакна; 7 – канаплянага валакна; 850 – сена; 500 – саломы; 3,65 кг масла; 970 кг вяршкоў; 700 кг тварогу і сыру. Яшчэ сюды адносяць безліч кармавых раслін, такіх, як лубін, віна пасяўная, палявы гарошак, проса і г.д. На 25.02.1943 з усіх 27 лесапільных заводаў працавалі толькі 6. Большасць з іх была знішчана ці занята партызанскімі атрадамі [1, арк. 55–61].

Паводле справаздачы гебітскамісара акругі «Мінск» (сяло) акупацыйныя ўлады выдзялялі пэўныя сродкі на дапамогу мясцовым жыхарам і іх блізкім, якія пацярпелі ад дзеянняў партызанаў у перыяд з 19 кастрычніка 1942 па 30 чэрвеня 1943 г. Адпаведна з загадам Гэнеральнага камісара ад 19.10.1942 г. было выдаткавана 30 046,15 рэйхсмарак (РМ) [2, арк. 52]. За перыяд з 1 ліпеня 1943 па 30 верасня 1943 г. яшчэ 15 595,60 РМ [2, арк. 70].

Польскае пытанне адыгрывала ў акрузе важную ролю з пункту гледжання кіравання. Уся ніжэйшая адміністрацыя першапачаткова была занята палякамі, такім чынам яны атрымалі магчымасць кіраваць гаспадаркай, асабліва сельскай і лясной. Але да пачатку 1942 г. адбыліся змены, усе без выключэння тагачасныя раённыя бургамістры польскага паходжання былі зняты з пасад, іх замянілі на беларусаў. Таксама палякі былі зняты з усіх кіруючых пастоў. Але зрабіць гэта ва ўсіх сферах было немагчыма, так, у сферы лясной гаспадарцы і прамысловасці ўлады не змаглі знайсці замену палякам сярод беларусаў. Па меркаванні немцаў, гэта было звязана не з тым, што беларусы атрымалі іншую адукацыю, а з тым, што яны мелі зусім іншае прадстаўленне аб рэчах і па-іншаму ставіліся да зямлі, прычына гэтага – знаходжанне пад савецкім рэжымам [1, арк. 59]. Але вырашэнне польскага пытання лічылася неабходным, пазбаўленне ад уплыву палякаў лічылася абавязковым, адначасова сцвярджалася неабходнасць даць добрую адукацыю беларускай моладзі ва ўсіх патрэбных навуковых галінах.

Таксама ў Вілейскім раёне на 1943 г. пражывалі каля 3 тыс. яўрэяў. У 1941 годзе іх было прыкладна 20 тыс. З гэтых 3 тыс. ніхто не застаўся жыць на старым месцы. Усе гета ліквідавалі. 2 850 яўрэяў падзялілі паміж сабой палявы парк і будаўнічую службу сухапутных войскаў у пасёлку Краснае. Каля 50 яўрэяў выкарыстоўвалі для сваіх мэт СД. Прыкладна 100 чалавек адаслалі ў невялічкае гета, падпарадкаванае адміністрацыі, там яны працавалі ў майстэрнях. Прагназавалася, што яўрэйскае пытанне ў раёне хутка будзе канчаткова вырашана [1, арк. 61].

Галоўным для акупацыйных улад заставалася пытанне выкарыстання працоўных рэсурсаў. Гэтай праблеме прысвечана большасць матэрыялаў Калекцыі. Згодна матэрыялам дадзенае пытанне ўздымалася рэгулярна. Так, 9 красавіка 1943 г. была прадстаўлена запіска, у якой аналізавалася эканамічнае значэнне беларускіх тэрыторый для Рэйха. Генеральная акруга «Беларусь» разам з астатнімі акупаванымі акругамі разглядалася ў якасці рэзервуара працоўнай сілы і мела вельмі вялікае значэнне, але гаспадарчая дапамога ад яе ў параўнанні з астатнімі акупаванымі акругамі, такімі, як напрыклад, «Украіна», не прадстаўляла каштоўнасці. З пункту гледжання сельскай гаспадаркі і загатоўкі сыравіны акруга з'ўлялася важнай крыніцай торфу і драўніны [1, арк. 72].

У 1943 г. немцы пачынаюць звяртаць асаблівую ўвагу на бежанцаў, што знаходзіць сваё адлюстраванне ў крыніцах, якія захаваліся. Як адзначалася, у выніку адыходу нямецкіх войскаў каля 200 тыс. мясцовых сем'яў адступілі разам з імі. Акупацыйныя ўлады ГКБ задаваліся пытаннем, што рабіць з гэтымі людзьмі і як выкарыстаць іх у якасці працоўнай сілы. З улікам таго, што гэта былі ў асноўным сяляне, прапаноўвалася нават вылучыць зямлю для апрацоўкі [1, арк. 48–49].

Германскія ўлады сцвярджалі, што эканоміка Беларусі, якую можна было параўнаць з якім-небудзь вялікім горадам Рэйха, з'яўлялася для іх вельмі важным рэзервуарам працоўных сіл. Галоўнай праблемай выкарыстання працы мясцовага насельніцтва з'яўлялася савецкая мадэль арганізацыі працы

і безадказнасць работнікаў [1, арк. 72]. Пастаўкі рабочых у Германію на 1943 г. мелі выключную значнасць. Генеральная акруга адаслала ў рэйх да красавіка 1943 г. 40 тыс. остарбайтараў, толькі дзякуючы дапамозе паліцыі большая частка гэтых рабочых была схоплена падчас паліцэйскіх акцый.

Прапаноўваліся шляхі інтэнсіфікацыі працы ў гэтым накірунку. Напрыклад, паляпшэнне ўмоў для остарбайтараў пры перавозцы ў рэйх, а таксама змена назвы: замест «остарбайтараў» – абазначэнне нацыянальнасці ў дакументах ці стварэнне знака, які б адлюстроўваў колер краіны. Асобныя меры павінны былі распрацоўвацца адносна моладзі. Звярталася ўвага на неабходнасць прафесійнай адукацыі. Сцвярджалася, што на тэрыторыі Генеральнай акругі ёсць шмат рабочых, але існуе недахоп добрых спецыялістаў.

У сферы прамысловай гаспадарцы было дастаткова працоўных сіл. Павышэнне вынікаў працы ўлады бачылі ў неабходнасці ліквідацыі шматлікіх перашкод. Гэтыя перашкоды ўзнікалі перш за ўсё ў сферы кіравання людзьмі, але часткова былі звязаныя і са старым абсталяваннем на вытворчасці, недапушчальнымі ўмовамі на прадпрыемствах. Па нямецкім прыкладзе праводзіліся мерапрыемствы па перадухіленню няшчасных выпадкаў, адводзіліся сцёкі, рабілася добрае асвятленне, вырашалася пытанне наконт прыбіральні і месца, дзе работнікі маглі памыцца. Распрацоўвалася пытанне ўвядзення асабістага страхавання. Стварэнне спецыяльнай установы «Страхавое таварыства Беларусі» планавалася на 1 ліпеня 1943 г. Яно павінна было займацца пенсійным і сацыяльным страхаваннем. Асобная ўвага звярталася на заработную плату. Як сцвярджалася, праз увядзенне здзельнай заработнай платы немцы маглі дасягнуць на некаторых прадпрыемствах значнага павелічэння паказчыку працаздольнасці. Асаблівае значэнне надавалася калектыўнай здзельнай заработнай плаце з мэтай матывацыі работнікаў. Падкрэслівалася неабходнасць данясення інфармацыі пра гігіену. Нягледзячы на неймаверна цяжкія жыллёвыя ўмовы акупацыйным уладам удалося прадухіліць ўзнікненне вельмі цяжкай эпідэміі і падтрымліваць стан здароўя работнікаў на задавальняючым узроўні. Сведкі пра стан здароўя насельніцтва прадстаўляе справаздача двух дактароў Беларускай палаты здароўя – Крайнова Андрэя і Сямыкіна Мікалая, якія з 4 па 10 кастрычніка 1943 г. наведалі Навагрудскую акругу з мэтай высвятлення стану здароўя і працаздольнасці насельніцтва. У Навагрудку і раёнах вялася картатэка, якая ўключала каля 27 тыс. картак. Для больш дэталёвай праверкі камісія абрала Дзятлаўскі раён з колькасцю 6 811 чалавек. Па ўрачэбна-медыцынскім сведчанням пасля правядзення камісіі 2 019 чалавек лічыліся хворымі, з якіх 1 664 – без дыягназу. Не прыйшлі на камісію 438 чалавек, 2 181 чалавек былі вызвалены ад працы па іншых прычынах, а 2 169 накіраваны на работы. Агляд раёнаў дазволіў камісіі высветліць, што некаторыя раённыя камісіі вызвалялі людзей ад працы без пазначэння дыягназу.

Урачы прыйшлі да высновы, што вызначыць па картках стан здароўя насельніцтва акругі і раёнаў з’яўлялася немагчымым з-за адсутнасці нават

прыкладнага прынцыпу дыягностыкі хвароб. На падставе працы мясцовых урачэбных камісій нельга было дыягнаставаць сухоты, сіфіліс ці трахому без адпаведных аналізаў ці правядзення рэнтгену. Шырока дыягнаставаліся хранічныя захворванні, бранхіты і эмфізэмы легкіх як сухоты [3, арк. 88]. Мелі месца сімуляцыі хвароб, дзеля таго каб пазбегнуць працы або вывазу ў Германію. Паказчыкі захворвання для акупацыйных ўлад з'яўляліся задальняльняючымі і маглі быць сістэматычна палепшаны.

Праблему выкарыстання працоўных рэсурсаў акупаванай Беларусі матэрыялы Калекцыі раскрываюць таксама праз прызму дзейнасці асобных галін вытворчасці і бірж працы. У справаздачы аб выніках работы біржы працы Генеральнай акругі «Беларусь» ад 9 красавіка 1943 г. адзначаецца, што за тры месяцы 1943 г. біржа адправіла ў Германію 4 тыс. чалавек, што лічылася добрым паказчыкам, але рабілася гэта пры дапамозе паліцыі і войска. Уладамі было выяўлена, што мясцовыя работнікі да працы ў рэйху ставіліся як да высылкі ў Сібір. Няглядзячы на актывізацыю прапаганды, як падкрэслівалі немцы, фактам застаецца дрэннае абыходжанне з людзьмі. Абавязковыя паведамленні аб смерці, якія дасылаліся бацькам, напрыклад, тое, што 20-гадовыя людзі паміраюць ад сепсісу, не спрыялі жаданню ехаць на працу ў Германію [1, арк. 82].

Біржа працы ў Вілейцы пачала сваю дзейнасць пасля перадачы ўлады грамадзянскай адміністрацыі 18 кастрычніка 1941 г. Адной з першых задач установа бачыла ажыццяўленне ўліку працоўнай сілы. Была створана картатэка, паводле якой налічвалася 48 425 мужчын і 50 454 жанчыны, усяго 98 879 рабочых, што складала каля 85 % работнікаў [1, арк. 087–89].

Да Вілейскай акругі адносіліся 8 раёнаў з 37 сельсаветамі, 27 канюшнямі і 2 396 вёскамі. Насельніцтва пераважна арыентавалася на сельскую гаспадарку. Апроч сялянскіх гаспадарак, якія складалі ад 1 до 5 га, існавалі яшчэ 139 дзяржаўных гаспадарак. Прамысловасці і гандлю амаль не было, але існавала незлічоная колькасць рамесных майстэрняў, на працу ў якія наймалі прафесіяналаў.

Акупацыйныя ўлады адзначалі вялікую патрэбу ў працоўных рэсурсах. На тарфяныя працы патрабавался 1 115 працоўных, лясныя працы – 1 000, рамесныя справы – 1 120, на патрэбы вермахта – 370, арганізацыю транспартнага руху – 347 і для іншых службаў – 4 332 чалавекі. Апроч таго, для рэйха былі патрэбны навабранцы. Дагэтуль для гэтага былі адпраўлены 6 500 чалавек. У справаздачы кіраўніка біржы працы ў Вілейцы апісвалася методыка, па якой акупанты прымушалі людзей працаваць: «Звычайна я набіраю рабочых з вёсак, пазваляючы абшукаць дамы з двух бакоў. Потым пасярэдзіне вёскі робіцца прасторна, і сяляне, без якіх няможна абысціся, адпраўляюцца назад, астатнія ж ідуць з намі. Так за дзень я набраў 45 чалавек. Пры тым, што я пачаў з вялікай вёскі, але калі падышоў да наступнай вёскі, працоўных мужчынаў там зусім не апынулася. Як паказвае вопыт, тут робіцца зразумелым, што набіраць людзей трэба з наколькі гэта магчыма аддаленых адна ад адной вёсак. Галоўнае тут, паказаць мясцовым жыхарам, што мы настроены сур'ёзна і што,

зыходзячы з гэтага, мы павінны дасягнуць поспеху» [1, арк. 88]. У рэйх за 1942 г. было адпраўлена з Вілейкі 16 223 мужчыны і 5 399 жанчын, а з Маладзечна – 29 348 мужчын і 5 668 жанчын [1, арк. 89].

На ўлік бралі моладзь. У Маладзечна яе агульная колькасць склала 2 420 чалавек. Улады імкнуліся да прафесійнага навучання маладога пакалення з мэтай забеспячэння працоўных патрэб. У выніку размоў з моладдзю Вілейкі высветлілася, што з 164 хлопцаў і 160 дзяўчын толькі трое хлопцаў і дзве дзяўчыны не жадалі вучыцца. З дзецьмі была тая ж самая карціна – з 50 дзяцей 45 хацелі стаць настаўнікамі. Рамяство было менш запатрабавана, і нямногія хацелі яго вывучаць [1, арк. 89].

Умовы жыцця насельніцва ўлады апісвалі як вельмі цяжкія. Людзі на сваю зарплату не маглі задаволіць жыццёвыя патрэбы, калі яны адначасова не вялі гаспадарку. Сцвярджалася аб неабходнасці спыняць нелегальны гандаль. Калі рабочы працаваў у горадзе і яго зарплаты не хапала на жыццё, ён набываў тавары на чорным рынку і абменьваў іх. Працоўнае насельніцтва патрэбна было забяспечыць прадметамі асабістага карыстання [1, арк. 91–96].

Такім чынам, матэрыялы Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь» утрымліваюць вялізарны аб’ём новай фактычнай інфармацыі адносна эканамічнага выкарыстання беларускіх тэрыторый акупацыйнымі ўладамі і паўсядзённага жыцця грамадства. Унікальная інфармацыя крыніц дазваляе істотна пашырыць фактаграфічную базу даследванняў гісторыі перыяду германскай акупацыі Беларусі, а таксама ўдакладніць палажэнні айчыннай гістарыяграфіі, што датычацца страт гаспадаркі і насельніцтва за гады акупацыі. Новыя дакументальныя крыніцы пры выкарыстанні сучасных метадалагічных падыходаў дазваляюць паглыбіць вывучэнне становішча на акупаванай Беларусі на ўзроўні асобных рэгіёнаў, прадпрыемстваў і галін гаспадаркі.

ЛІТАРАТУРА

1. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 1264.
2. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 1662.
3. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 1481.

И. Р. Чикалова

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕРМАНИСТИКИ КАК ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – начало XX в.)

Становление германистики в отличие от англоведения, франковедения и даже американистики в Российской империи шло с заметным отставанием. На наш взгляд, это было связано с двумя основными причинами.

Во-первых, сказывались особенности существования немецкой нации в условиях длительного отсутствия единого государства: аморфность «Священной римской империи германской нации», а затем Германского союза; централизованное немецкое государство возникло только к 1871 году. Соответственно, до 1815 г. история Германии – это история 360 государственных образований, и даже после него – 38 отдельных суверенных владений. Соответственно, лишь крупнейшие немецкие государства, после Вестфальского мира обретшие политическую субъектность, – Пруссия, Австрия, Бавария, Саксония в какой-то степени привлекали к себе исследовательский интерес. Историков, желавших заниматься изучением сложного переплетения внутренних и внешних конфликтов многочисленных германских государств, были единицы. Да и Устав Российской Академии наук 1836 г. лишь обозначил приоритеты в области историко-филологических исследований: «...история, наипаче отечественная; греческая и римская словесность и древности; восточная словесность и древности». Более того, начиная с выборов 1841 г., Академия начала избавляться от обличия «немецкой», какой ее не без оснований считали.

Во-вторых, в России, несмотря на то, что политическая, экономическая и научная элита во многом состояла из выходцев германских государств, и, в целом, в конце XIX ст. в стране проживало около 1,9 млн немцев, не было распространено германофильство в такой степени, как, например, в отдельные периоды галломания или англомания. Наличие мощного пласта россиян с генетической памятью об исторической родине, казалось бы, должно побуждать к исследованиям проблем германской истории. Но так не случилось. Даже приглашенные из-за рубежа немецкие историки (Г. З. Байер, И. П. Коль, Х. Г. Крузиус, Ф. И. Миллер, И. М. Стриттер, И. Э. Фишер, А. Л. Шлёцер и др.) занимались исследованием русских древностей.

При этом связи с германскими университетами в условиях фактического отсутствия университетов до начала XIX ст. в самой России (за исключением Московского) были прочными: более того, сложилась традиция обучения в них российских студентов. В XVIII в., как правило, в немецкие университеты направляли студентов для изучения естественных и технических наук.

Эта практика получила широкое развитие в следующем столетии: в университетах, технических и коммерческих школах Германии в составе иностранных слушателей российские студенты преобладали. В этом процессе овладения зарубежным опытом, знаниями и умениями появилось и новое явление: российские студенты ехали за границу не только для учебы и «доучивания», но выпускники молодых российских университетов стали направляться на стажировки в германские университеты для подготовки к профессорскому званию.

В самой Российской империи центрами распространения информации о зарубежных странах, проведения исследований о них становились университеты – Московский, Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский, Варшавский, Санкт-Петербургский (с 1819 г.), Киевский (с 1834 г.), в которых вводилось преподавание зарубежной истории. В Виленском университете студентам ее читали И. Лелевель (1815–1818, 1821–1824) и П. В. Кукольник (1825–1832). Последний перевел с французского языка «Сокращённую всеобщую историю, древнюю и новую» Л. Ф. де Сегюра, изданную в Санкт-Петербурге в 5 томах. В основном по этой книге он и преподавал зарубежную историю вплоть до закрытия университета. И в других университетах первоначально лекционные курсы по всеобщей истории являлись простым изложением иностранных учебных пособий, тем более, что в начальный период их работы ее преподавали выходцы из государств Германии. Академик В. П. Бузескул приводит воспоминания историка и журналиста, многолетнего соредактора «Вестника Европы» Н. И. Костомарова: «В то время (30-е годы XIX в. – *И. Ч.*) вообще у нас было в обыкновении читать лекции по какому-либо известному пособию: профессор открыто и заранее заявлял, что будет читать по “такому-то”» [1, с. 69]. А выбрать было из чего…

Несколько переизданий выдержала всеобщая история немецкого профессора И. М. Шрека, впервые опубликованная на русском языке в 1787 г., а затем в новом переводе в 1799–1801 годах. В последующих ее переизданиях, а последнее из них – 7-е – появилось в 1836 г., изложение событий было доведено до 1816 г. профессором истории Лейпцигского университета К. Пелицом. В 1832 г. в переводе с немецкого с предисловием М. Погодина появился гимназический курс всеобщей истории профессора истории в Эрлангене К. В. Беттигера. Практическим руководством для нескольких поколений российских гимназистов стала 7-томная «Всемирная история для детей и юношества» немецкого историка К. Ф. Беккера. Впервые опубликованное в Германии в 1801–1805 гг. сочинение Беккера, благодаря своему увлекательному изложению исторического материала, приобрело широкую популярность и известность во многих европейских странах. В России ее знал любой гимназист.

Были изданы труды одного из основателей немецкой либеральной гейдельбергской школы Ф. К. Шлоссера. Его 8-томная история XVIII–XIX вв., доводившая события до падения Французской империи, и 18-томная «Всемирная история» в России издавались неоднократно – первая дважды,

вторая трижды. Сам объем «Всемирной истории» обусловил широту исторического материала, поданного с позиций сочувствия к слабым и угнетенным, непримиримого отношения к любым формам насилия, тирании, преступлениям власти, какими бы «государственными соображениями» они ни были вызваны.

В России вышли труды немецкого историка Г. Вебера, работавшего в Гейдельберге, – «Курс всеобщей истории» (1859 г.), «Краткий учебник всеобщей истории», а затем в 1860 г. и первая книга «Всемирной истории». Журнал «Отечественные записки» отозвался на это событие редакционной статьей. Еще большую известность получила его 15-томная «Всеобщая история», вышедшая в России двумя изданиями. Вебер с опорой на новейшие по тому времени данные естественных наук, истории и археологии, лингвистики, философии и социологии попытался создать целостное представление о развитии политических институтов и событий, социально-экономических отношений и прогресса культуры с древнейших времен до XIX в. Собственно последнему посвящены 14-й и 15-й тома. Однако относительно освещения истории XIX в. критика была беспощадна. «Русское богатство» особенно отметило, что в изложении Вебера больше всего места отведено истории Германии, но «это не история объединения немецкого народа, скорее славословие в честь Бисмарка и Гогенцоллернов, гимн милитаризму и проповедь ненависти к Франции <…> Пред нами не беспристрастный, сдержанный в своих суждениях историк, каким является Вебер в предыдущих томах своего труда, а опьяненный победами юнкер из Померании» [2, с. 5].

В России более благоприятные условия для изучения всеобщей истории создались после принятия в 1835 г. нового университетского устава, сменившего устав 1804 года. Он увеличивал количество профессоров и кафедр, а главное, вводил для молодых ученых практику двухгодичных стажировок за границей. Кроме того, при Дерптском университете был создан Профессорский институт для подготовки преподавателей высшей школы, в том числе по всеобщей истории. Институт дважды, в 1828 г. и 1833 г., набирал слушателей, что позволило выпустить 22 преподавателя для университетов России [3, с. 485–498]. Так в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове начали складываться страноведческие направления в области всеобщей истории, во главе которых встала молодая профессура, прошедшая стажировки в европейских университетах.

Первыми российскими профессорами всеобщей истории стали М. С. Куторга, преподававший в Петербургском (1835–1869), затем в Московском (1869–1874) университетах, и Т. Н. Грановский, занимавший с 1839 по 1855 г. кафедру в Московском университете. Эти ученые заложили традиции изучения и преподавания в высшей школе зарубежной истории, воспитали кадры историков-всеобщников. Родившийся под Могилёвом Куторга был выпускником Профессорского института при Дерптском университете. Грановский после окончания С.-Петербургского университета

стажировался в Берлинском университете, по возвращении из Германии с 1839 г. работал на кафедре всеобщей истории Московского университета, читал лекции по Средневековью, конспекты которых сохранились [4].

При выборе собственных тем исследований предпочтение отдавалось истории Древнего мира и Средних веков, что объяснялось условиями научной деятельности. С одной стороны, сказывалась общая ориентация европейской исторической науки на Античность и Средневековье. Появились, пока еще редкие, исследовательские работы по германской истории, например, труд М. С. Куторги «Политическое устройство германцев до шестого столетия» (1837) [5]. С другой стороны, научные интересы ограничивал контроль Министерства народного просвещения, следившего за благонадежностью ученых. По свидетельству Т. Н. Грановского, в январе 1844 г. попечитель Московского учебного округа и главный цензор Москвы граф Г. С. Строганов предложил ему освещать события Реформации и Французской революции «с католической точки зрения и как шаг назад».

Политика в сфере образования, ужесточившаяся после революционного 1848 г., заметно смягчилась после окончания Крымской войны: был отменен запрет получать из-за границы без цензуры книги и периодические издания, с 1857 г. возобновилась временно приостановленная практика командирования способных выпускников университетов в заграничные научные центры для подготовки к профессорскому званию. Порядок направления молодых ученых за границу дополнили новым требованием: «чтобы для сей цели избираемы были не только вообще люди с отличными дарованиями, но в качестве преподавателей, уже доказавшие способности свои к профессорскому званию» [6, с. 11].

Из С.-Петербургского университета в двухгодичную заграничную командировку был отправлен В. В. Бауер. В ходе поездки он посетил немецкие, французские, британские университеты, о чем отчитался («О преподавании истории в германских и английских университетах») на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» [7]. По возвращении в университет, на протяжении 1860–1870-х гг., он трудился над «Лекциями по новой истории», изданными лишь посмертно его учеником, графом А. А. Мусиным-Пушкиным [8]. В них он уделил особое внимание Германской реформации, подчеркнув ее закономерный характер и определив выступления народных низов как «все несчастье Германии». Мусин-Пушкин приложил к книге также свои воспоминания об учителе, ранее опубликованные в связи со смертью Бауера в февральской книжке за 1885 г. «Журнала министерства народного просвещения»: «Несомненная и навсегда остающаяся заслуга Василия Васильевича, как профессора, та, что он первый поставил в С.-Петербургском университете изучение новой истории и главным образом германо-романского мира на прочную научную основу. До него Новая история никогда систематично не читалась в С.-Петербургском университете, да и вообще читается она довольно редко и в других наших русских университетах», – писал он о своем учителе [9, с. 22].

В Харьковском университете для заграничной поездки отобрали уроженца Вильно М. Н. Петрова, закончившего историко-филологический факультет и к этому времени получившего степень магистра всеобщей истории. По итогам своей двухгодичной поездки по научным центрам Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии, он подготовил и издал отчет [10], а затем защитил докторскую диссертацию «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (1861) [11]. В ней даны характеристики немецких историков Л. фон Ранке, Г. фон Зибеля, И. Г. Дройзена, Л. Гейссера. Историографическая проблематика привлекла внимание молодого ученого тем, что «нигде не высказывается в такой степени самосознание нации, как в том, каким образом объясняет она свою собственную историю» [11, с. 1]. Именно в историографии можно уловить господствующее настроение века, цели и идеалы нации. Помимо характеристики представителей и направлений западноевропейской исторической науки труд Петрова знакомил с преподаванием истории в западных университетах. До 1886 г. М. Н. Петров участвовал в работе кафедры всеобщей истории в Харьковском университете, сочетая преподавательскую работу с написанием курсов лекций. Его «Очерки из всеобщей истории», впервые выпущенные в 1868 г., переиздавались четырежды, последний раз в 1904 г. [12]. «Лекции по всемирной истории» (5-томное издание) вышли в свет после смерти автора и выдержали три издания [13].

Для будущих стипендиатов было полезным еще до поездки познакомиться с историей и особенностями организации учебного процесса в западных университетах. Такая возможность появилась благодаря работам В. В. Игнатовича, которого можно считать первым русским историком западноевропейских университетов. Сам Игнатович закончил Педагогический институт при Виленском университете, получив степень магистра, с 1824 г. работал в Могилёвской гимназии, с 1834 г. – смотрителем Молодечненского уездного училища для дворян; с 1839 г. – инспектором Гродненской губернской гимназии. С 1849 г. и до конца жизни он жил и работал на разных должностях в С.-Петербурге. Параллельно писал работы по истории европейских университетов. В 1846 г. выпустил книжку о Болонском университете, а в 1861 г. – посвященную истории английских университетов, предварительно напечатанную в трех номерах «Журнала Министерства народного просвещения». Этот же журнал в 1862–1864 гг. в девяти номерах напечатал работу В. В. Игнатовича «Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни», изданную также отдельной книгой [14]. Хотя работы Игнатовича носили компилятивный характер, для своего времени они представляли определенный интерес: знакомили российское общество с основными фактами истории университетов, почерпнутыми из новейших для того времени работ зарубежных авторов. Тему немецкого университетского образования завершила изданная в 1899 г. тремя выпусками популярная работа Л. А. Богдановича «Иностранные университеты». Ее отдельный выпуск посвящен университетам Германии и студенческим годам учившихся в них знаменитых людей [15].

Постепенно начал складываться круг университетских профессоров, научные интересы которых концентрировались на германской тематике, преимущественно по средневековью. Харьковский университет окончил, в нем работал и создал многочисленные научные труды В. К. Надлер. По германской истории его исследования посвящены правлению германского короля и императора Священной Римской империи Оттона III, а также роли церковно-политического деятеля, архиепископа гамбургско-бременского, ближайшего советника императора Генриха IV Адальберта Бременского [16; 17]. Профессор Киевского университета В. А. Бильбасов в 1863 г. защитил магистерскую диссертацию «Крестовый поход Фридриха II из дома Гогенштауфенских герцогов (18 июня 1223 – 10 июня 1229)» [18]. Еще один киевский профессор, Ф. Я. Фортинский, в 1877 г. опубликовал докторскую диссертацию «Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года» [19].

Основателем «русской научной школы в области новой истории», сыгравшим важнейшую роль в воспитании плеяды новистов, стал профессор Московского университета и член-корреспондент Петербургской академии наук В. И. Герье [20, с. 130]. Он был франковедом, но оставил работы и по германистике. Так, в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1867 г. он напечатал серию статей «Лейбниц и его век», изданных спустя год отдельной книгой [21]. По словам самого Герье, по жизни Лейбница «можно изучить политическую историю Германии более чем за полвека». Он активно публиковал объемные труды и в других журналах: в «Вестнике Европы» – о средневековом мировоззрении, о теократическом начале на Западе, о Франциске Ассизском, о Катарине Сиенской [22; 23; 24; 25]. За 46 лет научно-педагогической деятельности Герье подготовил многих выдающихся специалистов, в том числе германиста Н. В. Молчановского [26]. Учениками Герье были Е. В.Тарле [27–29] и Н. И. Кареев [30], выдающиеся историки широкого спектра научных интересов, в число которых входила и германская проблематика. В свою очередь учеником Н. И. Кареева считал себя австровед П. П. Митрофанов, а В. В. Бауэра – Г. В. Форстен. Формирование в Петербурге, Москве и Киеве научных школ явилось решающим фактором формирования научно-педагогических кадров, в том числе германистов.

Начиная с 1870-х гг., заграничные командировки стали общим правилом. В университетах Германии, Франции, Швейцарии прошли научные стажировки многие российские историки, внесшие заметный, а во многих случаях и выдающийся вклад в историографию всеобщей истории. В университеты пришли молодые ученые с европейским кругозором, их научная и преподавательская деятельность позволила всеобщей истории и ее разделу – Новой истории – занять подобающее ей место. Отмена цензурных запретов на многие направления и темы в изучении истории позволила расширить исследовательское поле. Историки раздвинули границы исследований за счет Новой истории, которая для них в то время хронологически была историей Новейшей. Изучение истории и современной жизни

Германии, к этому времени завершившей объединение в единое государство, в России получило долговременно действующий импульс. Материал обогащался в том числе за счет трудов специалистов в смежных с историей областях. Профессор С.-Петербургского университета А. Д. Градовский написал работу о конституции Германской империи и труд о государственном праве важнейших европейских держав [31; 32]. Градовский выявил закономерности, которые привели почти все западноевропейские государства к конституционализму.

Политические реалии побуждали проводить исследования поворотных для судеб Европы событий. В 2-томном труде попытку максимально подробно показать войну 1813 г. (германских государств с Францией) предпринял авторитетный специалист М. Н. Богданович [33]. Он был генерал-лейтенантом, профессором кафедры военной истории и стратегии Академии Генерального штаба, официальным военным историографом. Естественно, его работа специфична, концентрирует внимание на сугубо военных аспектах.

Уже в 1860-х гг., буквально по горячим следам, вышли работы, посвященные войнам Германии последних десятилетий перед объединением, – Пруссии и Австрии против Дании 1864 г., Австро-прусской 1866 г. и франко-прусской 1870–1871 гг. войн. Капитан Генерального штаба В. Н. Чудовский по свежим впечатлениям написал военно-историографическое исследование о событиях войны 1864 г. против Дании за обладание герцогствами Шлезвигом и Гольштейном [34]. Эту же войну попытался осветить Н. Акунин, издавший в 1865 г. небольшую по объему брошюру, не отличавшуюся глубокой научностью, – «Очерк датской войны 1864 года с картой военных действий» [35]. Несравненно более высокий уровень имели «Очерки австро-прусской войны 1866 года» М. И. Драгомирова [36]. Объяснение этому – в личности автора. В годы этой войны Драгомиров, тогда еще молодой офицер, был представителем России при прусской военной ставке, а в дальнейшем стал одним из известных и авторитетных государственных и военных деятелей: начальником Николаевской академии генерального штаба, крупнейшим военным теоретиком второй половины XIX в., автором «Учебника тактики», служившего настольной книгой для нескольких поколений военачальников России.

Преподаватель Киевского женского института В. В. Андреев в 1871 г. опубликовал объемную, более чем на 400 страниц, книгу «Война за утверждение прусской гегемонии в Европе и отношение к ней России» [37], но отнести его к числу германистов вряд ли можно: указанная книга – единственная, относящаяся к германской тематике, из множества других написанных им сочинений по российской истории. Далек от исторической науки был М. Н. Анненков, на вершине карьеры ставший генералом от инфантерии, а в молодости по служебным обстоятельствам оказавшийся автором: в 1871 г., во время франко-прусской войны, он был послан в прусскую армию – по возвращении из командировки издал брошюру «Заметки и впечатления русского офицера» [38]. Е. М. Феоктистов, юрист по универси-

тетскому образованию, на базе знаний, полученных во время поездок в европейские страны написал несколько журнальных статей по новой истории, преимущественно английской, французской и итальянской. Большинство из них было напечатано в известных журналах «Русский вестник» и «Отечественные записки». Ему принадлежит книга «Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны» [39]. Как известно, внешняя политика императрицы была направлена на ослабление Пруссии, в годы Семилетней войны между Францией и Россией был заключен оборонительный союз, в 1756 г. Россия объявила войну Пруссии и в следующем году начала военные действия. Описание и оправдание этих событий оказались в русле одного из актуальных направлений российской внешней политики.

Выход на авансцену российской внутренней политики проблемы реформирования системы местного управления вызвал необходимость анализа европейской практики в этом направлении. Нашлись и способные решить эту задачу специалисты. Выпускник историко-филологического отделения Казанского университета Н. И. Второв, участвовавший в подготовке многотомных изданий Министерства внутренних дел «Городские поселения в Российской империи» и «Экономическое состояние городских поселений Европейской России», использовал поездки в Европу для сбора материалов, на основе которых издал книгу «Сравнительное обозрение муниципальных учреждений Франции, Бельгии, Италии, Австрии и Пруссии» [40]. Еще один специалист в области местного самоуправления, выпускник юридического факультета Казанского университета В. В. Ивановский в 1883–1884 гг. стажировался за границей, что позволило ему стать автором нескольких трудов, в том числе книги «Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии» [41].

В связи с остротой аграрного вопроса после отмены крепостного права в России и решением его в соответствии с прусской моделью особую актуальность приобрел зарубежный опыт. В эту проблему погружались в том числе те, кто не был профессиональным историком, представители диаметрально противоположных социальных слоев. Так, крупный землевладелец, родоначальник кооперативного движения в России, князь А. И. Васильчиков задался целью разрешить вопрос о реальных предпосылках реализации крестьянством благ, полученных в результате отмены крепостного права. Для этого ему пришлось обратиться к опыту Англии, Франции, Германии, обобщенному в монографии «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах» [42]. Состояние аграрных отношений в странах Западной Европы его нигде не удовлетворяет, везде социальные смуты и эмиграция, главная причина которых в безземелье сельскохозяйственного производителя. Европейская цивилизация и германская культура есть ни что иное, как «великое общественное зло», – доказывал А. И. Васильчиков. Западный опыт он сопоставлял с российской действительностью. Сочинение Васильчикова вызвало в свое время широкий общественный резонанс.

Три десятилетия спустя после появления книги Васильчикова появился труд Н. М. Величкина, посвященный истории освобождения крестьян в трех странах – Англии, Германии, Франции. В ней он исследует происхождение поместной власти в Западной Европе, рассматривает появление и особенности крепостного права в каждой из трех стран, описывает крестьянские войны и восстания, приведшие в итоге к его падению, освещает последствия отмены крепостного права как для крестьян, так и для феодалов [43]. Наконец, в 1916 г. появилась книга Н. С. Гольдина «Падение сословно-земского строя в Прусской монархии» [44]. Сам он с 1906 г. работал приват-доцентом Харьковского университета, в советские годы (1925–1928) заведующим кафедрой европейской культуры Харьковского института народного образования. Как показал Гольдин, реформы, проведенные прусским правительством в 1807–1809 гг., в условиях французской оккупации, стали одним из звеньев крупных военно-политических, социально-экономических, идеологических и морально-психологических потрясений, испытанных германским народом в эпоху наполеоновских войн. Ключевым моментом прусских реформ явились отмена крепостного права и попытки решения земельного вопроса. Как известно, именно прусский путь освобождения крестьян был взят за образец в России.

В российской исторической науке сравнительно небольшим количеством работ была представлена австрийская история. Начало систематического изучения истории Австрии связано с именем С. Н. Палаузова. Учился в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах, где получил степень доктора политико-экономических наук. Был избран действительным членом Императорского общества истории и древностей российских, служил чиновником, в том числе в Министерстве иностранных дел и Министерстве народного просвещения. Опубликовал ряд трудов по истории Болгарии и Румынии, а также работу «Австрия со времени революции 1848 года» [45]. Эта книга, страноведческая по своему содержанию, давала сведения по истории, административно-политическому устройству, внутренней и внешней политике страны в узких хронологических рамках – книга была издана в 1860 г., т.е. освещала состояние австрийских дел и события, современником и свидетелем которых был сам автор.

В России интерес к истории и политике Австрии, и шире – Габсбургской монархии – усилился на рубеже XIX–XX вв. Первым, кто в российской историографии поставил вопрос о необходимости изучения собственно австрийских земель как основы государственности монархии Габсбургов, был П. П. Митрофанов. Основной сферой научных интересов Митрофанова стала история Австрии Нового времени. Ей были посвящены его главные научные труды. Написанную по итогам командировки 1901–1904 гг. магистерскую диссертацию о политической деятельности Иосифа II он опубликовал на русском и немецком языках [46] и успешно защитил в 1907 году. В ней Митрофанов впервые в России на широкой документальной основе исследовал историю самостоятельного правления императора

«Священной Римской империи германской нации» Иосифа II (с 1765 по 1780 г. он был соправителем своей матери, императрицы Марии-Терезии). В поле зрения Митрофанова попали проведенные Иосифом II вопреки противодействию оппозиции административная, военная, судебная и сословная реформы, основные направления внешней политики. Одним из оппонентов на защите диссертации был Н. И. Кареев, отметивший фундаментальность и высокую научную ценность исследования П. П. Митрофанова [47]. В 1909–1910 гг. был в новой командировке, в ходе которой собрал обширный корпус документов. На его основе написал и издал монографию о политике австрийского императора Леопольда II по отношению к Франции периода революции конца XVIII века [48]. И это исследование получило высокую оценку Н. И. Кареева, написавшего в рецензии: «…везде П. П. Митрофанов выступает не только знатоком фактического материала, но и критиком мнений, высказывавшихся прежними историками» [49, с. 108]. Однако завершить ее и защитить диссертацию помешали болезнь и невозможность собрать дополнительный материал в связи с начавшейся Первой мировой войной.

Научным достижением ученого также являются его исследование об оппозиции реформе Иосифа II в Венгрии [50] и обобщающий труд по истории Австрии [51]. В нем П. П. Митрофанов излагает историю Австрии с древнейших времен до конца правления императора Леопольда II в 1792 году. В книге внимание акцентируется на событиях, связанных с так называемыми «немецкими землями», составлявшими ядро Габсбургской монархии. Митрофанов исходит из того, что в истории Австрии в полной мере отражены такие типичные для западноевропейской истории явления, как реформация, католическая реакция, «просвещенный абсолютизм». Митрофанова как историка высоко ценили современники [52]. С ними согласны и крупнейшие ученые следующих поколений: В. П. Бузескул, например, утверждал, что исследование о политической деятельности Иосифа II – «выдающийся большой труд» [1, с. 212]. Работы П. П. Митрофанова во многом сохраняют свою актуальность, о чем свидетельствует переиздание «Истории Австрии»: впервые опубликованная в начале XX в., она в 2003 и 2010 гг. вышла в свет вторым и третьим изданиями.

Заметный вклад в изучение истории Австрии внес С. Г. Лозинский. Он был крупным историком, высоко оцененным современниками. Н. И. Кареев в своем труде «История Западной Европы» поместил обширный список литературы по истории Австро-Венгрии, в нем оказалась всего одна работа русского автора – это была книга С. Г. Лозинского «Национальный вопрос и политические партии в Австрии». Лозинский своими семейными корнями связан с Беларусью: в 1895 г. он окончил гимназию в Слуцке. В 1895–1897 гг. учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, где специализировался по социально-экономической истории Нового времени у профессора И. В. Лучицкого. Посещал лекции в Берлинском университете. Образование продолжил в Брюссельском университете и в Парижской высшей школе социальных наук, которую окончил в 1904 году.

В обширной сфере научных интересов Лозинского значительное место заняла история Габсбургской империи. Ей он посвятил два исследования [53; 54]. В книге «Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии» представлена внутренняя и внешняя политика страны от революции 1848 г. до аннексии Боснии и Герцеговины. Острота национальных противоречий диктовала необходимость реформ. Исследователь подробно анализирует политику правительств Австрии в 60–90-е гг. XIX века. Лозинский подробно рассматривает особенности политики правительства А. Ауэрсперга, Э. Тааффе, Э. Кербера, К. Бадени, отмечая их полную неспособность стабилизировать положение в стране в условиях набирающего силу противостояния австро-немцев с чехами, словенцами и итальянцами. Либеральные реформы и политика национальных компромиссов, напротив, еще больше подогревали австро-немецкий национализм части населения Австрии. С. Г. Лозинский был уверен в том, что национализм стал в конце XIX – начале XX в. главным препятствием успешного развития Австрии.

Крупнейшим знатоком социально-политических и национальных отношений в Габсбургской монархии был А. Л. Погодин. Родился он в Витебске, в 1894 г. окончил С.-Петербургский университет. С 1901 г. – магистр, с 1904 г. – доктор славянской филологии. Работал преподавателем гимназии в Петербурге, профессором Варшавского (1902–1908) и Харьковского (1910–1919) университетов. С конца 1919 г. находился в эмиграции, в 1919–1941 гг. был сначала преподавателем, а затем профессором Белградского университета. Погодин внес важнейший вклад в изучение истории и культуры Болгарии, Польши, Сербии, Черногории, на широком фоне социально-политического развития исследовал положение поляков в Германской, Габсбургской и Российской империях, чехов и русинов в Австрии. В фундаментальной обобщающей монографии «Славянский мир» А. Л. Погодин на основе широкого круга ранее неизвестных источников всесторонне охватил наиболее острые проблемы политического, социального и экономического положения славянских народов в начале XX века [55]. Его труд, вне сомнений, сохраняет научную ценность и в наше время.

После завершения объединения немецких государств и создания Германской империи (без Австрии в ее составе) освещение проблем истории германских государств происходило и на страницах периодической печати. Авторами выступали как профессиональные историки, так и журналисты. Для первых публикация текстов в журналах была преддверием к выпуску монографий, для вторых – окончательным итогом разработки темы. В числе историков, публиковавшихся в журналах, было немало первоклассных специалистов, например, уже упоминавший В. И. Герье.

А. С. Трачевский опубликовал в журнале «Исторический вестник» статью «Пруссия в Крымскую войну» [56]. Под влиянием событий Австро-прусской войны 1866 г., Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и образования Германской империи в журнале «Вестник Европы» он поместил серию статей на общую тему «Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II,

Иосифа II. 1780–1790» [57]. В них, а затем и в отдельной монографии, вышедшей под таким же названием [58], он рассматривал «союз князей» как один из важных этапов объединения Германии под главенством Пруссии. В связи с празднованием в Германии 25-летия образования империи поместил в «Вестнике Европы» статьи, охарактеризованные им самим как «исторические этюды» и названные «Германия накануне революции» [59]. Когда впоследствии на их основе вышла книга, он уточнил название: «Германия накануне революции и ее объединение» [60]. Знаменитый автор 29-томной «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьёв, уже будучи ректором Московского университета и академиком С.-Петербургского университета, также разместил в «Вестнике Европы» серию статей, составивших впоследствии книгу «Александр Первый. Политика – дипломатия», разделы которой посвящены «эпохе коалиций» и «эпохе конгрессов» [61]. Г. В. Форстен в «Журнале Министерства народного просвещения» обнародовал несколько статей о внешней политике курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского [62].

На протяжении 1914–1917 гг. в журнале «Голос минувшего» выходили статьи будущего профессора БГУ В. Н. Перцева о деятельности прусско-германских государей [63], объединенные в 1918 г. под одной обложкой в книге «Гогенцоллерны» [64]. В предисловии к ней Перцев отмечал, что для современного читателя «личности и политическая деятельность прусско-германских государей представляют собой далеко не один только биографический интерес. Прусские короли и их наследники, и – германские императоры, – сумели согласовать свои личные стремления с некоторыми основными направлениями исторической жизни своей родины, и в характерах наиболее выдающихся из их представителей мы видим отражение очень крупных течений прусско-германской истории» [64, с. 1].

Общественно-политические журналы стремились откликнуться на животрепещущие вопросы современности, что вывело на авансцену тех авторов, кто полагал себя компетентным в проблемах европейской политики. Авторы журнальных публикаций стремились показать предпосылки и последствия образования Германской империи для Европы и России, роль в объединении Пруссии ее лидеров – короля Вильгельма I и канцлера Бисмарка. Но журнальных статей по германской проблематике было немного, выходили они не так уже и часто, но представление о текущих европейских событиях давали. Профессор Новороссийского университета И. А. Ивановский поместил обстоятельную статью в «Вестнике Европы» о соответствии деятельности Бисмарка принципам конституционализма [65].

С большей или меньшей активностью и периодичностью на страницах журналов выступала небольшая группа авторов. Заметный след в журнальной германистике оставили корреспонденты российских журналов, постоянно жившие и работавшие в Берлине (Г. Б. Иоллос, Г. А. Гроссман, П. А. Берлин) и Вене (П. И. Звездич). Например, П. А. Берлин опубликованные им журнальные статьи положил в основу книги «Политические партии на Западе». В ней он

охарактеризовал французские, английские и немецкие консервативные, либеральные и социалистические партийные объединения [66]. В еще одной своей работе – книге «Германия накануне революции 1848 г.: очерки общественной жизни и мысли в Германии 30-х и 40-х гг. XIX столетия» (1906) – П. А. Берлин представил широкую панораму общественно-политической жизни Пруссии с конца XVIII в. до восшествия на трон в 1840 г. Фридриха-Вильгельма IV накануне революции 1848 года. Автор показал реалии германской истории, ответную реакцию на политические события и роль в них многих выдающихся деятелей. Смысл работы Берлина – в осуждении абсолютизма. За тот же исторический факт, что немецкий абсолютизм «в сороковых годах (в революции 1848 г. – *И. Ч.*) был разбит, но не был добит до конца», «приходится горько расплачиваться еще и нынешнему поколению немецких граждан» [67]. Для читателя было нетрудно провести аналогии с Россией, чего и добивался П. А. Берлин сначала своими статьями в прессе, а затем и книгой, вышедшей в разгар Первой российской революции.

И все-таки, несмотря на появление отдельных серьезных работ и рост числа журналистских публикаций, масштабы исследований не соответствовали тому вниманию, которое проявляло российское общество к Германии исходя из политических, социально-экономических, культурологических и иных мотивов. Исследователей, желавших заниматься историей отдельных германских образований, было мало. Объединение немцев под эгидой Пруссии в единую Германскую империю произошло всего за 45 лет до начала Первой мировой войны, поэтому профессиональных историков – тех, кто хотел бы посвятить себя исследованию современных для того времени проблем германской истории, сдерживала недоступность архивных источников: документальные свидетельства эпохи еще не отложились в архивах, в которых исследователи были приучены работать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бузескул, В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В. П. Бузескул. – М. : Индрик, 2008. – 831 с.
2. Русское богатство. – 1893. – № 6. – С. 5.
3. *Петухов, Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): Ист. очерк: Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865) / Е. В. Петухов. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1902. – 4, 605, 39 с.
4. [Грановский, Т. Н.]. Лекции Т. Н. Грановского по истории Средневековья. (Авт. конспект и записи слушателей) / Т. Н. Грановский; предисл. и примеч. С. А. Асиновской. – М. : изд-во АН СССР, 1961. – 240 с.
5. *Куторга, М. С.* Политическое устройство германцев до шестого столетия / М. С. Куторга. – СПб.: тип. Х. Гинце , 1837. – [4], 115 с.
6. Годичный торжественный акт в Императорском СПб. университете, бывший 8 февраля 1857 г. – СПб.: тип. Э. Веймара, 1857. – С. 11.

7. О преподавании истории в германских и английских университетах (Отчеты магистра В. Бауэра) // Журнал Министерства народного просвещения, 1861. – Ч. CXII. – № 10–12. – Отд. 3. – С. 43–56.
8. *Бауер, В. В.* Лекции по новой истории профессора В. В. Бауера, читанные в С.-Петербургском университете / В. В. Бауер. – СПб.: изд. графа А. А. Мусина-Пушкина, 1886–1888. – Т. I–II.
9. *Мусин-Пушкин, А. А.* Воспоминания о Василье Васильевиче Бауере одного из его учеников / А. А. Мусин-Пушкин // Бауер В. В. Лекции по новой истории профессора В. В. Бауера, читанные в С.-Петербургском университете. – СПб. : изд. графа А. А. Мусина-Пушкина, 1886–1888. – Т. I. – С. 22.
10. *Петров, М. Н.* Отчет о занятиях адъюнкта Харьковского университета М. Н. Петрова, в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии с июля 1858 г. по июль 1860 г. / М. Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – 76 с.
11. *Петров М. Н.* Новейшая национальная историография в Германии**,** Англии и Франции: Сравнит. ист.-библиогр. обзор / М. Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1861. – [6], VIII, [2], 311 с.
12. *Петров, М. Н.* Очерки из всеобщей истории / М. Н. Петров. – Харьков: Унив. тип., 1868. – 536 с.
13. *Петров, М. Н.* Лекции по всемирной истории: в 5 т. 3-е изд. 1913–1916 / под ред. проф. В. К. Надлера / М. Н. Петров.– Харьков: Д. Н. Полуехтов, 1888–1894; 2-е изд. 1906–1910.
14. *Игнатович, В. В.* Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни / В. В. Игнатович. Ч. 1. – СПб. : тип. Рогальского и К°, 1864. – Ч. 1. – 244 с.
15. Иностранные университеты / сост. под ред. [и с предисл.] Л. А. Богдановича. Вып. 1–3. – М.: Об-во распространения полез. кн., 1899–1900. – Вып. 1: Университеты Германии и годы студенчества ее знаменитых людей, 1899. – IV, 303 с.
16. *Надлер, В. К.* Император Оттон III и его время / В. К. Надлер. – Харьков: Унив. тип., 1865. – 30 с.
17. *Надлер, В. К.* Адальберт Бременский, правитель Германии в молодые годы Генриха IV / В. К. Надлер. – Харьков: Унив. тип., 1867. – [2], IV, VIII, 422 с.
18. *Бильбасов, В. А.* Крестовый поход Фридриха II из дома Гогенштауфенских герцогов (18 июня 1223 – 10 июня 1229): Рассуждение В. Бильбасова / В. А. Бильбасов. – СПб.: тип. И. Огризко, 1863. – [4], II, 226, V с.
19. *Фортинский, Ф. Я.* Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года [Докт. дис.] Ф. Фортинского / Ф. Я. Фортинский. – Киев: Унив. тип., 1877. – [2], II. – 419 с.
20. *Бутенко, В. И.* Наука новой истории в России (историографический обзор) / В. И. Бутенко // Анналы. Журнал всеобщей истории. – 1922. – № 2. – С. 130.
21. *Герье, В. И.* Лейбниц и его век: в 2 т. / В. И. Герье. – СПб., 1868–1871.
22. *Герье, В. И.* Средневековое мировоззрение, его возникновение и идеал / В. И. Герье // Вестник Европы. – 1891. – № 1–4.

23. *Герье, В. И.* Торжество теократического начала на западе / В. И. Герье // Вестник Европы. – 1892. – № 1–2.
24. *Герье, В. И.* Франциск Ассизский / В. И. Герье // Вестник Европы. – 1892. – № 5–6.
25. *Герье, В. И.* Катарина Сиенская / В. И. Герье // Вестник Европы. –1892. – № 9–10.
26. *Молчановский, Н. В.* Цеховая система в Пруссии XVIII в. и реформа цехов при Штейне и Гарденберге / Н. В. Молчановский. – Киев: Унив. тип. В. И. Завадского, 1887. – [2], VIII, 490, IV с.
27. *Тарле, Е. В.* Континентальная блокада: в 2 т. / Е. В. Тарле.– М. : Задруга, 1913–1916.
28. *Тарле, Е. В.* Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX в. / Е. В. Тарле. – СПб. : тип. т-ва М. О. Вольф, 1903. – [2], II, 367, [2] с.
29. *Тарле, Е. В.* Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки Тарле Е. В. / Е. В. Тарле. – Ч. 1. – СПб.; М. : т-во М. О. Вольф, 1907. – [4], 206, [1] с.
30. *Кареев, Н. И.* История Западной Европы в Новое время (Развитие культурных и социальных отношений) / Н. И. Кареев, в 7 т.; 9 кн. – СПб., 1892–1917.
31. *Градовский, А. Д.* Германская конституция / А. Д. Градовский. – Ч. I. Исторический очерк; Ч. II. Обзор действующей конституции. – СПб. : тип. В. С. Балашева, 1875–1876. – 2 т.
32. *Градовский, А. Д.* Государственное право важнейших европейских держав / А. Д. Градовский. – Т. 1. – Часть историческая. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1886.
33. *Богданович, М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам: в 2 т. / М. И. Богданович. – СПб. : тип. штаба воен.-учеб. заведений, 1863.
34. *Чудовский, В. Н.* Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года / В. Н. Чудовский. – СПб. : тип. т-ва «Обществ. польза», 1866. – [2], 299 с.
35. *Акунин, Н.* Очерк датской войны 1864 года с картой военных действий / Н. Акунин. – СПб., 1865.
36. *Драгомиров, М. И.* Очерки австро-прусской войны 1866 года. С большим планом Кениггрецкого поля сражения (с картою и 5-ю планами сражений) / М. И. Драгомиров; сост. М. Драгомиров при содействии Ф. А. Фельдмана. – СПб. : тип. Деп. уделов, 1867. – [2], 238 с.
37. *Андреев, В. В.* Война за утверждение прусской гегемонии в Европе и отношение к ней России / В. В. Андреев. – СПб.: тип. М. Хана, 1871. – VIII, 442, [2] с.
38. *Анненков, М.* Война 1870 г. Заметки и впечатления русского офицера / М. Анненков. – СПб., 1871. – 175 с.
39. *Феоктистов, Е. М.* Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны / Е. М. Феоктистов. – М. : Унив. тип., 1882. – 204 с.

40. *Второв, Н.* Сравнительное обозрение муниципальных учреждений Франции, Бельгии, Италии, Австрии и Пруссии: с присовокуплением очерка мест. самоуправления в Англии / Н. Второв. – СПб. : Мин-во внутр. Дел; тип. К. Вульфа, 1864. – 375 с.
41. *Ивановский, В.* Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии: исслед. В. Ивановского [дис.] / В. Ивановский. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1886. – 321 с.
42. *Васильчиков, А.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах / А. Васильчиков. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1876–1881. Т. 1: Эмиграция. Земледелие: во Франции, в Англии, Германии, России, 1876.
43. *Величкин, Н.* М. Освобождение крестьян в Англии, Германии и Франции / Н. М. Величкин. – М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 200 с.
44. *Гольдин, Н. С.* Падение сословно-земского строя в Прусской монархии / Н. С. Гольдин. – Харьков : Унив. тип., 1916. – 362 с.
45. *Палаузов, С. Н.* Австрия со времен революции 1848 года / С. Н. Палаузов. – СПб. : Д. Е. Кожанчиков, 1860. – [4], 113 с.
46. *Митрофанов, П. П.* Политическая деятельность Иосифа II, её сторонники и враги (1780–1790) / П. П. Митрофанов. – СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с. (Записки Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета; Ч. 83).
47. *Кареев Н. И.* Книга об Иосифе II как представителе и деятеле просвещенного абсолютизма / Н. И. Кареев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1907. – № 11.
48. *Митрофанов, П. П.* Леопольд II Австрийский. Внешняя политика / П. П. Митрофанов. – Пг. : тип. «Науч. дело», 1916. – 1 т. (Записки Историко-филологического факультета Петроградского университета; Ч. 131). Внешняя политика: Ч. 1. – 1916. – [8], 464 с.
49. *Кареев Н. И.* Рецензия на книгу: Митрофанов П. П. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика / Н. И. Кареев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – № 7. – С. 108.
50. *Митрофанов, П. П.* Оппозиция реформе Иосифа II в Венгрии / П. П. Митрофанов. – СПб. : тип. Акад. наук, 1905. – [2], 35 с.
51. *Митрофанов, П. П.* История Австрии / П. П. Митрофанов. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. – Ч. 1. С древнейших времен до 1792 г. – 1910. – [4], 158 с. (История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время; под ред. Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого).
52. П. П. Митрофанов (некролог) // Гермес. – 1917. – № 6 (192). – С. 134–187.
53. *Лозинский, С. Г.* Национальный вопрос и политические партии в Австрии / С. Г. Лозинский. – СПб. : Серп, 1907. – 83 с.
54. *Лозинский, С. Г.* Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии / С. Г. Лозинский. – Пг. : Брокгауз-Ефрон, 1916. – VIII, 205, [3] с.
55. *Погодин, А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года / А. Л. Погодин. – М.: тип. т-ва И. Д. Сытина , 1915. – VIII, 420 с., [3] л. карт.

56. *Трачевский, А. С.* Пруссия в Крымскую войну / А. С. Трачевский // Исторический вестник. – 1888. – № 5. – С. 335–360; № 6. – С. 585–609; № 7. – С. 45–60.
57. *Трачевский А. С.* Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II (1780–1790) / А. С. Трачевский // Вестник Европы. – 1876. – № 4–12.
58. *Трачевский, А. С.* Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II (1780–1790) / А. С. Трачевский. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1877. – IV, 528 с.
59. *Трачевский, А. С.* Германия накануне революции. Исторические этюды / А. С. Трачевский // Вестник Европы. – 1875. – № 5–8.
60. *Трачевский, А. С.* Германия накануне революции и ее объединение / А. С. Трачевский. – СПб. : тип. О. Н. Попова, 1898. – VI, 294 с.
61. *Соловьев, С. М.* Александр Первый. Политика – дипломатия / С. М. Соловьев. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, [1877]. – [4], 563 с.
62. *Форстен, Г. В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского / Г. В. Форстен // Журнал Министерства народного просвещения. – 1900. – № 6–8, 10.
63. *Перцев, В. Н.* Политика Гогенцоллернов / В. Н. Перцев // Голос минувшего. – 1914. – № 11–12; 1915. – № 6, 7–8; 1917. – № 5–6.
64. *Перцев, В. Н.* Гогенцоллерны: характеристика личностей и обзор политической деятельности / В. Н. Перцев. – М.: Задруга, 1918. – 226 с.
65. *Ивановский, И.* Конституционализм и князь Бисмарк / И. Ивановский // Вестник Европы. – 1892. – Кн. 6. – С. 613–653.
66. *Берлин, П. А.* Политические партии на Западе, их доктрины, организация и деятельность / П. А. Берлин. – СПб. : Дело, 1907. – 268, [1] с.
67. *Берлин, П. А.* Германия накануне революции 1848 г. / П. А. Берлин. – СПб. : Г. Ф. Львович, 1906. – [2], 320 с.

А. М. Кушнярэвіч

НЯМЕЦКІЯ ЎПЛЫВЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ЖЫВАПІСЕ (першая палова XIX ст.)

На сучасным этапе развіцця міжнародных адносін Германія пераўтварылася ў адну з вядучых еўрапейскіх краін, якая дынамічна развіваецца і ўплывы якой на палітычныя, эканамічныя і культурныя працэсы ў свеце пастаянна ўзрастаюць, таму развіццё двухбаковых кантактаў з Германіяй у розных сферах дзейнасці ўяўляе для нашай краіны вялікую цікавасць. Асновай жа для паўнавартаснага ўзаемнага культурнага супрацоўніцтва з'яўляюцца, з аднаго боку, унікальнасць і самабытнасць культурных традыцый абедзвюх краін, а з другога – назапашаны ў папярэднія часы прадуктыўны вопыт двухбаковых культурных стасункаў, які можа стаць

асновай далейшых плённых міжкультурных кантактаў і прадметам навуковых даследаванняў, што вызначае актуальнасць заяўленай у артыкуле праблемы даследавання.

У XIX ст. нямецкія ўплывы ў беларускім жывапісе найперш праявіліся ў распаўюджванні стылю *бідэрмаер*. Яго іранічная назва паходзіць ад літаратурнага псеўданіма двух паэтаў: Людвіга Эйхродта і Адольфа Кусмаўля. Вядома, што яны пад імем Готліба Бідэрмаера друкавалі сатырычныя вершы ў мюнхенскім часопісе «FliegendeBlätter». *Бідэрмаер*, па задуме аўтараў, – тыповы дробны бюргер, увасабленне абывацельскага здаровага сэнсу. Прозвішча гэтага выдуманага персанажа паходзіць ад нямецкага слова *bieder*‘сумленны, але недалёкі, па-абывацельску абмежаваны’ [1].

Гэты стыль атрымаў распаўсюджванне ў Еўропе ў перыяд 1815–1848 гг. (пасля Венскага кангрэса і да сакавіцкай рэвалюцыі), галоўным чынам у Германіі і Аўстрыі. У якасці прычын яго ўзнікнення і далейшага распаўсюджвання ў Еўропе даследчыкі называюць стомленасць ад сацыяльных і палітычных катаклізмаў эпохі напалеонаўскіх войнаў, якія выклікалі ў бюргерскім грамадстве жаданне збегчы ад грамадскіх праблем і глабальных катаклізмаў, абмежавацца камфортным існаваннем у сваім утульным хатнім кутку. На змену рэвалюцыйным настроям прыйшла патрэба ў спакойным жыцці. Акрамя таго, у гэтую эпоху ў Германіі настаў перыяд рэстаўрацыі, калі былі ліквідаваны пераўтварэнні напалеонаўскай Францыі, узмацнілася сістэма вышуку і самавольства ўладаў. Была ўзмоцнена цэнзура супраць палітычнай апазіцыі. Самай вядомай ахвярай сярод вольналюбівых паэтаў таго часу стаў Генрых Гейнэ, які быў вымушаны ў 1831 г. эмігрыраваць у Парыж. Буржуазная грамадскасць Германіі, у адрозненне ад англійскай і французскай, не мела палітычнага ўплыву і была вымушана задавальняцца сямейнай сферай і культам прыватнага жыцця [2, с. 204].

Адпаведна паўсюдна распаўсюджаным уяўленням бідэрмаер часам лічыцца ўвасабленнем прыватнага жыцця і хатняй утульнасці. Дзіцячыя твары, бюргеры, перапоўненыя пачуццём уласнага гонару, прыгожыя дамы з цёплай сямейнай атмасферай, утульныя інтэр’еры і жывапісныя гарадскія вуліцы – падобныя вобразы ствараюць уражанне пра гэтую эпоху [3, с. 6].

Найбольшае распаўсюджванне бідэрмаер атрымаў у Германіі і Аўстрыі, а таксама ў Даніі і Нідэрландах. Яго праявы маюцца таксама ў культуры іншых еўрапейскіх краін. У Расіі гэты стыль закрануў найперш еўрапеізаваную частку насельніцтва. Бідэрмаерская эстэтыка сустракаецца ў Пушкіна ў «Аповесцях Белкіна» і ў іншых аўтараў таго часу, а таксама ў мастакоў В. Трапініна, А. Веніцыянава, П. Фядотава, выступаючы як антытэза халоднай і афіцыйнай пецярбургскай рэчаіснасці [1].

Бідэрмаер – гэта не проста стыль, а адлюстраванне грамадскай атмасферы эпохі, вобраза жыцця, густаў і светапогляду прадстаўнікоў бюргерства. Гэта комплексная з’ява, якая ахапіла літаратуру, філасофію, мастацтва, думку свайго часу. Галоўнымі ж характарыстыкамі стылю *бідэрмаер* з’яўляюцца апалітычнасць, прыватнасць, бесканфліктнасць.

Вызначальны ўплыў на яго развіццё аказаў буржуазны светапогляд. Нямецкае мастацтва першай паловы XIX ст. характарызавалася тым, што бюргерства як заказчык твораў мастацтва пачало канкурыраваць з дваранствам. Стыль жа адпавядаў вобразу жыцця, магчымасцям, а таксама матэрыяльным і духоўным запатрабаванням прадстаўнікоў буржуазных слаёў грамадства. Уласцівыя гэтаму стылю карціны невялікага і сярэдняга фармату ўказваюць на асноўнага заказчыка – бюргераў невялікага і сярэдняга дастатку, якія ўпрыгожваюць імі жылую прастору. Таму невыпадкова бідэрмаер характарызуюць яшчэ і як бюргерскую эпоху ў культуры, калі на першы план сталі выходзіць каштоўнасці паўсядзённага, буржуазнага, гарадскога жыцця. Прыйшоўшы на змену пафаснаму і нежылому ампіру, бідэрмаер пачаў ухваляць утульнасць, простыя чалавечыя каштоўнасці, зручнасць і сямейнае шчасце. На карцінах таго часу перад гледачом ва ўсіх дэталях прадстаюць хатні быт і ціхія сямейныя радасці добрапрыстойнага бюргера, таму ў выбары сюжэтаў вялікую ролю адагрывае партрэт, сям'я, жылое памяшканне [4, с. 7]. Вельмі папулярнымі былі творы з выявамі інтэр'ера альбо людзей у інтэр'ерах за хатняй працай. Тыповая карціна – дзяўчына ў сціплым пакоі, якая схілілася над вышываннем ці кнігай. Сэжэтам уласцівы хатне-інтымны сцэнарый: кветкі ў гаршках, шыццё ў руках жанчын, простая, але зручная мэбля.

У другой трэці XIX ст. падчас станаўлення буржуазна-мяшчанскага вобраза жыцця і развіцця стылю *бідэрмаер* выпрацоўвалася новая стылёва-жанравая іерархія мастацтва, запатрабаванага не столькі храмам і палацам, колькі сціплай сядзібай і гарадской кватэрай. На змену манументальна-дэкаратыўным формам мастацтва прыйшлі малафарматныя пейзаж, нацюрморт ды інтэр'ер, а таксама вялікая разнастайнасць бытавых матываў, якія аказаліся найбольш прыдатнымі для ўвасаблення свайго часу. Сюжэтна-тэматычная карціна і партрэт, хоць і звязаны з папярэдняй традыцыяй, але таксама набываюць больш камерны характар. Паўсядзённасць з яе звыкласцю і паўтаральнасцю аказалася больш прыцягальнай, чым вялікія ідэі асветніцтва і рамантызма, якія сябе не апраўдалі [5, с. 71–72].

На Беларусі станаўленне стылю прыпадала на перыяд рэакцыйнай палітыкі царызму і ў пэўным сэнсе было натуральным імкненнем грамадства кансерваваць свой лад жыцця праз зварот да сям'і і паэтызацыю штодзённасці. Гэтая тэндэнцыя не пярэчыла папярэднім – культу шляхецкага роду (сарматызм) і натуральных сямейных адносін (сентыменталізм). Інтэлігенцыя таго часу пераважна паходзіла з дробнай шляхты альбо мяшчанства, і гэты асяродак яшчэ захоўваў памяць пра шляхетны вобраз жыцця. Накіраванасць бідэрмаеру на захаванне сямейных традыцый найлепшым чынам служыла патрэбам беларускай культуры, бо ахоўвала яе прастору ад імперскага ціску і русіфікацыі. Пры гэтым мастацтва імкнулася прымірыць супярэчнасці паміж класіцызмам і рамантызмам, з аднаго боку, і рамантызмам і рэалізмам – з другога. Апрача таго, у кожнай краіне на

дадзеную аснову накладваліся ўласцівыя для кожнай нацыянальнай школы адметнасці. У англійскім мастацтве заўсёды быў адчувальны ўплыў сентыменталізму, у нямецкім – рамантызму, у беларускім – барока [2, с. 27–28].

Беларускія мастакі, якія працавалі ў гэтым стылі, імкнуліся да адлюстравання не сталічнага ўрбаністычнага асяроддзя, а краявідаў сельскай мясцовасці. Многія з іх не мелі стацыянарных майстэрняў, таму ў іх выпрацавалася звычка працаваць на пленэры. Істотнай прычынай з'яўлення прац у гэтым стылі была адсутнасць афіцыйных заказаў, што прымусіла беларускіх мастакоў шукаць новыя формы выяўленчага мастацтва. Узнікла ўвага да гарадскога пейзажа, архітэктурных помнікаў і маляўнічых краявідаў. У працах І. Шчадроўскага «Дарога ў лесе» (1836), «Паляўнічыя» (1839), «Пейзаж з паляўнічымі» (1839) назіраюцца элементы стылю. Літаграфія К. Русецкага «Пейзаж з скачкамі» (каля 1850-х гг.) характарызуе своеасаблівасць беларускага бідэрмаеру: цікавасць да нацыянальнай тэмы і яе самабытнае адлюстраванне. Гэта таксама ўласціва пейзажам І. Хруцкага «Сніпішкі. Прадмесце Вільні», «Да святога месца» (1840-е гг.), «Выгляд у маёнтку Жыровічы» (1847). У працах І. Хруцкага праявіліся рысы бідэрмаеру, стылявыя асаблівасці якога заключаюцца ў наступным: спалучэнні мастацка-эстэтычных функцый з утылітарнымі, дзе канкрэтызуецца прыроднае асяроддзе як спосаб мастацкага адлюстравання свету [2, с. 29–30; 6, с. 47–48]. Раней лічылася, што бідэрмаер з'яўляецца пераважна нямецка-аўстрыйскай мастацкай з'явай. На погляд сучасных даследчыкаў, і ў іншых нацыянальных мастацкіх школах, у тым ліку рускай і беларускай, можна знайсці блізкія яму аналогіі, якія склаліся пад уплывам нямецкага мастацтва. Сам тэрмін *бідэрмаер* з'явіўся толькі ў 1850 г., пасля зыходу гэтага мастацкага накірунка. Эстэтыка стылю не несла ў сябе змястоўных глабальных задач. Яна звернута да пейзажу, інтэр'еру, да матываў, якія падкрэсліваюць сціпласць, утульнасць рэальнага чалавечага існавання ў рамках рэальнай прасторы [4, с. 6].

Такім чынам, у дадзеным кантэксце гаворка ідзе не аб усебаковым уплыве бідэрмаеру на беларускае мастацтва першай паловы XIX ст., а толькі на яго асобныя жанры. Даследчыкі гэтага стылю прасачылі ў ім складаную жанравую структуру: партрэт, бытавую карціну, пейзаж.

ЛІТАРАТУРА

1. *Чеснокова, Л. В.* Бидермейер: эпоха буржуазной приватности в европейской культуре / Л. В. Чеснокова // Концепт. – 2017. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL:http://e-koncept.ru. – Дата доступа : 23.12.2018.
2. *Ходаковский, Е.* Немецкая живопись / Е. Ходаковский. – СПб. : Аврора, 2004. – 286 с.
3. *Вакар, Л. У.* Стылявая эвалюцыя творчасці Яна Хруцкага / Л. У. Вакар // Иван Хруцкий: жизнь, творчество, художественное наследие: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 2 февр. 2010 г., Минск, Бел. гос. акад. искусств / сост. и ред. А. Г. Шимелевич. – Минск, 2010. – С. 27–32.

4. *Чупринский, А. И.* Белорусская пейзажная живопись XIX в. : автореф. дис. … канд. искусствоведения / А. И. Чупринский. – 2004. – 26 с.
5. *Чупринский, А. И.* Бидермейер в белорусской живописи 1820–1850-х гг. XIX в. / А. И. Чупринский // Запіскі Беларускай акадэміі мастацтваў. – 1999. – № 2. – С. 70–78.
6. *Чупринский, А. И.* Стилевое влияние бидермейера в пейзажных произведениях Ивана Хруцкого / А. И. Чупринский // Иван Хруцкий: жизнь, творчество, художественное наследие: материалы Международ. науч.-практ. конф., 2 февр. 2010 г., Минск, Бел. гос. акад. искусств / сост. и ред. А. Г. Шимелевич. – Минск, 2010. – С. 45–49.

О. П. Дмитриева, В. В. Куницкий

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Развитие школьного образования на территории Беларуси накануне и в годы Первой мировой войны вплоть до февраля 1917 г. определялось национальной политикой Российской империи.

Несмотря на то, что в начале XX в. белорусы, составлявшие 62,2 % от общего числа населения в регионе, превалировали над остальными этносами, белорусские школы оказались в крайне тяжелом положении [1, с. 52].

В школах дети белорусской национальности обучались только на русском языке. Белорусы католического вероисповедания часто принимались за поляков, а значит, их дети могли учиться в запрещенных царским правительством школах. И даже после революции 1905–1907 гг., давшей стимул к активизации белорусского национального движения, ситуация изменилась незначительно. Так, в ст. 16 законопроекта о начальном образовании, принятого Государственной думой в 1911 г., было прописано, что все учебные планы и учебники должны быть составлены исключительно на русском языке. Белорусам католического вероисповедания или других религий разрешали обучаться на родном для них языке. При этом белорусские ученики-католики должны были изучать религию на польском, так как они «были поляками и обязаны были говорить по-польски». Подобная ситуация была характерна и для украинского населения белорусских земель [2, s. 76; 3, с. 359–362].

В то же время российские власти нередко ставили под сомнение уровень владения польским языком белорусов-католиков. В материалах о начальном обучении по Виленскому губернскому округу за 1914 г. в отношении преподавания Закона Божия учащимся католического вероисповедания отмечалось, что «по существующим законоположениям, преподавание Закона Божия учащимся римско-католикам-белорусам должно быть на русском языке. Установление национальности учащихся, между

прочим, возлагается на инспекторов народных училищ. <…> Учащимся детям католиков-белорусов, выдающих себя за поляков, предлагается сказать две-три фразы по-польски – не могут. Тогда деликатно объясняется, что-де напрасно они причисляют себя к полякам; вот, например, учащиеся еврейские дети, – те с 5–6 лет говорят по-еврейски, а вы, выдающие себя за поляков, двух фраз не в состоянии связать по-польски. На экзаменах по Закону Божию, когда отец ксендз спрашивает историю по-польски, ученик или ученица молчат. Совсем другая получается картина, когда спрашивают по-русски: отвечают бойко» [4, с. 195]. Исходя из вышеописанной ситуации, российские чиновники делали вывод о том, что русский язык «ближе и роднее» учащимся белорусам-католикам.

На оккупированной (с осени 1915 г.) белорусской территории германская военная администрация проводила дерусификацию региона. При этом немецкие власти рассчитывали на помощь белорусскоязычного населения. Занятия в школе должны были проводиться исключительно на родном языке. В ноябре 1915 г. в Вильно была создана первая белорусская начальная школа. В 1916 г. их количество в городе выросло до пяти. К 1917 г. в Виленской и Гродненской губерниях действовало 126 белорусских школ, а в марте 1918 г. на территории Обер Ост насчитывалось 89 начальных белорусских школ [5, с. 51–52; 6, с. 316; 7, с. 5].

Следует учитывать то обстоятельство, что ряд уступок со стороны Германии в образовательной сфере был обусловлен не ее стремлением содействовать национальному школьному образованию на оккупированных территориях, а созданию относительного спокойствия и стабильности в захваченном регионе для осуществления более эффективного контроля и управления.

Количество польских школ в Беларуси в условиях существования Российской империи было незначительным. Поскольку в социальном, культурном и экономическом отношении польское дворянство в западных губерниях преобладало над белорусским, литовским и украинским крестьянством, российские власти опасались усиления польского влияния в регионе [8, с. 188].

При этом периодически поляки получали разрешение на открытие польскоязычных школ. Накануне Февральской революции 1917 г. их начальные школы существовали по всей неоккупированной территории Беларуси, однако многие из них были так называемыми «тайными школами», где большинство учителей составляли польские ксендзы, а в основе преподавания лежал религиозный аспект [9, л. 44; 10 с. 4].

На начальном этапе оккупации немецкое правительство способствовало открытию польских школ. В 1915–1916 учебном году только в Вильно и его окрестностях насчитывалось около 50 польскоязычных школ, в том числе 4 гимназии, где обучалось 800 человек. По мере усиления польского влияния в оккупированной части белорусского региона немецкие власти изменили курс в отношении этой национальности. Э. фон Людендорф, оценивая польское

культурное развитие оккупированных территорий, отметил, что «поляки очень скоро начали проявлять активность в области просвещения и хотели открыть в Вильно университет» [11, с. 183]. Однако оккупационные власти отклонили это предложение. Таким образом, немецкое командование старалось нейтрализовать польское влияние в регионе.

Оценивая литовское школьное дело на белорусских землях, авторы «Историко-политического очерка сущности национального вопроса в Белоруссии» отмечали: «В царские времена русификаторская политика проводилась весьма усердно. Литовцы не имели права издавать книги, газеты, единственная книга, по которой они обучали грамоте своих детей, – молитвенник. В результате – литовское население в Беларуси было в значительной части неграмотно и малокультурно» [9, л. 15–16].

Данная проблема остро воспринималась литовским сообществом. С 23 по 30 декабря 1913 г. на съезде по народному образованию в рамках работы инородческой секции были заслушаны доклады и сообщения по вопросам о начальной литовской школе. Принятая в ходе работы секции резолюция предусматривала введение в школах литовского языка как основного. Русский язык становился обязательным предметом, но его изучение должно было начинаться со второго года. Учитель мог быть не литовцем по национальности при условии, что он владеет литовским языком на достаточном для преподавания уровне. С целью подготовки педагогических кадров для начальных школ планировалось изучение литовского языка, истории литовского народа и географии региона. Также предполагалось создание в Вильно университета с кафедрами по литвоведению для подготовки преподавателей-лекторов, которые в дальнейшем бы работали в учебных учреждениях педагогического профиля. Примечательно, что одно из положений резолюции предусматривало в местностях с преимущественно литовским населением открытие школ на языках других национальностей при наличии не менее 20 детей школьного возраста данного этноса [12, с. 63, 70]. Однако Первая мировая война не позволила начать реализацию этих положений.

В начале XX в. евреи Беларуси составляли 14,1 % от общего числа населения и были одной из крупнейших национальных общностей региона. Уровень их грамотности был выше других национальных общностей, населявших Российскую империю. Так, грамотность на русском языке в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях составляла 14 % среди белорусов и 42 % среди евреев, а на идиш и иврите у последних была вдвое выше [1, с. 52, с. 68–69].

Вместе с тем царские власти не способствовали развитию еврейских школ. Количество правительственных школ было совсем незначительным. Хедеры (частные школы) носили в большей степени религиозный характер. В городских еврейских частных гимназиях, прогимназиях и реальных училищах занятия велись на русском языке [9, л. 43–44].

Несмотря на это, в Минске в военные годы действовала еврейская гимназия, при которой функционировали подготовительные классы. В гимназии обучались мальчики и девочки. Преподавание велось на идиш [13, с. 1].

В Пинске, где евреи составляли около 20 % от всего населения города, функционировало еврейское женское училище. На 1915/1916 учебный год был открыт набор. Регистрация учениц проходила в период с 26 апреля по 4 мая 1915 г. в доме господина Футермана, расположенном на Ганчарском переулке [14, с. 1].

С середины 1915 г. евреи получили право сдавать вступительные экзамены в средние учебные заведения на общих с православными лицами условиях [9, л. 43–44; 13, с. 2].

Немецкое командование не препятствовало сохранению традиционного уклада в сфере образования среди евреев в оккупированной части Беларуси. Так, одна из директив образовательной реформы, инициированной П. фон Гинденбургом в декабре 1915 – январе 1916 г., отдельно закрепляла право евреев вести богослужение во время религиозных занятий в школах на идиш [5, л. 51–52].

Таким образом, накануне и в годы Первой мировой войны на территории Беларуси, наряду с русскими школами, действовали школы белорусов, поляков, литовцев, евреев и других национальностей, населявших регион. Развитие национальных школ проходило медленными темпами на фоне многочисленных запретов и ограничений со стороны правительства Российской империи, а впоследствии и в условиях военного времени. В оккупированной части Беларуси национальные школы получили некоторые послабления, однако такая политика со стороны немецких властей не имела системного характера и полностью зависела от военной и политической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриева, О. П.* Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / О. П. Дмитриева. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 243 с.

2. *Radzik, R.* Miedzy zbiorowością etniczna a wspólnota narodowa : Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin : Wydaw. Uniw. M. Curie-Skłodowskiej, 2000. – 301 s.

3. *Zaprudnik, J.* Russo-Polish clashes in the state Dumas (1906–1917) over schools in the Russian Empire’s «North-westernregion» (Belarus) / J. Zaprudnik // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе : зб. да 75-годдзя праф. А. Мальдзіса / Міжнар. асац. беларусістаў, Пол. ін-т у Мінску ; пад рэд. С. Запрудскага, А. Фядуты, З. Шыбекі. – Мінск, 2007. – С. 355–364.

4. По поводу преподавания Закона Божия учащимся римско-католического исповедания // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – 4 апр. – С. 194.

5. Отдел рукописей библотеки Академии наук Литвы (ОРБАН Литвы). – Ф. 23. Д. 46/1. Л. 51–52.
6. *Белявина, В. Н.* Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Минск : Беларусь, 2013. – 398 с.
7. *Ціхаміраў, А.* Беларуска-літоўскія дачыненні ў 1914–1920 гг. / А. Ціхаміраў // Спадчына. – 2000. – № 5/6. – С. 3–27.
8. *Лор, Э.* Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор ; пер. с англ. В. Макарова. – М. : Новое лит. обозрение, 2012. – 301 с.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 701. Оп. 1. Д. 40. Л. 15–16; 43–44.
10. О польских школах // Вечерние известия Минской газеты-копейки. – 1915. – 19 янв. – С. 4.
11. *Людендорф, Э.* Мои воспоминания о войне. 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. – 799 с.
12. Резолюции, принятые инородческой секцией съезда по народному образованию // Вестник еврейского просвещения. – 1914. – март. – С. 63–75.
13. Объявление // Минская газета. – 1917. – 1 ноября. – С. 1.
14. Объявление // Объединение: газета Полесья. – 1915. – 1 мая. – С. 1.
15. Циркуляр Министерства народного просвещения в изменение существующих распоряжений о приеме евреев в средние учебные заведения на текущий год // Наш край. – 1915. – 6 апр. – С. 2.

М. М. Смольянинов

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ОТ ГЕРМАНСКИХ ОККУПАНТОВ В 1918 ГОДУ

В результате заключения между Советской Россией и Германией 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора белорусские земли почти полностью были оккупированы германскими войсками. Семь южных уездов, образовав Полесскую область, германцы передали Украинской центральной раде за ее вооруженную поддержку; пять уездов Минской и Могилёвской губерний составляли район оккупации 1-го Польского корпуса Довбор-Мусницкого, выступившего против Советской власти.

С первых дней оккупации белорусских земель в 1915 г. политика германских властей была направлена на максимальную эксплуатацию природных ресурсов: лесных богатств, залежей торфа, фосфоритов. Объектом большой хозяйственной ценности для них представлялась Беловежская пуща, из которой оккупанты планировали вывозить 1–1,5 млн $м^3$ древесины в год [1, с. 107]. Хозяйничайнье германских оккупационных властей на белорусских землях показало свой колониальный характер, целью которого являлись хищническая эксплуатация производственных и природных ресурсов, ограбление белорусского народа в интересах первоочередного удовлетворения потребностей Германии и ее войск.

Население белорусских земель, несмотря на жестокий террор и расправы за малейшее сопротивление оккупантам, не склонило головы. Одним из многочисленных примеров стойкости и преданности белорусов своему народу, Отечеству является факт, имевший место в Морочанской волости Пинского уезда: 27 сентября 1915 г. германцы, заняв село Кутынь, согнали всех мужчин в церковь, сняли с них сапоги и полушубки и заперли их там. В это же время изверги совершали грабежи, насилия и зверства над беззащитными женщинами и подростками. А на второй день они погнали мужчин на рытьё окопов. Один из крестьян – 50-летний Адам Евдокимович Демчук отказался рыть окопы, заявив немцам: «Я против своих русских окопов рыть не буду». За это немцы долго избивали Демчука палками, угрожая убить. Но крестьянин упорствовал и заявил: «Что хотите со мной делайте, я окопов против русских не буду рыть». В результате оккупанты выстрелом из винтовки разрывной пулей убили патриота [2, л. 69].

Безусловно, в самом начале оккупации, когда на открытый протест психологически решиться было трудно, население выражало свое неприятие оккупационного режима в основном в пассивных формах: уклонение от реквизиций, поборов и штрафов, обязательных поставок, принудительных работ, игнорирование распоряжений администрации и установленного оккупационными властями жестокого внутреннего режима. Однако имеется много сведений о том, что уже в 1916–1917 гг. белорусские крестьяне начали вступать в действовавшие в лесах, особенно в Беловежской пуще (в районе Пинска и его окрестностей), партизанские группы, образованные бежавшими из плена солдатами русской армии или созданные в русских воинских частях и заброшенные в тыл врага.

Качественно новый этап активного сопротивления оккупантам начался в 1918 г., в период февральского наступления германских войск и установления ими контроля почти над всей территорией Беларуси. Оставшиеся в тылу интервентов и заброшенные на оккупированную территорию большевики стремились расширить и направить стихийное сопротивление населения оккупантам в организованное русло. С этой целью во многих уездах и волостях начало создаваться партийное подполье. 28 февраля 1918 г. на первом нелегальном собрании был образован Минский подпольный комитет. В течение марта – мая 1918 г. были созданы Полесский, Рогачёвский, Мозырский, Жлобинский, Бобруйский, Борисовский, Речицкий партийные комитеты, которые сформировали широкую сеть подпольных партийных организаций, насчитывавших в своих рядах к концу лета 1918 г. более 4 тыс. членов партии [3, с. 67].

Для руководства борьбой населения против интервентов подпольные партийные комитеты создавали специальные боевые органы – революционные комитеты (ревкомы). Например, ревком в Гомеле был образован в мае 1918 года. Принятые организационно-политические меры способствовали формированию партизанских отрядов. Уже в марте 1918 г. они возникли во многих волостях Гомельского уезда. Повышалась активность их действий. Так, в начале марта партизаны взорвали гостиницу «Савой» и городской театр, где были расквартированы германские солдаты и офицеры; бросили бомбу в кафе, в котором ужинали офицеры германского штаба. В Городокском уезде

Витебской губернии по состоянию на 22 апреля действовали 4 партизанских отряда численностью 378 человек. Всего в Витебской губернии на конец марта 1918 г. в партизанских отрядах насчитывалось 2 400 человек. Крупные партизанские отряды развивали свою деятельность в районе Лепеля, деревень Запутье, Гладково, местечка Сухари Могилёвского уезда, д. Рудобелка Бобруйского уезда. В Оршанском уезде на 15 апреля общая численность партизан составила около 1 400 человек [3, с. 67].

Рост партизанского движения был вызван стремлением трудящихся защитить советскую власть, предоставленные ею права и свободы. Например, общее собрание крестьян Козьянской волости Городокского уезда Витебской губернии 6 апреля 1918 г. постановило «не отдавать снова в руки буржуазии добытую нами кровью свободу и землю, мы призываем трудящееся крестьянство объединиться в одну семью, организовать добровольную запись в партизанский отряд для борьбы с оккупантами» [3, с. 67].

Организаторами партизанских отрядов нередко становились демобилизованные солдаты русской армии. Например, в Рудобельской волости бывшие солдаты А. Соловей и М. Левков организовали подпольный партийный комитет, усилиями которого было создано несколько партизанских отрядов, объединившихся в партизанскую бригаду. В Дукорской волости демобилизованный солдат Г. Шычко в июле 1918 г. в д. Равнополье организовал революционно настроенных крестьян. Такие кружки появились в Дукоре и других деревнях волости. Г. Шычко объединил все в единую организацию. Подпольщики сформировали крупный партизанский отряд [3, с. 67]. Новые отряды создавались подпольными комитетами в районах Могилёва, Бобруйска, Орши, Быхова, Слуцка, Речицы, Новогрудка, Молодечно, где к осени 1918 г. развивали свою деятельность 80 партизанских формирований. Кроме большевиков в подполье действовали также левые эсеры, партия Поалей-Цион, анархисты и др.

Большую работу по организации партизанских отрядов проводили подпольщики Гомельщины. Гомельский подпольный совет обратился с воззванием к рабочим и трудящимся крестьянам, в котором сообщалось, что оккупантам объявлена беспощадная война. В предместье Гомеля – Ново-Белице – из рабочих предприятий сформировался большой партизанский отряд. В деревнях Гомельщины было создано несколько партизанских отрядов, наиболее сильным из которых был Переростский. Сеть партизанских отрядов действовала на Полесье. Некоторые из них насчитывали до 500 бойцов [4, с. 118–119].

Состоявшаяся 15 июля 1918 г. первая Минская районная конференция РКП(б) считала, что главной задачей партийной работы на оккупированной территории является подготовка вооруженного восстания с целью восстановления советской власти. Обсудив вопрос об отношениях с другими партиями, конференция признала возможность совместной работы, при условии признания ими позиции большевиков и стоявших на платформе советской власти [5, с. 145–147]. Попыткой такого сотрудничества можно считать организацию большевиками г. Речица совместно с левыми эсерами и анархистами восстания против оккупантов. Выступление намечалось в ночь

с 16 на 17 августа. Однако по причине слабости сил и несогласованности действий оно не состоялось. Речицкий партизанский отряд под командованием эсера Алексеева не выступил, как и группы, рассредоточенные вдоль железной дороги. Более успешно действовал Горвальский партизанский отряд под командованием большевика И. Костромы, сформированный из крестьян соседних волостей. Отряд напал на подразделение охраны в Береговой Слободе. Отняв у гайдамаков оружие, партизаны разгромили немецкий конвой, охранявший имение графа Зубова [6, с. 96].

Следует сказать, что крестьянские восстания против оккупантов вспыхнули с началом весны 1918 г. в Новогрудском, Слуцком, Быховском, Речицком, Бобруйском уездах и вскоре вылились в вооруженную партизанскую борьбу. Против установленного оккупантами политического режима выступили рабочие. Во многих местах забастовки переросли в вооруженную борьбу. Так, 15 июля 1918 г. вспыхнувшая в знак солидарности со всеобщей забастовкой железнодорожников Украины забастовка железнодорожников Гомеля переросла в вооруженную стычку с оккупантами. Гомельских железнодорожников поддержали рабочие Могилёва, Жлобина, Рогачёва, других городов Беларуси [7, с. 41].

Усилившаяся борьба подпольщиков и партизан с оккупантами вкупе с улучшившимся внутренним положением Советской России (поддержка трудящимся крестьянством советской власти), ухудшившееся политическое и военное состояние Германии, международное положение заставили германское командование пойти на подписание 27 августа 1918 г. добавочного к Брест-Литовскому мирному договору соглашения об отводе оккупационных войск с временно оккупированной территории до заключения всеобщего мира.

В соответствии с принятым соглашением правительство РСФСР приняло меры к занятию войсками Красной армии оставляемых оккупантами районов. Первоначально задача освобождения Беларуси от немецких оккупантов возлагалась на войска Западного района обороны, сформированного 11 сентября 1918 г. (15 ноября был преобразован в Западную армию). В его состав вошли Витебская, Псковская и Западная дивизии. Отвод германских войск начался с уездов Витебской губернии. К середине сентября был освобожден Полоцкий уезд, 25 сентября – Лепельский. В 20-х числах оккупанты начали отводить войска из уездов Могилёвской губернии. 31 октября был освобожден город Могилёв. К началу ноября были очищены части Сенненского, Оршанского и Могилёвского уездов. На оставляемую оккупантами территорию вступали войска Красной армии: части Псковской, 17-й, позже Западной стрелковых дивизий [1, с. 135–136].

Германское командование в первое время выполняло взятые по добавочному договору обязательства. Об этом 7 октября 1918 г. Верховное командование докладывало Председателю Совнаркома В. И. Ленину: «…проведение в жизнь дополнительного соглашения к Брестскому миру пока немцами выполняется серьёзно». Но подписание дополнительного договора

не сдерживало враждебного отношения правительственных кругов Германии к Советской стране, от продолжения интервенции. В приказе Германского Верховного командования от 16 ноября 1918 г. говорилось, что «быстрый уход со всех восточных областей… противоречит национальным и хозяйственным интересам Германии». Продолжалось ограбление белорусского народа [1, с. 136–137].

Однако ситуация, сложившаяся в результате вспыхнувшей в Германии революции, разложения оккупационных войск под влиянием русской революции и проводимой агитации большевиков, поражения блока Четверного союза в мировой войне, позволила Советскому правительству 13 ноября 1918 г. аннулировать Брестский мирный договор. В принятом ВЦИК Советов постановлении указывалось, что все заключенные в договоре обязательства по выплате контрибуции или уступке территорий объявляются недействительными.

Все эти события ускорили отвод оккупационных войск на запад. К началу ноября 1918 г. ими были оставлены территории по линии Днепра и Друти. Во второй половине ноября германские оккупационные власти сообщили советскому командованию о продолжении отхода с 22 ноября, очищении территории к востоку от Березины. Главное командование Красной армии отдало распоряжение командованию Западной армии организовать разведку в направлении Речица – Гомель – Борисов – Полоцк и по возможности занять эти пункты. На занятых территориях военным властям при содействии местных комиссариатов и губернских исполкомов рекомендовалось устанавливать советскую власть. Кроме того, продвижение вперед рекомендовалось производить поэтапно и на первое время ограничиваться захватами главных железнодорожных узлов. Причем Советским правительством и Реввоенсоветом (РВС) давалось указание командованию Западной армии без необходимости не вступать в вооруженную борьбу с немецкими войсками. Занятие крупных железнодорожных узлов и важных пунктов должно было производиться по взаимному согласию с германским командованием [1, с. 138].

Следует сказать, что в основном очищение белорусских земель от немецких войск и занятие их частями Красной армии проводилось на основе договоренностей. Необходимо признать положительную роль в этом процессе созданных к этому времени в германских войсках солдатских советов, как правило, извещавших командование советских войск о времени своего отхода. Таким образом, 21 ноября были освобождены Полоцк, Жлобин, 28 ноября – Бобруйск, 2 декабря – Борисов, 5 декабря – Осиповичи и Калинковичи, 8 декабря – Слуцк, 9 декабря – Игуменский уезд. Части 17-й стрелковой дивизии подступали к Минску, в котором положение к этому времени фактически уже было под контролем подпольщиков и партизан. 10 декабря минчане с радостью встретили красноармейцев. Затем были освобождены Молодечно, Воложин, Вилейка, 15 декабря – Ошмяны. В средине декабря вся Сморгонщина была освобождена от немцев. В конце

декабря немцы отошли из Новоельни, Дятлова и Поречья Слонимского уезда. Вслед за ними в Новогрудок и Новоельню вступили эскадроны кавалерии Красной армии [1, с.139].

Сложнее проходило освобождение южной части белорусских земель. Более длительному задержанию германских оккупантов способствовали помещики, зажиточные слои населения и украинские гайдамаки. В Гомеле, например, каждому немецкому солдату было обещано по 1 200 руб. в месяц за то, чтобы войска оставались в городе и не сдавали его большевикам. Петлюра делал попытку использовать гайдамаков в качестве козырной карты и выдвигал ультиматум немцам, подписавшим договоренность с Советской Россией о передаче Калинковичей войскам Красной армии. Германское командование совместно с петлюровцами пыталось всеми силами удерживать Гомель. 20 октября 1918 г. оккупанты арестовали членов Гомельского военно-революционного комитета. В ответ на это гомельские железнодорожники объявили забастовку. Бастующих железнодорожников поддержали рабочие заводов и фабрик города и уезда. В результате всеобщей забастовки, наступления Красной армии и действий партизан германские оккупанты вынуждены были отступить. 14 января 1918 г. последние их части оставили Гомель. За два дня до этого была освобождена Речица.

Предательская политика петлюровцев по отношению к белорусскому народу вызвала огромный всплеск его недовольства и сопротивления, партизанскую борьбу. В это время в районе Калинковичей действовали партизанские отряды под командованием Петра Короля, уроженца д. Огородники; Андрея Зубца из д. Рудня Горбовицкая; около местечка Юровичи – отряд Филиппа Нагорного. В Мозырском уезде партизаны и подпольщики д. Скородное и окрестных населенных пунктов на собрании в конце ноября 1918 г. приняли решение поднять вооруженное восстание против оккупантов по всей округе. С этой целью они установили контакт с подпольщиками г. Овруч, от которых получили оружие и патроны. Частично для вооружения отряда подпольщиками было захвачено оружие немецкого гарнизона, стаявшего в д. Валавск.

Воспользовавшись выездом немцев из имений Валавск и Кузьмичи через ст. Словечно в Мозырь с целью очередного ограбления жителей, Скороднянский партизанский отряд под командованием Р. Т. Витко 4 декабря начал действовать: в Скородном и других населенных пунктах волости была разоружена гетманская стража. При этом гайдамаки, которые оказывали вооруженное сопротивление, были разогнаны или уничтожены. Занятие партизанами помещичьих имений позволило им значительно пополнить вооружение отряда, конфисковать пригодных для верховой езды и обоза лошадей, а также повозки, упряжь и седла, взять под охрану все имущество.

В первой половине декабря партизанский отряд под командованием Р. Т. Витко численностью 300 человек выступил из д. Скородное, имел вооруженные схватки с гайдамаками в д. Кочищи. Затем партизаны направились на Каролин и для восстановления советской власти –

в Буйновичскую, Лельчицкую, Петриковскую и Слободо-Скрыгаловскую волости. В местечке Каролин ими был создан волостной ревком во главе с партизаном Т. Бычковским. В эти дни жители – крестьяне д. Павловка И. А. Козинцев, П. Э. Козинцев совместно с жителем д. Подлядичи Мелешковичской волости И. Д. Коваленко – организовали партизанский отряд, вскоре выросший до 200 человек, и активно действовали в Мелешковичской и Лельчицкой волостях: восстановили советскую власть, создали волостной ревком под председательством М. А. Кочени [8, с. 72].

Отсюда Р. Т. Витко повел партизан на Мозырь. По пути они освободили от оккупантов д. Мелешковичи и подошли к уездному центру. В это время, 14 декабря 1918 г., в Мозыре начались переговоры советской делегации с представителями германских войск о допуске советских войск в Мозырь, Калинковичи и Лунинец. 18 декабря части Красной армии заняли Мозырь. Весть об освобождении Мозырского уезда была восторженно встречена рабочими и крестьянами, выступавшими за объединение с Советской Россией и настроенными против Петлюры и гайдамаков. В деревнях и селах Мозырского и других освобожденных от оккупантов уездов восстанавливалась Советская власть. Здесь партизаны – участники Скороднянского восстания – слились с частями Красной армии [Там же].

Массовая борьба против оккупантов и гайдамаков развернулась в Западном Полесье. В дни оккупации по Полесской железной дороге на запад один за другим «следовали эшелоны с награбленным немцами продовольствием, сырьём, другими ценностями. У крестьян отбирали животных и зерно». Из-за жестокой эксплуатации и грабежа настроение у рабочих, служащих и крестьян Лунинеччины было враждебным к оккупантам и Украинской раде, вскоре это вылилось в длительную забастовку железнодорожников [9, с. 217].

В октябре 1918 г. в тех местах, примерно в границах Пинск – Лунинец – Давид-Городок – Столин – Перебродy – Дубровица – Заречье, вспыхнуло Полесское восстание, центром которого в северной части Полесья был Пинский уезд. Общее руководство восставшими военно-революционным комитетом было возложено на Г. М. Островского и А. Нагорного. Из повстанцев были сформированы 1-й и 2-й Полесские коммунистические полки, под командованием, соответственно, А. Ф. Разановича и Ф. А. Козубовского. Всего в Полесье действовало около 100 отрядов повстанцев [10, с. 151].

Упорная борьба партизанских отрядов за освобождение Западного Полесья развернулась в январе 1919 г. Петлюровцы всеми силами стремились удержать за собой стратегически важную для них узловую станцию Лунинец, на которой находился один из крупных арсеналов вооружения русской армии (в бывшей прифронтовой полосе). В свою очередь советское руководство было заинтересовано в том, чтобы использовать арсеналы Лунинца, Лахвы и Видибора для вооружения красноармейских частей. ЦК РКП (б) и Совнарком для поддержки полесских партизан направили нескольких опытных организаторов, в том числе особоуполномоченного

Чрезвычайной комиссии по обеспечению Красной армии А. Н. Ильина, которому по прибытии в Лунинец удалось войти в контакт с депутатами немецкого солдатского Совета и договориться об эвакуации германской дивизии до 7 января 1919 года. Немцы согласились передать Лунинецкому ревкому железнодорожный транспорт, все имущество и склады вооружения русской армии [10, с. 151].

В связи с наступлением петлюровских войск и угрозой Лунинецкому узлу на собрании повстанческого актива был создан Военный Совет под председательством А. Н. Ильина, в состав которого вошли руководители повстанческих отрядов Г. М. Островский, Ф. А. Козубовский, К. Ф. Русак, М. Д. Ефимов, Н. Я. Лясковец и др. Главной задачей этого органа являлась координация действий повстанцев, подпольных организаций и ревкомов, централизованное управление ими. Военный Совет принял решение неотложно двинуть повстанческие силы навстречу врагу. Однако собственных сил у повстанцев для отпора петлюровцам и гайдамакам было недостаточно. Председатель Военного Совета 5 января направил в Москву телеграмму В. И. Ленину с просьбой об оказании материальной и военной помощи.

В ответ на просьбу повстанцев им на помощь в борьбе с петлюровцами и гайдамаками, развернувшими наступление в направлении Горынь – Речица – Столин, подошли части Красной армии. 9 января в Лунинец вступил 153-й полк 17-й стрелковой дивизии, сформированный в основном из витебских и смоленских рабочих и крестьян. Затем для координации действий повстанцев и частей Красной армии из Москвы в Полесье прибыл известный партийный деятель, член РВС Республики С. И. Аралов. Кроме того, в Лунинец прибыли эшелоны с личным составом 152-го полка 17-й стрелковой дивизии под командованием Я. В. Шека и С. К. Дергачёва.

Значительно пополнившись (отряд А. Н. Ильина насчитывал 3 тыс. человек), повстанцы совместно с красноармейцами вечером 21 января двинулись на Пинск. Активными участниками этого похода были партизаны Лемешевичской и Радчицкой волостей, входивших в состав 2-го Полесского полка. Они внесли свой вклад в освобождение Пинска от гайдамаков и петлюровцев. 25 января Пинск был освобожден. До середины февраля 1919 г. части Красной армии вышли на линию Берёза Картузская – Иваново – Сарны. Таким образом, части Красной армии во взаимодействии с партизанскими отрядами освободили от оккупантов Полесье.

Дольше всех из белорусских земель под оккупацией находилась Гродненщина. Хотя туда дошли сведения о победе Октябрьской революции и установлении Советской власти в России и на свободных от оккупации белорусских землях, которые повлияли на подъем революционного движения на оккупированной территории. Уже в январе – феврале 1918 г. в городах Гродненской губернии прошли стачки протеста против германской оккупации. Рабочие требовали заключения демократического мира, установления Советской власти, объединения с Советской Россией. В Гродно и других местах губернии (Житомле, Поречье, Друскениках) состоялись или шла

подготовка к выборам в Советы рабочих и крестьянских депутатов [12, с. 66]. С июля 1918 г. в Гродно действовал подпольный комитет РКП (б), который поддерживал связь с подпольщиками Скиделя, Индуры, Поречья, Житомли, Коптёвки и других населенных пунктов.

В конце 1918 – начале 1919 г. там, а также в Лошанской, Малоберестовицкой и Богородицкой волостях действовали коммунистические ячейки. Причем Индурской и Коптёвской партийными ячейками была установлена связь с группой «спартаковцев» оккупационных германских войск [12, с. 67]. Тем не менее налёты оккупантов на деревни, ограбление крестьян и расправы над ними продолжались. Так, в последних числах января 1919 г. отряд немцев напал на д. Обухово, стал грабить имущество, поджег несколько домов и запретил тушить пожар; в д. Коробчицы прибыл отряд численностью 28 солдат, оккупанты совершали обыски в домах и вымогали у крестьян сало, мясо, яйца и другие продукты. Затем открыли стрельбу вдоль улицы и по домам. Были человеческие жертвы; 6 апреля оккупанты ограбили жителей д. Гожа. Один из крестьян, пытавшийся протестовать против бесчинств, был убит. Только в конце апреля 1919 г. германские войска оставили Гродненскую губернию [11, с. 67].

Таким образом, Первая мировая война принесла белорусскому народу неисчислимые человеческие жертвы, бедствия и страдания; материальный и моральный ущерб. Почти полностью была уничтожена промышленность, в ходе боевых действий были разрушены и сожжены многие города и села, до полного разорения и упадка было доведено сельское хозяйство. Огромный ущерб в результате хищнической эксплуатации был нанесен природным ресурсам, особенно Беловежской пуще. До последнего дня оккупации германцы грабили и убивали мирных жителей, хотя под ногами интервентов на белорусской территории горела земля. Повсеместно проявлялись неприятие населением навязанного германцами режима и сопротивление ему как в пассивных формах, так и в решительных, активных – забастовках рабочих и крестьянских восстаниях, перераставших в партизанскую борьбу против захватчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иностранная военная интервенция в Белоруссии 1917–1920. – Минск : Наука и техника, 1990.
2. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 295. Оп.1. Д. 9027.
3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Т. 5. – Мінск : Бел. навука, 2006.
4. Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.: сб. ст. – М. : Политиздат, 1956.
5. Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918 – 1920 гг.: сб. док. и материалов: в 2 т. Т. 1. февр. 1918 – февр. 1919 г. – Минск : Наука и техника, 1969.

6. Речица. Дорогой столетий в будущее [к 800-летнему юбилею города / В. М. Лебедева [и др.]. – Речица : ред. газ. «Днепровец», 2013.
7. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 2. – Мінск : Беларусь, 1995.
8. Памяць: гіст.-дак. хроніка гарадоу і раёнау Беларусі. Ельскі раён. – Мінск : БелЭН, 2001.
9. Памяць: гіст.-дак. хроніка Лунінецкага р-на. – Мінск : БелЭН, 1995.
10. Памяць: гіст.-дак. хроніка Пінскага р-на. – Мінск : БелЭН, 2003.
11. Памяць: гіст.-дак. хроніка Гродзенскага р-на. – Мінск : БелЭН, 1993.

А. Г. Трубчык

ГАРАДСКОЕ САМАКІРАВАННЕ Ў г. ГРОДНА (1918–1927)

У канцы Першай сусветнай вайны на акупаванай тэрыторыі Беларусі дзейнічалі органы мясцовага самакіравання, вопыт стварэння якіх паходзіў з часоў былой Расійскай імперыі. На падставе «Палажэння аб выбарах» Часовага гарадскога камітэта, зацверджанага нямецкімі акупацыйнымі ўладамі ў канцы 1918 г., 27 лютага 1919 г. адбыліся першыя выбары ў Гродзенскую гарадскую раду. Паводле Палажэння гарадская рада абіралася на год, пасля чаго неабходна было правесці перавыбары. Выбарчым правам валодалі 16 159 чалавек, што складала 53,5 % ад агульнай колькасці насельніцтва Гродна, а таксама вёсак і маёнткаў, якія былі ўключаны немцамі ў тэрыторыю выбарчых акругаў. Паводле нацыянальнага складу выбаршчыкі былі прадстаўлены наступным чынам: 9 628 – яўрэі, 5 084 – палякі, 834 – рускія, 68 – немцы, 48 – беларусы, 41 – літоўцы і інш. [1]. Па колькасці бюлетэняў у выбарах прынялі ўдзел 13 038 чалавек.

У выніку першых выбараў было абрана 36 радных, у ліку якіх былі 22 яўрэі, што ў далейшым негатыўна ўспрынялі польскія ўлады. У 1920 г. супярэчанні па пытанні ўвядзення яўрэйскай мовы ў справаводства магістрата прывяло да самароспуску і часовага спынення працы гарадской рады. У красавіку 1921 г. Гродзенская польскамоўная газета «Новае жыццё» («NoweZycie») пісала аб тым, што «яўрэйскі склад гарадской рады не дэманструе жадання прыняць польскае грамадзянства» [2].

Першае пасяджэнне Гродзенскай гарадской рады, прысвечанае арганізацыйным пытанням, прайшло 5 сакавіка 1919 года. Прэзідэнтам горада быў абраны Эдвард Лістоўскі, віцэ-прэзідэнтам – Эдвард Стэмпнеўскі. Магістрат быў перайменаваны ў гарадское кіраванне, у складзе якога былі арганізаваны чатыры камісіі: харчовая (старшыня – ксёндз А. Курыловіч), фінансава-падатковая (старшыня Ю. Радзеўскі), прававая (старшыня А. Ліпніцкі), камісія па барацьбе з беспрацоўем (старшыня Ю. Бадаш) [3].

Правамоцтва Гродзенскай гарадской рады было пацверджана польскімі органамі кіравання пасля заняцця Гродна 28 красавіка 1919 года. З 15 верасня 1919 г. уступіла ў сілу Распараджэнне Генеральнага камісара ўсходніх зямель Асмалоўскага ад 14 жніўня 1919 г. «Аб увядзенні ў дзеянне ў г. Гродна гарадскога статута» [4].

З гэтага моманту кіраўніка магістрата павінен быў прызначаць павятовы камісар. Прэзідэнт і віцэ-прэзідэнт складалі прэзідыум магістрата, кіравалі на пасяджэннях магістрата і гарадской рады. Зацверджаная прэзідэнтам пастанова магістрата ўступала ў дзеянне на працягу 2 тыдняў. За гэты час неабходна было атрымаць адабрэнне з боку кантралюючага органа ўлады. Павятовы камісар павінен быў праверыць правамоцтва, абгрунтаванасць прынятага рашэння, а таксама яго адпаведнасць кампетэнцыі органаў гарадскога самакіравання.

Лаўнікі магістрата абіраліся з прадстаўнікоў гарадской рады. Іх колькасць не павінна была перавышаць 10 % ад агульнай колькасці радных. На першым арганізацыйным пасяджэнні вызначаўся склад членаў магістрата. Зарплата служачым магістрата выплачвалася з гарадскога бюджэту і вызначалася на пасяджэнні гарадской рады напярэдадні правядзення выбараў у магістрат.

Члены магістрата абіраліся на тры гады па прапарцыйнай сістэме абсалютнай большасцю галасоў. Вынікі выбараў перадаваліся на разгляд і зацвярджэнне павятоваму камісару. У выпадку адмоўнага рашэння неабходна было правесці перавыбары.

У 1919–1920 гг. магістрат складаўся з наступных аддзелаў: адміністрацыйны (начальнік Э. Стэмпнеўскі), фінансавы (начальнік Г. Тарлоўскі), падатковы (Г. Баум), гаспадарчы (начальнік М. Гіршовіч), харчовы (начальнік Ю. Берг), санітарны (гарадскі лекар Д. Лабель), будаўнічы (Е. Чытаржынскі) [5].

Першапачаткова дзейнасць гарадской рады была досыць шырокай, што было звязана з цяжкасцямі ваеннага часу і адсутнасцю неабходных структур кіравання. Магістрат выконваў гаспадарчую, фіскальную, праваахоўную функцыі: ажыццяўляў нагляд за турмамі, судовымі органамі, працай санітарна-эпідэмічнай службы, кіраваў гарадской камунальнай гаспадаркай, будаўніча-рамонтнымі працамі. На балансе магістрата знаходзіліся гарадская паліцыя, электрастанцыя, скатабойня, гарадскі склад, ламбард, парк, шпіталь, тэатр, бібліятэка, школы і г.д.

Значная ўвага надавалася пытанням харчовага забеспячэння, аховы здароўя, сацыяльнага добраўпарадкавання. У 1919 г. на сацыяльныя патрэбы было выдаткавана больш за 42 % прыбыткаў гарадскога бюджэту [6].

Для павелічэння даходнай часткі бюджэту магістрата гарадская рада ўстанавіла ў 1919 г. шэраг непапулярных сярод насельніцтва падаткаў: падатак для заможных жыхароў горада, падатак за арэнду жылога памяшкання, падатак за карыстанне гарадской бібліятэкай, паслугамі шпіталя, падатак на хатніх жывёл (сабак, кароў, коней), падатак на ровары і аўтамабілі і інш. Калі ў лютым 1919 г. Часовы гарадскі камітэт збіраў з насельніцтва 7 відаў падаткаў, то ў канцы 1919 г. гарадская рада ўстанавіла 21, а ў 1920 г. – 27 відаў розных падаткаў [7].

Дзейнасць падатковага аддзела магістрата выклікала крытыку з боку прадстаўнікоў павятовай і акруговай улад, якія неаднаразова паведамлялі

ў Генеральны камісарыят Усходніх зямель аб тым, што гарадская рада неправамоцна ўводзіць падаткі і гэта выклікае крытыку з боку мясцовага насельніцтва. У выніку адміністрацыйнага націску быў адменены падатак на ўвоз-вываз тавараў, у выніку чаго магістрат страціў 60 % прыбытку.

У сувязі з уступленнем войскаў Чырвонай арміі ў Гродна 19 ліпеня 1920 г. дзейнасць магістрата была часова спынена. Пасля паўторнага ўстанаўлення польскай улады і вяртання з эвакуацыі кіраўнічых структур на першым пасяджэнні гарадской рады 21 кастрычніка 1920 г. прэзідэнт Э. Лістоўскі абвясціў аб тым, што магістрат працягне працу ў адпаведнасці з распараджэннямі, якія дзейнічалі на тэрыторыі Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх земель.

Асноўнымі цяжкасцямі, з якімі сутыкнуўся магістрат ў дадзены перыяд, былі: барацьба з эпідэміямі, забеспячэнне насельніцтва харчаваннем, ахова грамадскага парадку, рамонт гарадской вадаправоднай сеткі і электрастанцыі.

На ўтрыманне магістрата была прынята пажарная служба, якая атрымала новае абмундзіраванне і коней. Магістрат падтрымаў дзейнасць польскіх дабрачынных арганізацый, вылучыўшы на грамадскую апеку 5,86 % бюджэту. Паступова на баланс магістрата пераходзілі гарадскія польскія школы. Па патрабаванні гродзенскага школьнага інспектара Рафала Вазнякоўскага гарадская рада прыняла рашэнне ўвесці школьны падатак і арганізаваць працу школьнага нагляду. Па аналогіі з Польскай дзяржавай, у якой школьны нагляд выконваў функцыю кантролю за выкананнем Закона аб усеагульнай адукацыі ад 4 лютага 1919 г., гарадская рада вызначала сістэму штрафаў бацькам, дзеці якіх не наведвалі школу.

Пасля заключэння Рыжскай мірнай дамовы у 1921 г. на землях Заходняй Беларусі быў уведзены новы адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел – ваяводствы, паветы, гміны, грамады, фарміраваліся адпаведныя органы ўлады.

Горад Гродна стаў цэнтрам Гродзенскага павета Беластоцкага ваяводства. У горадзе знаходзіліся шматлікія адміністрацыйныя установы павятовага значэння: павятовае староства, павятовая камендатура дзяржаўнай паліцыі, Польскі банк, а таксама камандаванне акругі корпуса № III 29-й пяхотнай дывізіі, 76-ы і 85-ы пяхотныя палкі [8].

У 1921 г. аформілася новая структура магістрата, якая складалася з 8 аддзелаў і шэрагу рэфератаў.

Прэзідэнцкі аддзел складаўся з сакратарыята, аддзела кадраў, персанальнага і арганізацыйна-інспектарскага рэферату. Першы займаўся ўладкаваннем на працу чыноўнікаў і службовых асоб магістрата і іншых дзяржаўных ведамстваў, рэгуляваў іх правы, абавязкі і адказнасць, збіраў кваліфікацыйную, дысцыплінарную, прэміяльную камісіі. Арганізацыйна-інспекцыйны рэферат займаўся арганізацыяй ведамстваў і гарадскіх прадпрыемстваў, справамі праверкі ведамстваў, следствамі, апрацоўваў праекты статутаў і палажэнняў розных гарадскіх інстанцый.

У складзе адміністрацыйна-статыстычнага аддзела, які ўзначальваў Станіслаў Калецкі, былі створаны наступныя рэфераты: адміністрацыйны,

вайсковы, статыстычны, харчовы, прамысловы, чыгуначнага руху і бюро рэгістрацыі насельніцтва. Адміністрацыйны рэферат займаўся складаннем кніг сталых жыхароў горада. Служачыя рэферата вялі справы, звязаныя з наданнем грамадзянства, выдавалі грамадзянам даведкі аб маёмасным і сацыяльным стане, прафесіі, пасведчанні асобы. Каб атрымаць пасведчанне, трэба было напісаць заяву ў магістрат, заплаціць канцылярскі збор і дадаць дзве асабовыя фотакарткі. Пасля атрымання пацвярджэння, падпісанага прэзідэнтам горада і кіраўніком аддзела, выдавалася пасведчанне асобы [9].

У функцыі адміністрацыйнага рэферата ўваходзіла выкананне бюджэту ўсіх рэфератаў аддзела, арганізацыя выбараў у органы кіравання мясцовага і дзяржаўнага ўзроўню. Рэферэнты займаліся складаннем пашпартоў сядзібных участкаў, жылых дамоў і іншых пабудоў у г. Гродна. Пашпартызацыя будынкаў праводзілася па ўсіх вуліцах, завулках і плошчах горада. У выніку на працягу 1923–1924 гг. было складзена апісанне будынкаў 103 вуліц, завулкаў і плошчаў.

Статыстычны рэферат збіраў, апрацоўваў і друкаваў статыстычныя матэрыялы па ўсіх галінах дзейнасці самакіравання.

Бюро рэгістрацыі насельніцтва займалася пошукам адрасоў, ажыццяўляла кантроль за ўлікам картак рэгістрацыі жыхароў горада, вяло лісты выбаршчыкаў у Сейм і Сенат, а таксама школьны ўлік дзяцей ва ўзросце да 7 гадоў. Служачыя бюро складалі спісы рэпатрыянтаў, якія прыбылі ў Гродна ў 1921–1923 гадах.

Ваенны рэферат вёў улік прызыўнікоў, выдаваў ваенныя пасведчанні, арганізоўваў пастой ваенных, займаўся мабілізацыяй. Харчовы рэферат забяспечваў горад харчаваннем, кантраляваў цэны на тавары першай неабходнасці. Прамысловы рэферат рэгістраваў рамесныя, вытворчыя і гандлёвыя прадпрыемствы. Рэферат чыгуначнага руху займаўся справамі чыгункі, а таксама вызначаў парадак руху і месцы парковак для коней, аўтамабіляў, аўтобусаў і таксі.

Аддзел асветы і культуры пад кіраўніцтвам Р. Вазнякоўскага складаўся з рэферата асветы і рэферата культуры. У аддзеле працавалі рэферэнты, якія кантралявалі дзейнасць школ і культурна-асветніцкіх устаноў, выхаваўчую працу дзіцячых дамоў, падрыхтоўку настаўнікаў, перыядычны друк.

У аддзел сацыяльнага забеспячэння і аховы здароўя (узначальваў С. Астрынскі) уваходзілі рэфераты: 1) сацыяльнага забеспячэння, які арганізоўваў акцыі дапамогі беспрацоўным; 2) санітарны рэферат (грамадскай гігіены), які кантраляваў санітарны стан горада; 3) рэферат бальнічнай справы, які кантраляваў дзейнасць гарадской бальніцы і бальнічнай рады.

У кампетэнцыю гаспадарчага аддзела ўваходзілі пытанні продажу, канфіскацыі, перадачы ў карыстанне прыватным асобам і арганізацыям дзяржаўных зямельных участкаў у г. Гродна. Рэферат гарадской маёмасці гаспадарчага аддзела займаўся складаннем спісу дзяржаўных будынкаў з інвентаром, улікам пляцаў, наглядам за абсталяваннем вуліц і плошчаў, страхаваннем маёмасці і інш.

Аддзел накіроўваў у бухгалтэрыю спіс гарадскіх будынкаў, якія належалі магістрату. У спісе за 1927 г., які быў складзены ў выглядзе табліцы, былі прыведзены 87 будынкаў з указаннем колькасці паверхаў і матэрыялаў аб'ектаў, мелася інфармацыя аб установах, якія размяшчаліся ў дадзеных будынках.

У складзе тэхнічнага аддзела, якім кіраваў С. Цыдзік, працавалі рэфераты: метрычны, дарожны, будаўнічы. У сярэдзіне 1920-х гг. будаўнічы рэферат вылучыўся ў асобны аддзел, які займаўся правядзеннем будаўнічых прац і захаваннем усіх дзяржаўных будынкаў, зацвярджэннем праектаў прыватных пабудоў, выдачай дазволаў на будаўніцтва, утрыманнем бетоннага завода ў горадзе, рамонтам гарадскіх вуліц і плошчаў, аховай помнікаў архітэктуры [10]. Функцыі будаўнічага аддзела часта перасякаліся з функцыямі гаспадарчага. Так, будаўнічы і гаспадарчы аддзелы былі адказнымі за складанне планаў і праектаў дзяржаўных пабудоў: ратушы, будынка магістрата, крамаў, шпіталяў і інш.

Дарожны рэферат тэхнічнага аддзела займаўся перабудовай і добраўпарадкаваннем гарадскіх вуліц і плошчаў, іх перайменаваннем. Ён быў адказны за рамонт ходнікаў, дарог, рэгуляцыю берагоў р. Нёман і р. Гараднічанка, за будаўніцтва і захаванне мастоў [10]. У 1921 г. пад аховай горада знаходзіліся масты праз р. Гараднічанка на падаўжэнні вул. Паштовай, два масты па вул. Ажэшкі, адзін з якіх на перасячэнні з вул. Станіславоўскай, мост праз яр па вул. Грандзіцкай і жалезны віадук на вул. Казачай [11, арк. 2].

У 1921–1925 гг. дарожны рэферат кіраваў працамі па ўмацаванні і ўладкаванні моста праз р. Гараднічанка па вул. Ажэшкі. Перабудова гэтага моста прыпыніла рух транспарта па адной з галоўных гарадскіх камунікацыйных артэрый, што вяла да чыгуначнага вакзала. Гэта выклікала абурэнне жыхароў вуліцы, якія накіравалі скаргі ў магістрат, а затым звярнуліся да пасла ў Сейм, каб паскорыць працэс уладкавання моста. Рух па мосце быў дазволены 14 мая 1925 г. Для яго была распрацавана агароджа па праекту інжынера М. Раманава, выкананая майстэрняй П. Бароўскага [11, арк. 15].

У 1925 г. у гарадскім парку ўзведзена прыгожая агарожа, праект якой быў прапанаваны кусташам музея Ю. Ядкоўскім у стылі работ французскага архітэктара XVIII ст. Ф. Бландэля. Выкананнем праекта займалася рамесная яўрэйская школа імя Э. Брэгмана [12].

Аддзел займаўся арганізацыяй перабудовы электрастанцыі ў 1922–1923 гг., будайніцвам лядоўні і гандлёвых радоў на Сенным рынку [13]. У яго склад ўваходзіў рэферат вымярэнняў, які выконваў агульны план памераў горада, рыхтаваў планы памераў усіх гарадскіх будынкаў, скверaў, плошчаў і г.д., вёў кадастравую кнігу нерухомай маёмасці на тэрыторыі горада [10]. У г. Гродна рэферат дзейнічаў пад назвай «бюро вымярэнняў».

Гаспадарчы аддзел, у склад якога ўваходзілі рэфераты гарадской маёмасці, ачысткі горада, гарадскога азелянення, пажарная служба, узначальваў Р. Савіцкі.

У фінансава-падатковым аддзеле працавалі падатковы, бюджэтны і выканаўчы рэфераты. У функцыі бюджэтнага рэферата ўваходзіла апрацоўка праекта гарадскога бюджэту. Праз дзейнасць падатковага аддзела можна даследаваць разнастайныя сферы жыцця горада. Так, кніга рэгістрацыі падаткаў за правядзенне публічных відовішч дазваляе скласці ўяўленне аб дзейнасці гарадскога тэатра, кінатэатраў, школ танцаў, клубаў, адукацыйных устаноў, грамадскіх таварыстваў у 1919–1920 гадах. У аддзел накіроўваліся ведамасці па адпрацаваных днях кантралёраў па продажы білетаў у кінатэатры і на іншыя мерапрыемствы. Затым гэтыя ведамасці перадавалі ў персанальны рэферат з просьбай фінансава-падатковага аддзела выплаціць узнагароджанне кантралёрам [14].

Кожны кінатэатр, тэатр, іншыя арганізатары ўсіх платных публічных мерапрыемстваў накіроўвалі ў магістрат дэкларацыі. У іх паведамляліся дата, адрас, назва мерапрыемства і кошт білетаў, якія даюць ускосныя звесткі пра колькасць наведвальнікаў мерапремства. Кожны кінатэатр накіроўваў у магістрат інфармацыю аб фільмах, якія дэманстраваліся. У паперах пералічваліся назвы фільмаў, час іх правядзення, кошт уваходных білетаў.

Некаторыя цыркі, якія прыязджалі з гастролямі, звярталіся ў магістрат з просьбай паменшыць падатак ад прадстаўлення. Просьбы накіроўваліся ў падатковы рэферат, а рашэнне прымалася на пасяджэннях магістрата. У 1927 г. памер падатку ад продажу цыркавых білетаў знізіўся на 20 % [15].

Аддзел гарадскіх прадпрыемстваў складаўся з бухгалтэрыі, рэферата арганізацыі і развіцця прадпрыемстваў, рэферата кантролю прадпрыемстваў. У вядзенні аддзела быў водаканал і мясцовая электрастанцыя. Рэферат кантролю займаўся ўлікам абанентаў электрастанцыі і водаканала. Гродзенскі водаканал накіроўваў у рэферат кантролю спісы гараджан, якія не аплочвалі карыстанне вадой, затым іх справы перадаваліся ў суд [16].

У 1926 г. пры магістраце быў створаны праўны аддзел, кіраўніком якога прызначылі адваката В. Нелюбовіча, а рэферэнтам – К. Гутмана.

Пасля выбараў 1927 г. кампетэнцыя гарадской рады акрэслілася наступным чынам: устанаўленне прынцыпаў і спосабу выкарыстання гміннай маёмасці; набыццё і продаж нерухомай маёмасці, справы пазыкі і размяшчэння капіталаў; прыняцце гарадскога бюджэту і надзвычайных выдаткаў, а таксама ўнясенне змяненняў у гарадскі бюджэт; устанаўленне памеру падаткаў і выплат на карысць гміны; устанаўленне натуральных і грашовых павіннасцей; прадстаўленне ўраду прапаноў у справе арганізацыі на карысць горада прамысловай манаполіі і ўвазных аплат; ануляванне гмінных запазычанняў, спагнанне якіх прызнавалася немагчымым; увядзенне і скасаванне гарадскіх службовых пасад; зацвярджэнне штату членаў магістрата; устанаўленне тарыфаў для брычак, трамваяў, а таксама іншых гарадскіх сродкаў камунікацыі; зацвярджэнне цэн на сродкі першай неабходнасці; наданне ганаровага грамадзянства; рэкамендацыі ў справах змены гмінных межаў; зацвярджэнне планаў будаўніцтва і інш.

У кампетэнцыю магістрата ўваходзіла: выкананне пастаноў гарадской рады, кіраўніцтва гарадской маёмасцю і яе інвентарызацыя; кіраўніцтва гарадскімі прадпрыемствамі, якія непасрэдна падпарадкоўваліся магістрату, і выкананне кантролю за прыватнымі; фарміраванне гарадскога бюджэту і прадстаўленне яго ў вызначаны тэрмін гарадской радзе; распараджэнне даходамі і выдаткамі гміны, размеркаванне гмінных падаткаў і павіннасцей згодна з распараджэннямі і пастановамі гарадской рады; юрыдычнае прадстаўленне гміны; справаздачы перад гарадской радай аб сваёй дзейнасці, выкананні бюджэту, стане гміннай маёмасці і ўстаноў; прадстаўленне павятоваму старасце, ваяводзе і гарадской радзе прапаноў па вядзенні гміннай гаспадаркі; выкананне абавязкаў, даручаных дзяржаўнай уладай і законамі. Выкананне шэрагу абавязкаў магістрат даручаў спецыялізаваным камісіям.

Пасяджэнні магістрата праходзілі два разы на тыдзень (звычайна ў аўторак і сераду, аднак для вырашэння тэрміновых пытанняў магістрат мог збірацца ў любы дзень) і пачыналіся ў 18.30. На працягу года адбывалася каля 100–113 пасяджэнняў магістрата, на якіх было прынята больш за 1 230 пастаноў.

На пасяджэннях магістрата ў 1927 г. разглядаліся і прымаліся рашэнні па пытаннях, якія тычыліся ўсіх сфер жыцця горада:

- аховы здароўя – меры па прадухіленні тыфа, прыняцце ў шпіталь смяротна хворых, кантроль за размеркаваннем прадуктаў харчавання, прызначэнне на пасаду ўрачоў, рэгуляванне дзейнасці аптэк, санітарныя мерапрыемствы;
- сацыяльнай сферы – выданне беспрацоўным і малазабяспечаным жыхарам абедаў на танных кухнях, наданне грамадзянства, выплаты служачым за выкананне спецыяльных даручэнняў магістрата (напрыклад, за пошук асоб, прыдатных для службы ў войску давалася 15 грошаў за асобу);
- падаткаабкладання – налічэнне і скасаванне падаткаў, усталяванне зніжак аплаты за карыстанне электрычнасцю для арганізацый, выданне субсідый, будаўніцтва гарадской электрастанцыі, выплаты за арэнду памяшканняў для магістрата, рэгуляванне працы служачых;
- будаўніцтва – дазволы на будаўніцтва і рамонт гарадскіх аб’ектаў, прапановы па будаўніцтве станцыі выратавання на р. Нёман.
- культуры – інфармаванне гарадской рады аб ахвяраваннях ад прыватных асобаў на рэстаўрацыю аб’ектаў культурнай спадчыны;
- адукацыі – пералічэнне сродкаў для пачатковых школ, выдзяленне стыпендый гімназістам;
- добраўладкавання горада – устанаўленне колькасці вазоў на пастоях (напрыклад, на вакзале магло стаяць 25 вазоў, а на рагу Замкавай вуліцы і плошчы Баторыя – 6), забарона пілаваць дрэвы ў горадзе без дазволу магістрата, прадухіленне незаконнага карыстання электрычнай сеткай, устанаўленне коштаў на брукарскія працы, размеркаванне ахвяраванняў [17, с. 356].

Такім чынам, праз пастановы магістрата і гарадской рады можна больш дэталёва даследаваць палітыку польскіх улад у Гродне, а таксама праз разгляд дзейнасці асобных чыноўнікаў скласці ўяўленне аб іх адносінах да мясцовага насельніцтва.

ЛІТАРАТУРА

1. *Kołecki, S.* Przeglad statystyczny m. Grodna za lata 1922 i 1923 / S. Kołecki. – Grodna, 1925. – 320 s.
2. Дневники заседаний городской рады 1919–1922 гг. // Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГр). – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 270.
3. Z Zarządu Miejskigo // Nowe Zycie. – 1919. – № 13 (16 marca). – S. 103–104.
4. Zarządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich, dotyczące wejścia w życie w m. Grodnie ustawy miejskiej z dnia 14 sierpnia 1919 r. DUZCZW. – № 19 (23 września 1919 r.). – Poz. III–177.
5. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 147. Арк. 3–6.
6. Журнал учета налогов 1919 г. // ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 143. Арк. 1–185.
7. Распоряжения магистрата об порядке уплаты налогов 1919–1920 гг. // ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 141. Арк. 3–24.
8. *Milewski, J.* Grodno – miasto i ludność w okresie międzywojennym / J. Milewski // Grodno w XVIII wieku. Miasto i ludność. – Białystok, 1997. – S. 198.
9. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 26. Арк. 3.
10. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 256. Арк. 145.
11. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 274.
12. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 276. Арк. 78.
13. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 278. Арк. 13.
14. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 307. Арк. 339.
15. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 1. Спр. 326. Арк. 151.
16. ДАГр. – Ф. 46. Воп. 2. Спр. 7. Арк. 2.
17. *Казак, Т.* Дакументы магістрата г. Гродна 1919–1939 гг. у фондах Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобдасці / Т. Казак // Гарадзенскі палімпсест. Дзяржаўныя ўстановы і палітычне развіцё. XV–XX. – Гародня, 2009.

И. С. Благуш

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: УРОКИ ГЕРМАНИИ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Постиндустриализация в мировой экономике сопровождается существенным расширением и изменением роли сферы услуг, рассматриваемой экспертами и политиками в последние десятилетия в качестве основного и наиболее перспективного драйвера экономического роста. Этот процесс затрагивает и развитые страны, где доля сектора в ВВП с 1997 по 2015 г. увеличилась с 69 до 74 %, и страны развивающиеся, доля которых в мировом экспорте услуг, составлявшая в 1989 году всего 12 %, в 2016 г. существенно возросла и достигла 21 %, формируя пятую часть глобальных продаж в сегменте. В странах ОЭСР более 70 % рабочих мест сосредоточены в сфере

нематериального производства. В США, признанном лидере постиндустриальной трансформации, сервисный сектор создает 78,9 % валовой добавленной стоимости, что соответствует 13,1 трлн долл., обеспечивая вакансиями 86,35 %, или 124 млн человек, занятых в частном секторе [1].

Изменяется и структура мировой торговли: если промышленный товарный экспорт за 2006–2016 гг. прирастал в среднем на 3,2 % в год, то вывоз услуг – на 5,1 %, что позволило нематериальному сектору сформировать к 2016 г. почти четверть общего объема глобальных внешних продаж товаров и услуг (табл. 1).

Таблица 1

Глобальный экспорт промышленных товаров, сельскохозяйственной продукции и услуг в 2006 и 2016 гг.

Категория экспорта	Объем экспорта, трлн долл.		Среднегодовой прирост экспорта в 2006–2016 гг., %
	2006 г.	2016 г.	
Сельскохозяйственный экспорт	0,964	1,610	+5,1
Промышленный экспорт (обрабатывающие отрасли)	8,431	11,557	+3,2
Экспорт коммерческих услуг	2,881	4,751	+5,1

Источник [2].

По мнению экспертов, мир находится в состоянии радикального сдвига, который сопровождается не только существенным изменением доли сектора услуг в мировом ВВП и глобальной торговле, но и усилением его роли в качестве драйвера экономического роста и занятости. Такие развивающиеся страны, как Индия и Шри-Ланка, перешли к стадии сервисной экономики, минуя этап формирования развитого индустриального сектора. Китай за десятилетие с 2005 по 2015 г. увеличил долю услуг в ВВП с 40 до 50 % [1].

«Поэтапный переход к постиндустриальному обществу» и «создание сервисно-ориентированной экономики» в качестве основной долгосрочной цели позиционирует «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года» [3]. Доля промышленности в отраслевой структуре национальной экономики снижается, уступая место третичному сектору. Если в 1991 г. доля индустриальных отраслей в валовой добавленной стоимости Беларуси достигала 44,44 % (первая из 150 позиций в рейтинге Всемирного банка), то к 2017 г. она сократилась вдвое – до 22,22 % (12-е место в рейтинге), что сопоставимо с аналогичным индикатором супериндустриальной экономики Германии (20,66 %), занявшей 15 строчку, а еще через год – в 2018 – увеличившей значение показателя до 25,8 % (табл. 2).

Таблица 2

Динамика доли промышленности в ВВП Беларуси и Германии в 1991–2017 гг.

Годы	Доля промышленности в ВВП, %	
	Беларусь	Германия
1991	44,44	24,94
2001	26,60	20,51
1991–2001	*-17,84*	*-4,43*
2011	26,42	20,57
2001–2011	*-0.18*	*+0,06*
2012	24,78	20,42
2013	22,0	20,18
2014	21,09	20,59
2015	20,64	20,76
2016	20,15	20,64
2017	22,22	20,66
1991–2017	*-22,22*	*-4,28*

Источник [4].

При этом именно сектор промышленного производства по-прежнему обеспечивает значительную часть товарного экспорта Республики Беларусь, который в 3,4 раза превышает объемы экспорта услуг по абсолютной величине. Экспорт товаров в 2016 г. составлял 23,099 млрд долл., в то время как экспорт услуг – всего 6,817 млрд долл., в 2017 г. показатели формировались на уровне 28,708 млрд долл. и 7,811 млрд долл. соответственно [5].

На внешних рынках реализуется 58,5 % производимой промышленной продукции. Но несмотря на то, что на горнодобывающие отрасли приходится всего 1,2 % валовой продукции индустриального сектора (в то время как в обрабатывающих создается 85,6 %), основными статьями белорусского товарного экспорта остаются сырьевые позиции (70 % поставок на рынки стран дальнего зарубежья) [6]. Удельный вес машин, оборудования и транспортных средств сокращается. Происходит ухудшение структуры и снижение технологического уровня товарного экспорта, связанное с потерей конкурентоспособности и ускоренным сокращением производства в относительно развитых технологически отраслях отечественной индустрии (табл. 3). За последние шесть лет доля среднетехнологичных производств высокого уровня в добавленной стоимости, создаваемой обрабатывающей промышленностью Республики Беларусь, сократилась на 8,8 %, в то время как низкотехнологичных, напротив, выросла на 9,5 %.

Таблица 3

Структура добавленной стоимости обрабатывающей промышленности Республики Беларусь по уровню технологичности, %

Виды производств в обрабатывающей промышленности по уровню технологичности	2011	2013	2014	2015	2016	2017	Динамика индикатора за период
низкотехнологичное	29,7	35,8	36,5	35,8	41,9	39,2	+9,5
среднетехнологичное низкого уровня	25,5	26,5	27,8	24,6	23,0	22,8	-2,7
среднетехнологичное высокого уровня	41,3	33,6	32,3	34,9	29,5	32,5	-8,8
высокотехнологичное	3,5	4,1	3,4	4,7	5,6	5,5	+2,0

Источник [7].

Между тем потенциал промышленного сектора, степень его влияния на развитие национальных хозяйственных систем и формирование стратегических трендов глобального рынка аналитики считают сегодня недооцененными. Вклад обрабатывающей промышленности (*manufacturing*) в реальный ВВП в мировой экономике за последние 25 лет не снижался, как показывали текущие данные национальных счетов, а фактически возрастал: в долгосрочном периоде доля этой группы отраслей фактически увеличилась на 1,2 процентных пункта: с 14,8 до 16 % [8]. Отчет ЮНИДО о мировом промышленном развитии 2018 г., доказывает, что процесс индустриализации крайне важен для устойчивого экономического роста. При этом драйвером спроса для обрабатывающей промышленности является и внутреннее потребление (в первую очередь − в новых индустриальных и развивающихся экономиках), и внешние рынки (наиболее значимый фактор для развитых стран).

В 2017 г. мировой товарный экспорт под влиянием растущего спроса и повышения уровня цен увеличился на рекордную за последние 6 лет величину – 10,9 % − при росте экспорта коммерческих услуг всего на 8 % [9]. При этом в Азиатском регионе годовой прирост стоимостного показателя поставок продукции отраслей материального производства на внешние рынки превысил аналогичный индикатор сектора услуг почти вдвое (13 против 7 %), как и в странах СНГ, где динамика товарного экспорта была наиболее впечатляющей – 22,6 % (против 14 % в секторе услуг) (табл. 4).

По абсолютной величине глобальный товарный экспорт составил в 2017 г. 17,73 трлн долл., что более чем втрое превышает объемы продаж на внешних рынках коммерческих услуг (5,28 трлн долл.) [9]. Более 70 % мирового экспорта продукции отраслей материального производства форми-

руются обрабатывающей промышленностью, только 15 % приходится на топливо и минеральное сырье и 10 % − на сельскохозяйственную продукцию [10]. При этом традиционная индустрия формирует значительные доли в этих объемах: только на автомобильное, химическое, металлургическое производства, пищевую и текстильную промышленность приходится 38 % глобального экспорта обрабатывающих отраслей.

Таблица 4

Годовой прирост экспорта товаров и коммерческих услуг в мировой экономике в 2017 г. по сравнению с 2016г., %

Регион	Годовой прирост товарного экспорта в 2017 г., %		Годовой прирост экспорта коммерческих услуг в 2017 г., %
	по физическому объему	по стоимости	
Мировая экономика в целом	4,7	10,9	8
Европейские страны	3,0	10,0	9
Страны Северной Америки	4,1	7,3	4
Страны СНГ	7,8	22,6	14
Азиатские страны	9,1	13,0	7
Страны Южной и Центральной Америки	3,5	10,4	5
Страны Африки	3,1	13	13

Источник [10].

Германия формирует 7,3 % мирового товарного экспорта, а вместе с Китаем (его доля −11,5 %) и США (11,1 %) − почти 30 %. Динамика объема поставок страны на внешние рынки в 2017 г. продемонстрировала рекордный за последние 6 лет уровень, выйдя по абсолютной величине на показатель в 1,49 трлн долл. (в 2016 – 1,446, в 2015 – 1,340 трлн долл.) [10]. При этом экспортный потенциал страны обеспечивают и позволяют успешно реализовать традиционные индустриальные отрасли: Германия, в основном, экспортирует специализированное оборудование и машины (26,1 % объемов поставок на внешние рынки), транспортные средства (22,3 %), продукты химической промышленности (15,7 %). При этом страна с 1952 г. сохраняет устойчиво положительное сальдо внешней торговли товарами, которое достигло в 2018 г. 7,26 % ВВП [11].

Наиболее конкурентоспособными отраслями немецкой промышленности остаются относящиеся к четвертому технологическому укладу и формирующие отраслевую структуру индустриальной экономики автомобилестроение, транспортное (вагоностроение, самолетостроение) и общее машиностроение (производство станков, приборов), электротехническое производство, точная механика и оптика, химическая, фармацевтическая и парфюмерно-косметическая промышленность, черная металлургия.

По продажам продукции машиностроения Германия является абсолютным мировым лидером, обеспечивая 20 % годового объема глобальных продаж. Промышленные компании Германии удерживают лидерство в 18 из 31 сегмента мирового рынка машин и промышленного оборудования, генерируя более 77 % доходов за рубежом [12].

Товары группы 8703 – «Автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства, предназначенные главным образом для перевозки людей, включая грузопассажирские автомобили-фургоны и гоночные автомобили», − обеспечили наибольшую долю экспорта из Германии в 2017 г. − 10,8 %. Стоимость экспортированных товаров этой категории достигла 157 млрд долларов. За рубежом реализуются 40 % производимых в стране автомобилей, один только концерн Volkswagen удерживает 11,5 % мирового автомобильного рынка [13]. Экспорт обрабатывающих отраслей Германии в целом уже сейчас в три раза превышает внутреннее потребление.

Глобальные рынки электронной, пищевой, легкой, горнодобывающей, химической отраслей промышленности, автомобилестроения продолжают формировать устойчиво высокий спрос на машиностроительную продукцию Германии. Расширение использования возобновляемых источников энергии, появление новых видов материалов создают новые стратегические возможности, позволяя делать оптимистичные долгосрочные прогнозы относительно динамики спроса и будущего немецкой индустрии.

Десятилетиями сохраняя в отраслевой структуре почти без изменений долю промышленности и, вопреки доминирующим в развитых странах трендам, отказавшись от идеи радикальной деиндустриализации и ускоренного создания сервисно-ориентированной экономики, Германия продемонстрировала, что экспортный потенциал отраслей материального производства далеко не исчерпан. Первой предложив концепцию «Индустрии 4.0» и приступив к системной модернизации промышленности на основе новейших информационных технологий, страна доказала, что реализация возможностей получения дохода, созданных внешним спросом, вполне возможна без радикальной трансформации отраслевой структуры. Она зависит от способности национальной экономики генерировать системные технологические, продуктовые, управленческие и социальные инновации не только в высокотехнологичных, но и в традиционных индустриальных отраслях промышленности, обеспечивая на их основе роботизацию и информатизацию промышленного производства, товарную и географическую диверсификацию промышленного экспорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buckley, P.* The services powerhouse: increasingly vital to world economic growthformance / P. Buckley, R. Majumdar. – Deloitte.Insights, 2018 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.2.deloitte_com/insights/us/en/ economy/ issues-by-the-numbers/trade-in-service-economy-growth.html. − Date of access : 23.03.2019.
2. World Trade Statistical Review 2017 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.wto.org/en-glish/res_e/statis_e/wts2017_e/wts17_toe-e.html.− Date of access : 23.03.2019.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. – Минск, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.economy.gov.by/uploads/files/ NSUR2030.pdf. − Дата доступа : 25.03.2019.
4. Belarus Share of manufacturing in GDP / TheGlobalEconomy.com [Electronic resource]. – Mode of access : http://ru.theglobaleconomy.com/rankings/belarus/ share_of_manufacturing.php. − Date of access : 25.03.2019.
5. Внешняя торговля Республики Беларусь 2018: Статистический сборник [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/b5e/ b5eeb063dead3c19ec3f27d642270471.pdf. – Дата доступа : 22.10.2018.
6. Республика Беларусь 2018: Статистический ежегодник [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/0be/ 0becfeb4ft8551d54808f25ebc33ca51.pdf. – Дата доступа : 20.10.2018.
7. Промышленность Республики Беларусь 2018: Статистический сборник [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. – Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/6ad/ 6adbd1842122a7110048d228052297bc .pdf. – Дата доступа : 12.04.2018.
8. UNIDO Industrial Development Report 2018 [Electronic resource]. – Mode of access : https: // unido.org/sites/default/files/files/2017-11/TDR2018-OVERVIEW-ENGLISH.pdf. – Date of access : 24.03.2019.
9. WTO World Statistical Review 2018 [Electronic resource]. – Mode of access : https: //www.wto.org/statis_e/wts2018_e.pdf. – Date of access : 14.04.2019.
10. UNCTAD Trade and Development Report 2018 [Electronic resource]. – Mode of access : https: // unctad.org/PublicationsLibrary/tdr2018_en.pdf. – Date of access : 20.03.2019.
11. Промышленное производство Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.theglobaleconomy.com/Germany/industrial_production. php. – Дата доступа : 20.03.2019.
12. Germany Machinary Industry Continues Sustainable Growth [Electronic resource]. – Mode of access : https: //www.bizvibe.com/blog/germany-machinery-industry-growth.− Date of access : 12.04.2019.

13. Экспорт товаров из Германии в 2017 году/ TrendEconomy [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://data.trendeconomy.ru/datavier/trade/statistics/h2?reporter=Germanyandtrade_flow=Import,Export. – Дата доступа : 20.03.2019.

О. В. Бригадина

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ (1920–1930-е гг.)

Радикальные изменения в России, вызванные Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. и Гражданской войной 1918–1920 гг., привели к тому, что прежний образ жизни и привычный для большинства мир с принятыми в нем ценностями и нормами стали нежеланны для одних и недостижимы для других. Все это повлекло за собой первую послереволюционную волну российской эмиграции («первую волну»).

Неопределенность юридического положения российского эмигранта и нерешенность международными организациями данной проблемы связывались с тем, что к иностранцам применялся «в целом ряде случаев их “личный”, “национальный” закон» [1, с. 54]. В силу того, что существовавшее ранее российское законодательство было признано в Советской России недействительным, становилось неясно, какой закон должен был быть применим к российским эмигрантам взамен «национального» закона.

По декрету «О бесхозяинном имуществе» от 3 ноября 1920 г. и постановлению «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР» от 19 ноября 1920 г. российские эмигранты лишались всей свой собственности и возможности возвращения на Родину [2, с. 50]. 15 декабря 1921 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров опубликовали декрет о лишении гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. Согласно данному постановлению, гражданства лишались: 1) лица, пробывшие за границей более пяти лет и не получившие от большевистского правительства паспорт до 1 июня 1922 г.; 2) лица, выехавшие из страны после Октябрьской революции без разрешения советских властей; 3) лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против новой власти и контрреволюционных организациях; 4) лица, имевшие право оптации российского гражданства и не воспользовавшиеся этим правом к моменту истечения таковой. Также предусматривалась возможность для лиц, указанных в п. 2 и п. 3 до 1 июня 1922 г. подать заявление в адрес ВЦИК о восстановлении гражданства, для чего требовалось заявление о принятии подданства РСФСР, покаяние во всех прегрешениях против власти и принятие просителем всех принципов и порядков советского строя [3, с. 168–169]. С принятием данного декрета широкий круг лиц-выходцев из прежней Российской империи был

лишен защиты в системе международных правовых отношений, при этом российские эмигранты обладали меньшим набором прав и свобод, чем граждане страны-реципиента. Важную роль в урегулировании проблемы правового статуса эмигрантов сыграли прежние посольства и консульства Российской империи, которые впоследствии были реорганизованы в офисы беженцев с сохранением их юридических полномочий. Дипломатическое представительство занималось выдачей документов, защитой эмигрантов в получении образования и трудовой деятельности, а также препятствовало высылке из страны проживания. После эвакуации Белой армии из Крыма задача защиты интересов российских эмигрантов была передана специально организованному Совещанию послов во главе с М. Н. Гирсом, а затем В. А. Маклаковым [2, с. 45]. Данной организации принадлежала компетенция распоряжения государственными средствами и имуществом Российской империи [2, с. 48], она материально поддерживала благотворительную работу Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Несмотря на то, что местные власти с пониманием относились к работе представителей прежнего дипломатического корпуса, выдаваемые ими документы не имели официального статуса. В силу изложенных обстоятельсв в межвоенное время проблема правового статуса покинувших Россию стала темой активного обсуждения на международном уровне. В процессе выработки новых норм определяющая роль принадлежала Лиге Наций. В целях обеспечения оперативной и эффективной работы на первой межправительственной конференции, созванной под эгидой Лиги Наций в августе 1921 г., было принято решение об учреждении особого комиссариата по делам русских беженцев, а также о введении должности Верховного комиссара по делам русских беженцев. На него была возложена деятельность по регулированию правового статуса беженцев, проведение репатриации или организация размещении беженцев по странам, которые могли бы их принять, а также проведение отдельных мероприятий по оказанию помощи беженцам [4, с. 239]. При Верховном комиссаре действовало два совещательных органа: Межправительственная комиссия, в состав которой входили представители тринадцати государств, и Совещательный комитет, который был представлен уполномоченными от организаций, оказывавших помощь беженцам (например, международных благотворительных организаций или общественных организаций эмигрантов). В решении вопроса о юридичесом статусе беженцев позиции государств определялись стремлением сохранить свою самостоятельность в сфере законодательства и не допустить серьезных изменений в данной сфере. По мнению Ф. Нансена, необходимо было проводить работу по переписи эмигрантов, расселению их по странам и трудоустройству, а также урегулированию деятельности различных благотворительных организаций и учреждений [2, с. 34]. В июле 1922 г. на Женевской конференция был принят текст сертификата для российских эмигрантов, так называемого «нансеновского паспорта», благодаря которому признавалось их особое юридическое положение. Однако обязательства

стран-реципиентов по оказанию помощи владельцам данного документа оставались самыми минимальными: «нансеновский паспорт» не облегчал процедуру получения визы и вида на жительство в стране пребывания, а также не гарантировал возвращения в страну, выдавшую паспорт [5, с. 37].

Для российских эмигрантов проблема передвижения оставалась одной из самых существенных на протяжении межвоенного времени, прежде всего из-за наличия визового режима. Правила выдачи русским беженцам удостоверений личности устанавливали, что беженец может быть допущен в то государство, в которое он желает въехать, при условии, если это государство выдаст ему визу на основании этого документа. В социально-экономической сфере жизни обладатели «нансеновского паспорта» также не располагали тем набором прав, которые были у граждан той или иной страны. По словам В. В. Набокова, «нансеновский паспорт» был «чрезвычайно неполноценным документом болезненно-зеленого оттенка. К обладателю этой бумажки относились немногим лучше, чем к преступнику, выпущенному из тюрьмы под подписку о невыезде» [6, с. 568]. Процедура и условия выдачи сертификата определялись местными властями и представительствами Международного бюро труда, которые, в свою очередь, сотрудничали и с эмигрантскими организациями.

Русскими беженцами стали считаться лица русского происхождения, не пользовавшиеся защитой Советского Союза, но не ставшие подданными другого государства [5, с. 37]. Подчеркивалось, что термин *русский* необходимо понимать в юридическом смысле, т. е. как выходец из бывшей Российской империи, а не с точки зрения культурной принадлежности [5, с. 37]. Поэтому для понимания сложности правовых условий жизни и работы выходцев из России в Германии, необходимо проанализировать основные правовые нормы для иностранцев в данном государстве.

Германия занимала особое место по распространению русскоязычных эмигрантских центров в Европе. Одной из причин была традиционная ориентация гуманитарной интеллигенции на высшее образование Германии. Многие до революции учились в немецких университетах или посещали лекции крупнейших профессоров в качестве вольнослушателей. Второй причиной была территориальная близость Германии с Россией. Существовала еще одна веская причина: после поражения в Первой мировой войне в Германии практически отсутствовал жесткий визовый режим въезда в страну, что для лишенных всяких прав беженцев было очень важно. В ряду объективных причин были также сравнительная дешевизна жизни из-за послевоенной инфляции и относительная лояльность германского правительства к национальным меньшинствам, в том числе и беженцам из России.

В истории послереволюционной российской эмиграции в Германии можно выделить три основных периода. В 1920–1922 гг. на ее территории оказалось значительное количество бывших подданных Российской империи, представлявших различные слои общества. С заключением Раппальского договора начался второй период (1922–1932гг). Кризис и распад русскоязыч-

ной колонии в Германии характерен для третьего периода – 1933–1939 гг. Утверждение нацистского режима принудило основную часть выходцев из России выехать в другие страны.

Данные о численности российской эмиграции в Германии в значительной степени разнятся. К «русским» было принято относить всех бывших подданных Российской империи, независимо от их этнической принадлежности. Историк В. Костиков отмечал, что в 1921 г. в результате массового исхода из России Германия будто «кипела эмигрантами» их там скопилось около 600 тысяч. Немецкий исследователь Х. Е. Фолькман в своей книге «Русская эмиграция в Германии в 1919–1929 гг.» приводит несколько иные данные. По его мнению, на 1 марта 1921 г. число русских беженцев в Германии достигло 50–80 тыс., а в декабре 1922 г. их число уже увеличилось до 600 тысяч. Г. Рар, опираясь на данные Британского королевского общества, приводит следующие цифры: 1922 г. – 240 тыс., 1937 г. – 450 тыс. [7, с. 180–181]. Российская колония в Германии была дифференцирована в материально-имущественном и социальном отношении. Практически сразу она разделилась на две условные группы: «устроившихся» т. е. занявших более-менее стабильное положение и «нуждающихся», которых было большинство. К этой группе относились офицеры белых армий, не имевших, как правило, иной профессии, кроме военной; солдаты, не знавшие языка, интеллигенция и множество рядовых беженцев. По мнению И. Эренбурга, среди них было много людей, не понимавших, как и почему они очутились в эмиграции: «Одни убежали в припадке страха, другие от голода, третьи потому, что уезжали из России их соседи. Кто-то остался, кто-то уехал: один брат ходил на субботники в Костроме, другой мыл тарелки в берлинском ресторане «Медведь» [7, с. 180]. Большинство эмигрантов были вынуждены соглашаться на любую работу. По закону об иностранных рабочих предпочтение отдавалось немцам, причем иностранцы могли трудоустроиться, если работодатель имел на это особое разрешение. Власти стремились защитить собственных граждан от безработицы, от конфликтов на производстве. Эмигранты не могли претендовать на государственное пособие по безработице, на работу в госструктурах. Ситуация изменилась после постановления правительства от 6 июня 1922 г., по которому всех российских эмигрантов стали определять как лиц без гражданства. Для решения проблемы в Германии были введены удостоверения личности – нансеновские паспорта, которые подтверждали статус лица без гражданства. Его владелец имел право обращаться к властям за получением вида на жительство, оформлять визы для выезда за рубеж, периодически продлевать срок действия паспорта. Для правовой защиты лица без гражданства имели право обращаться в суд в случае утраты дееспособности, многие неимущие эмигранты были освобождены от налогов. Исключение составили лишь те лица, которые владели акциями, недвижимостью, предметами искусства и т. д., а также решившие поменять страну пребывания. По немецкому законодательству иностранцы имели право сдавать или нанимать жилье, при этом специальные жилищные комиссии контролировали стоимость подоб-

ных процедур; оплата съемной квартиры, расходы на отопление и другие услуги оплачивались в равных долях с хозяином жилья. Вместе с тем, для значительной части русскоязычной колонии подобные привилегии были недоступны. В разных городах Германии существовали беженские лагеря на базе санитарных бараков, помещений бывших лагерей для военнопленных, заброшенных домов.

Помощь беженцам оказывали международные организации и католическое духовенство. Под их контролем действовал Комитет помощи русским детям Германии, «Пост помощи эмигрантам». После подписания Раппальских соглашений в Берлине было основано Бюро по делам русских беженцев, которое помогало в решении правовых и административных проблем, занималось финансированием и распределением материальной помощи приютам, лагерям беженцев, школам. В 1920-е гг. по разрешению местных властей стали создаваться эмигрантские комитеты самопомощи, Русские благотворительные общества, начала действовать Организация генеральных поверенных для русских беженцев. Поддержку оказывали земско-городской комитет, Красный крест, Берлинское объединение русских врачей, Союз русских студентов и другие.

Однако несмотря на усилия немецких властей и эмигрантских организаций, социальное и правовое положение беженцев было непрочным. Проблема безработицы оставалась нерешенной, ощущение обреченности и бесправие вынуждало многих переселиться во Францию и другие страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Романова, М. П.* Мемуары / М. П. Романова. – М.: Захаров, 2004. – 512 с.
2. *Бочарова, З. С.* Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920–1930-е годы / З. С. Бочарова // История. – 2002. – № 2. – С. 25–53.
3. *Сабенникова, И. В.* Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование / И. В. Сабенникова. – Тверь : Золотая буква, 2002. – 429 с.
4. *Гусефф, К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы) / Катрин Гусефф. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
5. Соглашение о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам, 5 июля 1922 г. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 1. – С. 37–38.
6. *Набоков, В. В.* Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / В. В. Набоков. – СПб. : Симпозиум, 2009. – Т. 2. – 784 с.
7. Проблемы истории русского зарубежья. Материалы и исследования. – М. : Наука, 2005. – 453с.

П. А. Концевой

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕРМАНСКОГО РЕПАРАЦИОННОГО ОБОРУДОВАНИЯ НА ВОССТАНОВЛЕННЫХ И ВНОВЬ ПОСТРОЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ БССР (1945 – начало 1950-х гг.)

В результате боевых действий и нацистской оккупации территории БССР был причинен существенный вред промышленности республики. На момент освобождения в БССР в 1944 г. сохранилось только 15 % заводов и фабрик в сравнении с довоенным уровнем. Оккупанты разрушили или вывезли в Германию 10 338 промышленных объектов [1, с. 59]. Причем 90 % станочного и технологического оборудования белорусских предприятий было вывезено или уничтожено [2, л. 382 об]. Например, было уничтожено и вывезено в Германию 9 698 металлорежущих станков, а еще 574 таких станка было повреждено, что в общей сложности составило 10 272 единицы оборудования [3, с. 425, 426].

Для восстановления промышленного потенциала республики были необходимы срочные меры. В связи с чем особое значение приобрели репарационные поставки, выплачиваемые Германией и ее союзниками в соответствии с решениями Крымской и Потсдамской конференций 1945 года. Важнейшей частью этих поставок являлось промышленное оборудование.

По данным «Отчета о поступлении промышленного оборудования и материалов из Советской зоны оккупации Германии в Белорусскую ССР за 1945–1948 гг.», 286 предприятий БССР[1] получили к 1948 г. 59 848 единиц оборудования [4, л. 62]. Эти цифры также не являются в полной мере исчерпывающими, так как имеются архивные документы, свидетельствующие о поступлении репараций на предприятия, не указанные в отчете. Например, в данном документе не учтено репарационное оборудование, поступившее на Могилевский завод «Строммашина», в количестве 339 единиц [5, л. 22]. Из анализа приведенных данных следует, что белорусские предприятия к началу 1948 г. получили как минимум 59 848 единиц оборудования из которых только 10 610 единиц являлись металлорежущими станками [4, л. 62]. По другим данным, металлорежущих станков поступило в количестве 11 123 единиц [6, л. 34]. Обе эти цифры свидетельствуют, что поставки по репарациям металлорежущих станков в определенной степени превзошли потери данного вида оборудования в годы войны, которые равнялись 10 272 станкам, согласно данным отчета Белорусской республиканской комиссии содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и гражданам Белорусской ССР в 1941–1944 гг. [3, с. 425, 426]. Вместе с тем, согласно данным «Отчета о работе Центрального Комитета КП(б)

[1] Подсчитано автором на основании [4, л. 1–62].

Белоруссии за 1946 г.», к концу 1946 г. в БССР из Германии завезли 38 241 единицу фабрично-заводского производственного оборудования, в том числе металлорежущих станков 11 726, что составило 156 % по сравнению с количеством, имевшимся на 1 января 1940 года. Причем в отчете отмечалось, что данное оборудование являлось в значительной части технологически современным и высокопроизводительным [2, л. 384 об]. Представленное сравнение показывает наличие определенных противоречий в статистических данных. В этой связи, мы будем опираться на данные «Отчета о поступлении промышленного оборудования и материалов из Советской зоны оккупации Германии в Белорусскую ССР за 1945–1948 гг.» как наиболее полного документа [4, л. 1–62].

Большая часть репарационных поставок была направлена на заводы восточных и центральных областей БССР. Фактическим лидером в получении репарационных поставок стал город Минск, в который на 1 июля 1947 г. поступило 7 478 вагонов на сумму 143 млн 199 тыс. рублей. Необходимо обратить внимание на то, что сумма оцененного репарационного промышленного оборудования и материалов в целом по БССР составила 311 млн 435 тыс. рублей, а город Минск получил из этого количества имущество на сумму 143 млн 199 тыс. рублей [7, л. 85]. Таким образом, стоимость оцененного репарационного оборудования и материалов, поставленных в город Минск, составила 46 % от общего количества этих поступлений в БССР[1]. По уточненным данным, к 1 октября 1947 г. репарационное имущество на сумму 147 млн 177,8 тыс. рублей поступило на 200 предприятий и организаций столицы БССР [7, л. 249 об. 250]. Необходимо отметить, что приведенные нами сведения, касающиеся объемов поступления репарационных поставок в город Минск, уточняют и дополняют данные исследователя Г. П. Бущик, которая отмечала, что к началу 1947 г. на 150 предприятий и организаций Минска было направленно 5 666 вагонов с оборудованием на сумму 115 млн рублей [8, с. 58]. Репарационное оборудование стало основой станочного парка не только восстановленных, но и вновь созданных в Минске предприятий, таких как автомобильный, тракторный и велосипедный заводы. Вместе с тем и в Западной Беларуси с использованием репараций был создан ряд больших предприятий, таких как Гродненский тонкосуконный и Скидельский сахарный комбинаты.

Рассмотрим более подробно особенности использования репарационного оборудования в послевоенные годы на промышленных предприятиях БССР.

Минский автомобильный завод являлся одним из тех предприятий, при строительстве которых в значительной мере использовались репарационные поставки из Германии. В довоенное время на месте будущего автозавода размещались ремонтные мастерские 26-й танковой дивизии, входившей в состав 20-го механизированного корпуса Рабоче-Крестьянской Красной Армии [9].

[1] Подсчитано автором на основании [7, л. 85].

Во время оккупации германская фирма «Даймлер-Бенц» при участии военно-строительной организации «Тодт» на территории танкового городка построила авторемонтный завод для вермахта [10], получивший название «Gross K-Werk». К строительству предприятия были привлечены 11 специальных строительных немецких фирм и 300 технических специалистов. С 1 октября по 30 июня 1942 г. оккупантами на строящийся завод было завезено 284 вагона с техникой, оборудованием, строительными материалами [11, с. 54]. Завод использовался для ремонта автомобильной техники, принадлежавшей германской армии и считался одним из крупнейших предприятий в оккупированной нацистами Восточной Европе. На нем было занято 5 000 рабочих [10].

При строительстве завода использовался труд советских военнопленных и местного населения, в том числе евреев. Рабочая сила поставлялась на завод также из белорусских деревень после операций по борьбе с партизанами [10]. Организация «Тодт» постоянно требовала увеличения количества рабочей силы, а тяжелая физическая работа носила принудительный характер [12, с. 123]. Например, в начале октября 1942 г. на строительстве завода «Gross K-Werk» были заняты более 3500 рабочих, среди них: 1050 советских военнопленных и 2463 гражданских рабочих (932 человека – белорусы, 429 – поляки, 104 – французы и итальянцы, 878 – немцы) [11, с. 54]. В результате принудительного труда советских военно-пленных, местных жителей и иностранных граждан было построено более тридцати закрытых ремонтных павильонов, общая площадь которых превышала 76 000 м² [11, с. 54]. В частности, на территории завода находился производственный корпус площадью в 52 000 м², бетонные дороги, эстакады, железнодорожные пути, а также ряд других сооружений [13, л. 49]. На оставшейся после отступления оккупантов материальной базе в 1944 г. был создан автосборочный завод Министерства автомобильной промышленности СССР [14, л. 49]. К лету 1945 г. у советского руководства сформировалась идея строительства полноценного автомобильного завода в Минске с использованием уже имеющейся материальной базы. Началом создания Минского автозавода считается 26 августа 1945 г., когда Государственный Комитет обороны принял постановление «О восстановлении и развитии автомобильной промышленности» [14, с. 26].

Существовавшие со времен войны корпуса с началом строительства Минского автомобильного завода были реконструированы. Первые поставки оборудования по репарациям на будущий МАЗ начались весной 1945 года. Так, уже в конце мая этого года на завод поступило 590 единиц промышленного оборудования из Вены, а также ожидалась отгрузка станков из Данцига, Берлина и Померании [15, л. 94]. По состоянию на ноябрь 1946 г. на автозавод поступило 3253 единицы промышленного оборудования на сумму 13,9 млн рублей, из которых 3233 единицы стоимостью 13,3 млн рублей было поставлено на завод в счет репараций [16, л. 22]. Однако часть станков, которые не могли быть использованы заводом [17, л. 7], впослед-

ствии были переданы другим предприятиям. По данным на 1 октября 1947 г., МАЗ в целом получил репарационного оборудования на сумму в 19,4 млн рублей [18, л. 132], т. е. за прошедшие с ноября 1946 г. одиннадцать месяцев на завод было его поставлено на сумму 6,1 млн рублей. При этом всего на закупку оборудования в 1947 г. было израсходовано 8,9 млн рублей [19, л. 90]. Таким образом, большая часть станочного парка МАЗа в 1945–1947 гг. была укомплектована в результате репарационных поставок. Еще одно подтверждение этому факту можно найти в данных единовременной переписи оборудования по автозаводу на 1 июня 1948 г. В то время за этим заводом числилось 2 249 единиц металлорежущего, кузнечно-прессового, деревообрабатывающего оборудования, из которого 2 182 станка были получены по репарациям [20, л. 3].

Во многом благодаря своевременному вводу в эксплуатацию полученного репарационного оборудования к 7 ноября 1947 г. были собраны первые пять самосвалов модели МАЗ-205. В 1948 г. на Минском автозаводе было выпущено уже 206 автомобилей [21, с. 248], в этом же году было завершено строительство первой очереди завода и началось серийное производство автомобилей. В конце 1940-х гг. на Минском автозаводе велось строительство второй очереди предприятия, которая была введена в строй в 1950 г. [22, л. 10, 11]. Уже в 1951 г. заводом было выпущено 25 тыс. автомобилей, что на 10 тыс. машин больше запланированного объема [23].

Еще одним крупным предприятием, на котором использовалось репарационное оборудование, являлся Минский тракторный завод. Он начал возводиться на основе авиационного завода, работавшего здесь в 1944–1945 гг. [24, с. 326]. 9 мая 1946 г. вышло постановление № 1142 Совета министров СССР «О строительстве Минского тракторного завода Министерства сельскохозяйственного машиностроения» [25, л. 52]. Значительная часть станков прибыла на МТЗ с тракторного завода «Фамо» в городе Шенебеке, самолетостроительного завода фирмы «Хейнкель» в городе Ораниенбурге, а также со склада станции Бард. Всего минские тракторостроители получили 1 246 репарационных станков, из которых 819 были металлорежущими [4, л. 51]. Кроме того, на предприятие поступили в порядке перераспределения со Сталинградского тракторного завода германские материалы стоимостью 311,4 тыс. рублей. В то же время Минский тракторный завод передал на другие предприятия оборудования на сумму 427,6 тыс. рублей, а также 320 единиц репарационного оборудования, невостребованного на заводе [7, л. 164–165].

Репарационное оборудование сравнительно оперативно монтировалось в возводимых цехах тракторного завода. К 1 ноября 1947 г. было смонтировано порядка 300 единиц оборудования [18, л. 44]. Однако зафиксирован и ряд примеров небрежного отношения к его хранению. Несмотря на выявленные недостатки, а также другие трудности, завод был возведен и начал выпуск продукции в кратчайшие сроки. Успешное освоение новой для промышленности БССР отрасли состоялось, в том числе и благодаря привлечению репараций.

Датой основания Минского велозавода стало 6 ноября 1945 г., а уже в декабре того же года прибыл первый эшелон с репарационными поставками для будущего предприятия. Часть оборудования была направлена с немецкого завода DKW в городе Цшопау. Причем оборудование, оснастка и техническая документация с этого завода поставлялись не только в Минск, но и в Москву, Ижевск, Серпухов [26]. Основная же часть оборудования была поставлена на МВЗ с велосипедного завода «Бренабор» в городе Бранденбурге [4, л. 50].

Примечательным является тот факт, что репарационные поставки в порядке перераспределения на Минский велозавод продолжились в начале 1950-х годах. Как уже отмечалось, часть оборудования и документации завода DKW отправили в Москву, где наладили выпуск созданного немецкими специалистами мотоцикла DKW RT 125 под маркой М1А. Однако приказом Министерства автотракторной промышленности СССР № 494 от 12 июля 1951 г. производство мотоцикла М1А было передано из Москвы в Минск [27]. На базе данной немецкой разработки зародилось целое семейство мотоциклов «Минск».

Из вышеуказанного следует: во-первых, косвенные поставки репарационного оборудования (посредством перераспределения между заводами СССР) продолжались еще и в начале 1950-х гг.; во-вторых, в случае с велозаводом четко прослеживается факт получения не только оборудования, но и технологии производства конкретной модели немецкого мотоцикла.

Значительную долю станочного парка репарационное оборудование составляло и на Витебской чулочно-трикотажной фабрике имени «КИМ». Исходя из данных за июль 1949 г., на балансовой стоимости основных средств этой фабрики числилось производственного и силового оборудования на сумму в 14,8 млн рублей [28, л. 35]. Репарационное оборудование оценивалось на сумму в 5,5 млн рублей [29, л. 138], то есть более одной трети оборудования на фабрике являлось репарационным. Причем до войны это было небольшое предприятие с современным по тем временам оборудованием. В начале войны с него смогли эвакуировать в город Ульяновск только один эшелон с оборудованием и около 100 рабочих и специалистов [30, с. 3].

Получение репарационного оборудования белорусскими заводами предполагало его демонтаж с части германских промышленных предприятий и отправку в БССР. Например, 26 июня 1945 г. было принято решение Особого комитета ГКО СССР № 9617 о демонтаже суконной фабрики в городе Гроссенхайне и о передаче ее Министерству текстильной промышленности БССР с последующей установкой данного комплекта оборудования на Гродненском тонкосуконном комбинате. Для организации демонтажа и отправки в Гродно промышленного оборудования в город Гроссенхайн были направленны представители Оперативной группы Совета министров БССР [4, л. 4, 49].

Важнейшей первоначальной задачей при демонтаже оборудования был сбор и составление всей технической документации демонтируемого производства. Во многих случаях, особенно на новых и сложных производствах, отсутствовала документация по технологическому процессу. Поэтому приходилось самостоятельно организовывать эксплуатацию производства для освоения, изучения и воссоздания документации по технологическому процессу [31, л. 17]. На суконной фабрике в городе Гроссенхайне оказалось некоторое количество шерсти. Перед демонтажем она была пущена в эксплуатацию и выработала 46 300 м сукна и 31 975 шт одеял. Сукно и одеяла были отправлены Белглавснабу, который оплатил работу опергруппы по плановой цене 17 рублей 50 копеек за метр. После переработки шерсти фабрика была демонтирована и отправлена в город Гродно, где и была восстановлена. На Гродненский тонкосуконный комбинат прибыло 196 вагонов с 394 единицами технологического оборудования [4, л. 4, 49].

Оперативный ввод в эксплуатацию Гродненского тонкосуконного комбината (например, прядильная фабрика начала свою работу уже в 1947 г.), позволил не только наладить производство необходимой продукции, но и способствовал превращению города Гродно в крупный промышленный центр Беларуси. Причем значительную роль в этом сыграли репарационные поставки промышленного оборудования, которое получили и другие крупные предприятия Гродненской области. Например, Скидельский сахарный комбинат получил 225 вагонов с 228 единицами технологического оборудования, отправленных из города Шенфлис [4, л. 37].

В ряде случаев на белорусские заводы приходило устаревшее репарационное оборудование. Однако оно часто имело приемлемый износ и могло еще найти применение в промышленности. Например, можно привести сведения, касающиеся партии репарационного оборудования, поступившего на «Гомсельмаш» к августу 1945 г. (оно было оценено на сумму в 737,5 тыс. рублей). Более 60 % этого оборудования являлось морально устаревшим, но его физическое состояние было вполне удовлетворительным [32, л. 49].

В документах фигурирует ряд примеров поступления некомплектного оборудования. Причины таких случаев были различными: это и демонтаж уже разукомплектованного оборудования, и хищение ценных деталей оборудования во время его транспортировки и хранения, и повреждение важных агрегатов во время разгрузки. Получая такое оборудование, инженерно-технический состав белорусских предприятий должен был находить выход из данной проблемы, комплектуя станки отечественными агрегатами, которые в неполной мере подходили для данного оборудования, что, в свою очередь, приводило к ухудшению технологических свойств станков, а также в ряде случаев к нарушению правил техники безопасности. Такая ситуация сложилась и на Оршанском льнокомбинате. В протоколе технического совещания у директора этого предприятия отмечалось, что 17 прядильных машин «Ферберн» должны были оснащаться 34 электродвига-

телями закрытого типа, но в силу их отсутствия на станки установили электродвигатели открытого исполнения советского производства модели «Урал». Двигатели «Урал» являлись опасными в пожарном отношении, что и отмечалось на совещании, но из-за необходимости пуска оборудования руководство комбината было вынуждено согласиться с установкой не предусмотренных проектом комплектующих. В перспективе, по мере поступления необходимого электрооборудования, планировалось устранять вынужденные отступления от проекта [33, л. 8, 10].

В освоении репарационной техники белорусскими предприятиями существовали и другие сложности кроме тех, которые были связаны с некомплектностью станков. Среди них можно выделить проблему использования в технологическом процессе сырья и полуфабрикатов, не предусмотренных их изначальной конструкцией, или переоборудование станков под выпуск продукции, отличной от предусмотренной техническими характеристиками. Так, в сведениях «по внедрению новой техники на Оршанском льнокомбинате за 3-й квартал 1947 г.» присутствуют интересные факты по данному вопросу. Во-первых, на предприятии были переоборудованы под кардельную пряжу «обыкновенные» ватера «Ферберн» (в количестве пяти сторонок), изначально не предназначенные для такой пряжи. Параллельно приводятся данные о запуске в эксплуатацию и освоении кольцевых ватеров «Бойд» (в количестве шести сторонок, 480 веретен), вырабатывающих уточную кардельную пряжу [34, л. 43]. Таким образом, Оршанскому льнокомбинату был нужен определенный тип ватера (машины, предназначенной для мокрого прядения льна), который вырабатывал бы кардельную пряжу. Однако по репарациям было поставлено то оборудование, которое находилось на демонтируемом германском предприятии. Поэтому технической службе комбината пришлось переоборудовать имеющиеся станки под выпуск необходимой продукции.

Во-вторых, в этом же документе приводятся данные об освоении на Оршанском льнокомбинате в сентябре 1947 г. резки на машинах фирмы «Гобель» отечественной бумаги марки ПНК и определении ее прядильных свойств [34, л. 43]. То есть предприятиям приходилось проводить исследовательские работы на предмет пригодности отечественного сырья для использования в репарационном оборудовании.

Также происходили затруднения при монтаже и пуске оборудования из-за отсутствия его чертежей. Например, Минскому заводу заточных станков в 1945 г. были переданы 44 единицы технологического оборудования с завода прецизионных станков «Шульц» в городе Берлине, но их ввод в строй задерживался именно из-за отсутствия чертежей [35, л. 7].

Из приведенных выше материалов следует, что в различных отчетах зафиксировано значительное количество нареканий, касающихся качества репарационного оборудования. Однако не стоит забывать, что в отчеты по результатам проверок всегда попадали недостатки, а наличие положительных сторон проверяющими принималось как должное и на этом не акценти-

ровалось внимание. Вместе с тем, несмотря на упомянутые недостатки, репарационное оборудование длительное время использовалось на белорусских предприятиях и имело экономическую отдачу для промышленности БССР.

Таким образом, репарационное оборудование стало основой станочного парка как минимум 286 восстановленных и вновь построенных промышленных предприятий БССР. Использование данного оборудования позволило в определенной мере не только ускорить темпы восстановления промышленности БССР, но и заложить фундамент ее дальнейшего развития. Это оборудование сыграло роль своеобразного стартового капитала при восстановлении промышленного потенциала республики. При этом репарации являлись только одним из источников восстановления промышленности БССР. Главную роль в успехе послевоенного восстановления экономики республики сыграл героизм и самоотверженный труд белорусского народа. Репарационные поставки в определенной мере компенсировали материальные потери БССР, но они ни в коей мере не смогли компенсировать те жертвы и страдания, которые понес белорусский народ в результате нацистской агрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Олехнович, Г. И.* Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945) / Г. И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 81а. Д. 29.
3. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944. – Минск : Беларусь, 1965. – 464 с.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 62. Д. 58.
5. Государственный архив Могилевской области (ГАМгО). – Ф. 2316. Оп. 5. Д. 8.
6. НАРБ. – Ф. 899. Оп. 1. Д. 4.
7. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 9. Д. 1049.
8. *Бущик, Г. П.* Экономические связи Беларуси в годы послевоенного восстановления народного хозяйства / Г. П. Бущик // Директор. – 2005. – № 5. – С. 56–59.
9. Минский Автомобильный завод. История [Электронный ресурс] // ТОО «Центр МТС-сервис». – Режим доступа : http://www.mts.kz/maz/istoriya_maz. – Дата доступа : 20.03.2019.
10. Минск: немецкие фирмы в оккупированной Восточной Европе [Электронный ресурс] // Международная передвижная выставка «Принудительный труд». – Режим доступа : http:// http://www.ausstellung-zwangsarbeit.org/ru/minsk.html. – Дата доступа : 09.03.2019.
11. *Новікаў, С. Я.* Працоўныя рэсурсы як стратэгічны фактар германскай акупацыйнай палітыкі на тэрыторыі Беларусі (1941–1945 гг.) / С. Я. Новікаў // Літвін, А. М. Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі, 1941–1945 гг. / А. М. Літвін, Я. А. Грэбень, С. Я. Новікаў. – Мінск : Тэсей, 2010. – С. 22–88.

12. *Новікаў, С. Я.* Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі, 1941–1944 гг. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў) / С. Я. Новікаў. – Мінск : МГЛУ, 2002. – 219 с.
13. Государственный архив Минской области (ГАМинО). – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 37.
14. *Блистинов, М. М.* Минский автомобильный. Очерк истории завода / М. М. Блистинов, Ю. К. Богушевич, Е. Г. Вайнруб. – Минск : Беларусь, 1972. – 240 с.
15. ГАМинО. – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 10.
16. ГАМинО. – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 2931.
17. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 6. Д. 83.
18. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 6. Д. 72.
19. ГАМинО. – Ф. 2363. Оп. 1. Д. 934.
20. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 6. Д. 82.
21. История рабочего класса Белорусской ССР : в 4 т. / редкол.: П. Т. Петриков (председ.) [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1984–1987. – Т. 3 : Рабочий класс БССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества (1938–1960) / П. Т. Петриков [и др.]. –1985. – 485 с.
22. ГАМинО. – Ф. 2363. – Оп. 1. – Д. 1291.
23. Минский автомобильный завод [Электронный ресурс] // История автомобилестроения. – Режим доступа : http://autohis.ru/maz.php. – Дата доступа : 14.03.2019.
24. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1994 – 1995. – Ч. 2. – 1995. – 560 с.
25. ГАМинО. – Ф. 3341. Оп. 1. Д. 93.
26. Минский мотоциклетно-велосипедный завод [Электронный ресурс] // Википедия – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Минский_ мото-циклетно- велосипедный_завод. – Дата доступа : 07.03.2019.
27. О компании [Электронный ресурс] // M1NSK. – Режим доступа : http://minsk-moto.by/pages/about.html. – Дата доступа : 20.03.2019.
28. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1144. Оп. 7. Д. 35.
29. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 9. Д. 1058.
30. Витебский ордена Ленина чулочно-трикотажный комбинат имени КИМ / худож. К. В. Хотяновский. – Минск : Полымя, 1990. – 26 с.
31. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. Оп. 326. Д. 2155.
32. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 6. Д. 39.
33. Зональный государственный архив в г. Орше (ЗГАО). – Ф. 1347. Оп. 1. Д. 105.
34. ЗГАО. – Ф. 1347. Оп. 1. Д. 34.
35. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 6. Д. 23.

А. Г. Цымбал

БЕЛАРУСКАЕ ПЫТАННЕ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў ПОГЛЯДАХ ПОЛЬСКІХ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ ДЭМАКРАТАЎ І КАНСЕРВАТАРАЎ У 1920-я гг.

Нацыянальнае пытанне, у тым ліку беларускае, у Польшчы з'яўлялася ключавым ва ўнутранай і знешняй палітыцы. Яно вызначала грамадска-палітычнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае жыццё заходнебеларускага рэгіёна, мэты дзейнасці дзяржавы і мясцовай адміністрацыі ва ўсіх сферах – ад арганізацыі школьнай справы, да ажыццяўлення аграрнай рэформы. Першыя даследаванні беларускага пытання адрознівала невялікая адлегласць па часе ад непасрэдных падзей і працэсаў, якія вывучаліся. На працы значны ўплыў мела палітыка польскай дзяржавы, унутрыпалітычныя супярэчнасці і міжпартыйныя канфлікты, аўтары часта з'яўляліся не толькі навукоўцамі, але і грамадска-палітычнымі, дзяржаўнымі дзеячамі, якія прапаноўвалі сваё бачанне беларускай праблематыкі і спосабы вырашэння нацыянальнага пытання. Перад польскімі ўладамі ў 1920-я гг. востра стаяла задача інтэграцыі далучаных усходніх тэрыторый, што патрабавала адпаведнага абгрунтавання. Асобны інтарэс выклікае ацэнка польскімі даследчыкамі нацыятворчага патэнцыялу беларускага насельніцтва. Пытанні этнічнасці, нацыябудаўніцтва і перспектыў беларускай дзяржаўнасці таксама знаходзіліся ў цэнтры ўвагі аўтараў, якія выказваліся па беларускім пытанні.

Лідар нацыянальна-дэмакратычнага палітычнага накірунку ў Польшчы Р. Дмоўскі ў сваім творы «Думкі сучаснага паляка» ўжо ў 1903 г. акрэсліў наступную мадэль польскага погляду на ўсходнія землі і нацыятворчы патэнцыял беларусаў. Зыходзячы з нацыянал-дарвінізму, ідэі аб барацьбе народаў, ён прызнаваў за беларусамі і іншымі суседнімі народамі некаторыя культурныя адрозненні, але адмаўляў ім у перспектыве стварэння ўласнай нацыі і дзяржавы. Беларусаў адносіў на катэгорыі цывілізацыйна пасіўных народаў, што абумовіла польскую місію на ўсходзе – несці культуру і спрыяць далучэнню да прагрэсіўнай польскай цывілізацыі. Узорам асіміляцыі беларусаў для Р. Дмоўскага з'яўлялася палітыка Рэчы Паспалітай адносна шляхты ВКЛ, якая прывяла да яе паланізацыі [1, s. 66, 114]. Аналагічна Дмоўскім былі закладзены асноўныя накірункі польскай асіміляцыйнай палітыкі, якія вынікалі з яго аналіза небяспекі для польскага народа, зробленага яшчэ ў 1914 г. у працы «Упадак кансерватыўнай думкі ў Польшчы». Дзве з трох пагроз, адзначаных ім, датычыліся менавіта беларускіх зямель. Першай з'яўлялася перспектыва заняпаду польскай культуры на «крэсах» і рост нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Другая – змяншэнне польскага землеўладання на ўсходзе [2, s. 63–64]. Менавіта ідэі Р. Дмоўскага, агучаныя яшчэ да Першай сусветнай вайны, заклалі аснову нацыянальна-дэмакратычнага падыходу да нацыянальнага пытання ў Польшчы і атрымалі далейшае развіццё ў працах іншых аўтараў.

У першыя гады існавання міжваеннай Польшчы праблема нацыянальных меншасцей разглядалася ў розных апектах: у кантэксце пераваг інкарпарацыі над федэралізацыяй; забеспячэння ўнутранай і знешняй бяспекі дзяржавы; пошуку шляхоў інтэграцыі ўсходніх зямель; унутрыпалітычнага супрацьстаяння правых і левых сіл у Польшчы. Супрацьстаянне нацыянальна-кансерватыўных сіл з левымі прыводзіла да крытыкі сацыялістычных партый, іх палітыкі, якая на думку правых, толькі спрыяла сепаратызму на ўсходніх землях і росту рэвалюцыйных настрояў. Правыя партыі апелявалі да спадчыны Рэчы Паспалітай, а нацыянал-дэмакраты імкнуліся да нацыянальнай гамагенізацыі польскай дзяржавы.

Беларускім пытаннем у 1920-я гг. займаўся І. Барташэвіч, звязаны з нацыянальнымі дэмакратамі. Для Барташэвіча беларусы ўяўляліся прадстаўнікамі «братняга племені», якое цалкам натуральна і заканамерна апынулася ў складзе польскай дзяржавы. Прызнаючы моўныя, рэлігійныя адрозненні, аўтар адмаўляў беларусам у існаванні нацыянальнай свядомасці і імкненні да ўласнай незалежнай дзяржаўнасці. У перспектыве беларусаў ён бачыў выключна ў складзе польскай нацыі. Барташэвіч зыходзіў з канцэпту «палітычнай нацыі», спасылаючыся на спадчыну Рэчы Паспалітай у выглядзе існавання ў тыя часы «польскай шляхецкай нацыі», якая ідэалізавалася. Ягелонская ідэя з'яўлялася цэнтральным стрыжнем асэнсавання перспектыў вырашэння беларускага пытання ў Польшчы. «Калі працэс паланізацыі Літвы і Русі адбываўся пры шляхецкай дэмакратыі, то чаму не можа адбывацца пры агульнай дэмакратыі?» [3, s. 34]. Прыняцце польскай гістарычна-палітычнай ідэі абгрунтоўвалася не толькі неабходнасцю дзяржаўнай лаяльнасці, але павінна было быць свядомым актам добраахвотнага прыняцця шматвяковай традыцыі. Гэты акт свядомай аўтапаланізацыі павінен быў прывесці, на думку Барташэвіча, да знікнення нацыянальнага пытання, узаемнай крыўды і непрыязнасці. Пад покрывам польскай ідэі і польскага патрыятызму змогуць спакойна суіснаваць і развівацца культурныя і племянныя адрозненні, не шкодзячы бяспецы дзяржавы [Там жа, s. 35].

Звязаны з нацыянальнымі дэмакратамі Р. Рыбарскі таксама звяртаўся да спадчыны Рэчы Паспалітай і зыходзіў у сваіх разважаннях з Ягелонскай ідэі. У сваёй працы «Народ, асоба, клас» ён разглядаў беларусаў як групу, якая пазбаўлена нацыянальных прыкмет і прыродна імкнецца да польскасці. Дзяржава, на яго думку, павінна спрыяць асіміляцыі, якую ён называў рэасіміляцыя, бо ў Рэчы Паспалітай беларускае насельніцтва ўжо паланізавалася, чаму аднак перашкодзіла русіфікацыя ў Расійскай імперыі. Падобныя погляды прыводзілі аўтара да думкі, што тая частка нацыянальных меншасцей, якая не асімілюецца і не жадае пакідаць Польшчу, павінна быць ізалявана і пазбаўлена некаторых правоў, бо вымушана духоўна прыстасавацца да новага ладу [4, s. 253].

Беларускае пытанне ў польскай кансерватыўнай плыні традыцыйна разглядалася праз прызму праблемы інтэграцыі «крэсаў». Зыходзячы з Ягелонскай традыцыі суіснавання розных славянскіх народаў у адной краіне і канцэпцыі блоку Цэнтральна-Усходняй Еўропы, сцвярджалася неабходнасць пашырэння пазітыўнага стаўлення да нацыянальных мен-

шасцей. Беларускія землі ўяўляліся часткай федэрацыі пад польскім патранатам [5, s. 120]. Неабходна адзначыць, што ў польскім грамадстве федэратыўная канцэпцыя не атрымала шырокай падтрымкі, што была абумоўлена ростам нацыяналістычных настрояў у грамадстве, супраць выступалі польскія землеўласнікі на ўсходніх землях, лічылася, што федэралізм будзе спрыяць росту сепаратызму сярод нацыянальных меншасцей, якія, у сваю чаргу, асцерагаліся страты ўласнай ідэнтычнасці.

За беларускімі тэрыторыямі ў складзе Польшчы адразу замацаваўся вобраз «рассадніка антыпольскіх настрояў», а беларускае пытанне разглядалася выключна як інспіраванае знешнімі сіламі. Цалкам адмаўлялася існаванне нацыянальнай ідэалогіі ў дзейнасці беларускай эліты. Беларусы разглядаліся на ўзроўні этнаграфічнай сялянскай масы, у якой адсутнічала ўласная ідэнтычнасць і нацыянальныя памкненні, якая патрабавала апекі з боку польскіх улад. У. Студніцкі ў 1923 г. у артыкуле «Беларускае пытанне» глядзеў на беларусаў выключна як на матэрыял для паланізацыі і каланізацыі. «Як тры стагоддзі таму польская шляхта, ідучы на крэсы, спаланізавала шляхту ўсходніх зямель, так і зараз польскі люд, ідучы на ўсход, павінен выконваць там цывілізацыйную і паланізацыйную задачу» [6, s. 1]. Ён жа параўноўваў беларускую культуру з варварствам, лічыў спробы стварэння беларускай школы абсурдам і ахінеяй. Развіваючы думку аб штучнасці беларускага працэсу нацыятварэння, ён сцвярджаў, што пад час Першай сусветнай вайны немцы фактычна стваралі беларускую нацыю, фінансуючы газету «Гоман», якую рэдагаваў Луцкевіч, ці падтрымліваючы беларускае школьніцтва ў супрацьвагу польскім уплывам. У пачатку 1920-х гг. на змену немцам прыйшлі чэхі і літоўцы, якія падтрымлівалі беларускіх дзеячаў [Там жа, s. 1–2].

Студніцкім абгрунтоўваліся любыя метады асіміляцыі беларусаў, якіх ён залічваў фактычна да катэгорыі негістарычных народаў. Беларусы, на яго думку, не мелі ўласнай гісторыі, а былі толькі аб'ектам уздзеяння іншых народаў, у адрозненне ад Польшчы, якая мела стагоддзі слаўнай гісторыі і з годнасцю вытрымала цывілізацыйны экзамен. Асіміляцыю ён лічыў этычна апраўданай, таму што яна несла беларусам больш высокі ўзровень культуры і цывілізацыі. У сваю чаргу, нават мінімальныя праявы беларусізацыі ён асуджаў, разглядаючы беларускую культуру як малавартасную, з убогім інтэлектуальным патэнцыялам, а сам беларускі рух называў адназначна шкодным для польскай дзяржавы [7, s. 1].

Іншых, менш радыкальных пазіцый прытрымліваўся С. Мацкевіч, прадстаўнік віленскіх кансерватараў і рэдактар газеты «Слова», які адлюстроўваў погляды «крэсовых зубраў». Кансерватыўны асяродак, хоць і не меў паразумення з нацыянальнымі-дэмакратамі ў 1920-я гг., але абодвум лагерам была ўласціва выразная антысацыялістычная пазіцыя. Зыходзячы з падобных поглядаў, С. Мацкевіч свярджаў, што дзяржава не павінна спрыяць беларусізацыі, але ў той жа час адмаўляў у неабходнасці перашкаджаць беларускаму адраджэнню і развіццю культуры. Ён выступаў супраць нацыянальных фракцый у сейме, якія толькі рэвалюцыянізуюць грамадства і адштурхоўваюць ад Польшчы спакойныя буржуазныя элементы

[8, s. 1]. Мацкевіч пагаджаўся з У. Студніцкім, што беларускую карту спрабавалі разыграць розныя знешнія сілы і шкадаваў, што польскі імперыялізм у гісторыі быў спынены русіфікацыяй. Згодны быў і з думкай аб недапушчэнні пашырэння беларускага руху за кошт каталіцкага насельніцтва, але выступаў супраць нацыяналістычнага падыходу да беларускага пытання і прапаноўваў ідэю стварэння «Перадрасіі», праваслаўнай часткі Беларусі, як муру паміж Польшчай і Расіяй [9, s. 2].

У 1923 г. С. Мацкевіч развіваў ідэю польскага імперыялізму ў супрацьвагу нацыяналізму. Крытыкуючы нацыяналістычны падыход да вырашэння нацыянальнага пытання, у сваім артыкуле «Моладзь і нацыяналізм» ён абгрунтоўваў неабходнасць дзяржаўнай асіміляцыі беларусаў, што на яго думку з'яўлялася акцыяй імперыялістычнай, якая прывяла б да пашырэння польскай нацыянальнай ідэі ў першую чаргу праз адукацыю. Імперыялізм не быў аналагам федэралізму, які прадугледжваў роўнасць народаў і суб'ектаў федэрацыі. Для С. Мацкевіча імперыялізм зводзіўся да выкарыстання малых народаў для ідэі вялікай польскай дзяржавы, а не для стварэння «карлікавых краін накшталт Беларусі» [10, s. 1].

У 1927 г. С. Мацкевічам быў апублікаваны артыкул «Пастаянна паўтараем», дзе фактычна была сфармулявана праграма адносна беларускага пытання, якое магло быць вырашана толькі пры ўмове знаходжання Мінска і Магілёва ў складзе Польшчы. У такім выпадку сцвярджалася магчымасць стварэння польска-беларускай дзяржаўнасці. У цэлым жа выказваліся сумненні адносна існавання беларускай мовы, падкрэслівалася слабасць нацыянальных беларускіх сіл, беларускай культуры. Крытыкавалася дзейнасць беларускіх нацыянальных дзеячаў, якія развівалі нацыянальную самасвядомасць праз апазіцыю польскай дзяржаве. Таму, на думку віленскіх кансерватараў, прадстаўленне аўтаноміі беларусам абсалютна не патрэбна, бо асцерагаліся адарвання беларускіх паветаў ад Польшчы і далучэння да БССР. Прапаноўвалася не перашкаджаць працэсу асіміляцыі, прыцягваць інвестыцыі ў край, не адштурхоўваць ад Польшчы беларусаў, настроеных антыбальшавіцкі, і заняць прыхільна-нейтральную пазіцыю адносна развіцця беларускай культуры і самасвядомасці. Характэрна, што дзеячы кансерватыўнага кірунку вылучалі Палессе як асобную этнаграфічную групу з насельніцтвам, якое не адносілася да беларусаў ці ўкраінцаў, і лічылі неабходным падтрымліваць асаблівы характар рэгіёна [11, s. 1].

Публікацыі аўтараў кансерватыўнага і нацыянал-дэмакратычнага лагераў адлюстроўвалі вельмі істотныя з'явы, якія былі ўласцівы польскаму грамадству і гістарычнай думцы. Аднаўленне польскай дзяржаўнасці, з аднаго боку, стварыла велізарны пасіянарны штуршок для асэнсавання падстаў польскай дзяржаўнасці. З другога боку, у Польшчы супраць сваёй волі апынуліся шматлікія нацыянальныя меншасці, якія з недаверам і варожасцю глядзелі на станаўленне польскай адміністрацыі, разглядаючы тагачасную сітуацыю як акупацыю. Няўпэўненасць у сваім панаванні на ўсходніх землях падштурхоўвала нацыянальна-дэмакратычныя сілы да абгрун-

тавання радыкальных метадаў вырашэння нацыянальнага пытання. Беларуская меншасць, якой надавалася значна менш увагі ў параўнанні, напрыклад, з украінцамі, не разглядалася як нацыя, а толькі як этнаграфічная група, племя, маса насельніцтва без дакладна акрэсленай ідэнтычнасці. Заходняя Беларусь у наратыве аўтараў правых поглядаў уяўлялася «рассаднікам антыпольскіх настрояў» разам з вобразам «ворага-беларуса-камуніста», які пры падтрымцы знешніх сіл імкнецца знішчыць польскую ўладу на «крэсах». Больш мяккія погляды адносна беларускага пытання выказвалі віленскія кансерватары, але і яны прадугледжвалі нацыянальную асіміляцыю для той часткі беларусаў, якая гатова асімілявац-ца, а таксама разглядалі «крэсы» як абарончы вал Польшчы [12, s. 1]. Беларусы адносіліся да негістарычных народаў, якія не мелі ўласнай гісторыі і ў гістарычным працэсе выступалі толькі як аб'ект дзеянняў іншых народаў і дзяржаў. Гістарычны наратыў зацвярджаў ідэі польскага месіянізму, цывілізацыйнай місіі на ўсходніх землях Польшчы праз каланізацыю і павелічэнне польскага землеўладання.

ЛІТАРАТУРА

1. *Dmowski, R.* Myśli nowoczesnego Polaka / R. Dmowski. – Warszawa : Wydaw. Zachodnie, 1934. – 116 s.
2. *Dmowski, R.* Upadek myśli konserwatywnej w Polsce / R. Dmowski. – Warszawa : Spółka Wydawnicza Warszawska A. Sadzewicz, M. Nikolewicz, 1914. – 200 s.
3. *Bartoszewicz J.* Znaczenie polityczne Kresów Wschodnich dla Polski / J. Bartoszewicz. – Warszawa, 1924. – 40 s.
4. *Rybarski, R.* Naród, jednostka, klasa / R. Rybarski. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1926. – 276 s.
5. *Mich, W.* Problem mniejszości narodowych w myśli politycznej polskiego ruchu konserwatywnego (1918–1939) / W. Mich. – Lublin, 1992. – 306 s.
6. *Studnicki, W.* Kwestja bialoruska / W. Studnicki // Słowo. – 1923. – 28 lut. – S. 1.
7. *Studnicki, W.* Asymilacja a moralność / W. Studnicki // Słowo. – 1923. – 14 mar. – S. 1–2.
8. Cat. Polityka naopak // Słowo. – 1924. – 5 lipca. – S. 1.
9. Cat. Przedrosja // Słowo. – 1923. – 18 marca. – S. 1.
10. Cat. Młodzież a nacjonalizm // Słowo. – 1923. – 22 lut. – S. 1.
11. Cat. Powtarzamy stale // Słowo. – 1927. – 22 marca. – S. 1.
12. Cat. Wał ochronny Rzeczypospolitej // Słowo. – 1923. – 7 lut. – S. 1.

IN MEMORY

ЮРГЕН ЦАРУСКИ: ОБРАЗЕЦ БЕЗЗАВЕТНОГО СЛУЖЕНИЯ НАУКЕ

4 марта 2019 г. перестало биться сердце Юргена Царуски (28.04.1958–4.03.2019). Ушел в вечность крупный германский ученый, оставивший большой след в исторической науке. Судьба отвела этой яркой личности 60 лет, но можно однозначно утверждать, что Юрген многое успел за прожитую жизнь. Главное место в ней занимала работа в Мюнхенском институте современной истории, где он, будучи научным сотрудником с 1990 г. и до конца жизни, все эти годы проводил фундаментальные научные исследования, редактировал множество научных сборников. С 2016 г. являлся главным редактором издаваемого институтом «Ежеквартальника по современной истории». В течение многих лет был одновременно задействован в качестве редактора сообщений, издаваемых германо-российской комиссией историков [1]. Жил в Дахау, откуда постоянно ездил на работу в Мюнхен.

Ученый на высоком научно-теоретическом и методологическом уровне стремился постичь феномен национал-социализма, капитально освоил ряд проблемных полей, относящихся к сталинизму; отметился пионерскими исследованиями германо-советских отношений, сформулировал собственную концепцию по сравнению диктатур, попутно исследуя тоталитаризм; был в числе ученых, которые задавали планку в анализе европейской культуры памяти и исторической политики [1].

Мне посчастливилось лично общаться с доктором Юргеном Царуски. Он руководил моей стажировкой в Мюнхенском институте современной истории. Общаясь с ним, я обратил внимание на его безукоризненный русский язык. Вспоминаю первое впечатление от его рабочего кабинета. Поразило обилие книг на русском языке. На рабочем столе лежал роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» с немалым количеством закладок. Я не удержался и спросил: «Юрген, что Вам дало прочтение романа Гроссмана?». Прозвучал такой ответ: «Этот Ваш соотечественник дал нам модель того, как взаимодействовали сталинизм, нацизм, Холокост». Заметил я и две фотографии на рабочем столе. На одной была девочка школьного возраста, на другой – мужчина 70–75 лет. Я стал всматриваться в эти фотографии, что увидел Юрген и пояснил, что на одной из них его дочь, а на второй – научный руководитель. Признался, что вкладывает душу, сердце в своего ребенка. В тот год собирался часть отпуска провести с дочерью в Италии.

Как только мой собеседник сказал, что на второй фотографии выдающийся германский ученый-историк Герхард Альберт Риттер, я начал вспоминать работы последнего по истории германской социал-демократии. Юрген отметил, что писал под его руководством докторат именно по истории германской социал-демократии с 1917 по 1933 год. Защита доктората происходила в Мюнхенском университете имени Людвига и Максими-

лиана. На основе исследований была подготовлена монография «Германские социал-демократы и советская модель 1917–1933. Идеологическая конфронтация и внешнеполитические концепции» [2].

Встреч с Юргеном, конечно, было много: и в институтской столовой, и за пределами института. Больше всего говорили о культуре исторической памяти. Я не мог не сказать о сугубо личном. Германские захватчики летом 1941 г. зверски убили моих бабушку и дедушку по отцовской линии, двух родных сестер моей матери. Я сказал Юргену, что родители пронесли эту боль до конца жизни. Он очень внимательно слушал, а потом стал рассуждать, насколько стыкуется культура исторической памяти у нынешних поколений белорусов и германцев в части отношений к трагическим страницам Великой Отечественной войны.

Меня прежде всего интересовала позиция нынешнего поколения германцев. Недавно прочел интервью с Юргеном, напечатанное в воронежской газете «Берег», и вспомнил, что всё то же самое немецкий ученый говорил в ходе нашей встречи. Так, читаем: «В германском обществе есть однозначное понимание, что развязанная против СССР война – это было преступление. Но я пока не вижу глубокого осмысления тех событий. Недостаточно говорить, что “там на Востоке” состоялось наше преступление. То есть состоялось где-то далеко, и поэтому мы не в состоянии оценивать, что они там, наши соотечественники, делали на самом деле. Этими вопросами надо заниматься с осознанием, что война 1941–1945 гг. – это не там, на Востоке. Это – часть нашей истории и наша ответственность… Наступило время подключения бывших советских граждан, пострадавших от нацизма, к острым дискуссиям внутри нашего общества… Сегодня такой международный диалог об истории войны необходим, особенно для немцев. Потому что это очень болезненная и ответственная задача нашего общества, и нация просто обязана с нею справиться, чтобы не повторить катастрофы. Но для этого надо иметь мужество смотреть правде в глаза, анализировать конкретные случаи и поступки наших солдат на войне, а не рассуждать абстрактно. На абстрактном уровне у нас всегда будет амбивалентность» [3].

Я говорил Юргену, что собираюсь в перспективе написать книгу «Евреи Германии: история и современность». Коллега пожелал успеха и посоветовал мне обязательно упомянуть о следующем факте. Весной 2002 г. заместитель федерального председателя Свободной демократической партии Юрген Мёллеман сделал следующее заявление: «Израиль применяет в отношении палестинцев нацистские методы, поддерживает терроризм. Если бы Германия была оккупирована, я боролся бы, применяя силу, как это делают палестинцы. В росте антисемитских настроений в Германии отчасти виновны премьер-министр Израиля Ариэль Шарон, а также Центральный совет евреев Германии и лично вице-президент этой организации Михаэль Фридман. ЦСЕГ и Фридман способствуют ухудшению отношений к евреям, не допуская ни малейшей критики – в особенности со стороны немцев – по поводу военных операций Израиля на Ближнем Востоке» [4]. Юрген Царуски сказал мне, что сам он активно участвовал в протестах в ответ на подобное

заявление Юргена Мёллемана. Мне врезалась в память и такая фраза из уст Царуски: «У этого деятеля есть только одно красивое имя “Юрген” и больше ничего».

Ученый также обратил мое внимание на то, что латентный антисемитизм никогда не исчезал на германской земле после Второй мировой войны. Здесь я вставил фразу, которая удивила Юргена: «Может быть, именно поэтому пятый Федеральный канцлер Гельмут Шмидт скрывал свое еврейское происхождение во времена, когда он занимал высокие партийные и государственные посты». Передаю дословно реакцию Юргена: «Гельмут Шмидт – еврей?! Этого не может быть!». Забегая вперед, расскажу, что произошло дальше. Я вернулся после стажировки в Брест и выслал Юргену все имеющиеся у меня документы и материалы на предмет этнического происхождения Шмидта. Вот уж никогда не подумал бы, что мне, белорусскому доктору наук, придется доказывать германскому доктору наук, что в жилах пятого канцлера ФРГ текла кровь народа, давшего миру Генриха Гейне, Георга Кантора, Альберта Эйнштейна.

Еще будучи студентом, Юрген Царуски вступил в Международную Амнистию и установил тесную переписку с политзаключенными из Советского Союза. Он выучил русский язык и, как один из лучших немецких знатоков страны, имел множество научных и личных контактов в России. Понимание между немцами и русскими было темой, близкой его сердцу. Фактически он воспринимал себя в роли мостостроителя между двумя странами.

В 1998 г. Царуски отредактировал фундаментальное издание «Сопротивление как государственная измена». Задокументировав решения имперского верховного суда, имперского военного суда и «народного суда» против граждан рейха, он создал памятник истории немецкого сопротивления [5]. Через тринадцать лет увидела свет книга, всецело посвященная историографии истории «народного суда» в национал-социалистическом государстве [6].

Юрген Царуски всегда сочетал тщательное, изучение источников и документов с сопереживанием. Как никто другой он обладал историческим сейсмографом для улавливания болевых точек истории. Историческая справедливость и память о жертвах политических преследований и насилия в эпоху диктатур были его настоящей заботой. Это включало, в частности, работу со свидетелями тех событий. Соответственно, он много лет работы посвятил городу Дахау, мемориалу концлагеря. А уже в октябре 2018 г. стал научным руководителем симпозиума в Дахау по современному осмыслению истории германо-советской войны 1941–1945 годов. Кроме того, он стремился, чтобы достоверная научная информация стала известна общественности, и часто предоставлял слово жертвам национал-социалистической диктатуры.

Ученый постоянно высказывал озабоченность ростом ультраправых настроений в Старом Свете. Он с большим сожалением констатировал, что здесь самоидентификация «все чаще черпается, образно говоря, “от земли”,

в истории родины, и потому так легко раскручивается… Такая самоидентификация “от земли”, без демократических основ и глобального осмысления уроков истории в итоге заводит общество в тупик» [3].

Юрген Царуски часто говорил, что его исследования были бы еще более глубокими и основательными, если бы кардинально улучшилась ситуация, связанная с работой в российских архивах. «После Второй мировой войны миллионы архивных документов из Германии попали в Советский Союз в качестве “трофеев”. России они вряд ли нужны. Но и немцам их не отдают…». Надо всеми тяготеет то, что ученый называл наследственным пороком советской секретности: формальных причин для засекречивания бумаг более чем 70-летней давности нет, но «“рефлекс спецхрана” в большинстве российских архивов сохраняется» [7].

«Немецкие архивы мыслят себя как “сервисная служба” для исследователей и общества, – констатировал Юрген Царуски. – О российских архивах этого не скажешь» [Там же]. «Мне кажется, что российские коллеги испытывают страх перед собственными хранилищами, – анализировал Царуски причины “хронической закрытости” даже официально открытых архивов. – Вспомните историю с “28 панфиловцами”: видимо, кто-то думает: “Мало ли, что они там еще могут найти!” То есть исследования историков могут представлять угрозу для “национальной мифологии”, так что лучше закрыть архив от греха подальше» [Там же].

В 2016 г. Мюнхенский институт современной истории переиздал книгу Гитлера «Mein Kampf». Как это соотносится с настроениями в современном германском обществе? Юрген Царуски заявлял: «Если говорить об обществе в целом, то нельзя отрицать, что стремление к так называемой “нормализации” эпохи нацизма существует. Однако в целом сегодня преобладает просветительское отношение к его истории. Существует большой общественный интерес к судьбам его жертв, о чем в первые три-четыре десятилетия после войны речь практически не шла. А критическое издание вышло, чтобы противодействовать тенденции к “нормализации” фигуры Гитлера. Оно должно с научной точки зрения изобличить ложь и бесчеловечность его идеологии» [8].

По самым высоким меркам следует оценить непреклонную позицию германского коллеги по вопросу о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Так, он горячо поддержал решение суда о признании Ивана Демьянюка виновным в военных преступлениях, которые тот совершил, будучи охранником в нескольких нацистских концлагерях во время Второй мировой войны. Примечательно следующее заявление Юргена: «Этот вердикт может облегчить процесс привлечения к ответственности предполагаемых нацистских военных преступников из лагерей смерти». Он дал понять, что сама по себе работа надсмотрщиком в концлагере является достаточным доказательством для суда, так как человек причастен к убийствам [9].

Германского коллегу также занимал вопрос сравнения культуры исторической памяти в постсоветской России и объединенной Германии. Он приложил руку к выходу совместного издания германских и российских ученых по данной проблематике [10].

Я с благодарностью говорил и писал Юргену Царуски, что использую его труды в процессе преподавания интегрированного модуля «Политология» и специализированного модуля «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Студенты Брестского государственного технического университета на одном дыхании слушают информацию о выявленных Юргеном Царуски «различиях в стиле руководства двух диктаторов: Сталина и Гитлера». Используя классификацию Макса Вебера, выделявшего легальный, традиционный и харизматический типы законного господства, германский ученый указывает, что ни один из них не существует в чистом виде и, как правило, они встречаются в переплетении.

Так, для прихода к власти Гитлера важную роль играл его харизматический дар. Именно он позволил ему сплотить большую часть немцев. Сталин, который долгое время был на вторых ролях в политической жизни, не обладал столь мощной харизмой. Вместе с тем после прихода к руководству страной его авторитет неуклонно рос, хотя власть Сталина базировалась, прежде всего, на бюрократических институтах и не пользовалась поддержкой большинства населения, подавляющую часть которого составляло крестьянство. Еще одно отличие заключается в том, что Гитлер часто шел на компромисс со старыми элитами, в то время как Сталин взял курс на их нейтрализацию и уничтожение.

Научный сотрудник Мюнхенского института современной истории называл Гитлера «вождем, единственным в своем роде», в то время как Сталин может претендовать лишь на роль последователя. Обозначение Гитлера как «фюрера» постепенно вытеснило «рейхсканцлера» и не предполагало даже формальных ограничений его функций. Юрген Царуски считал, что позиция Сталина в обществе была менее прочной, чем у Гитлера. Сталина можно, по мнению германского коллеги, считать патроном, в то время как Гитлер претендовал на роль пророка, которого практически невозможно заменить.

В качестве еще одного отличия ученый выделяет сохранение в Германии 30-х – 40-х гг. элемента легальной легитимности, так как Гитлер пришел к власти хотя бы формально законным путем. В России, где большевики захватили власть в результате переворота, этот элемент изначально отсутствовал. Анализируя идеологические основы двух диктаторских режимов, Царуски указывал, что идеология национал-социализма вследствие своей эклектичности и отсутствия прочного философского базиса не была столь догматична как марксизм-ленинизм [11].

Различия в стилях руководства «вождя всех народов» и «германского фюрера» наиболее глубоко исследованы в статье германского ученого,

помещенной в сборнике «Сталин и немцы», в котором наработками поделились известные германские и российские специалисты по сталинизму. Юрген Царуски редактировал настоящее издание, и качество его работы было, как всегда, выше всяких похвал [12].

Я постоянно использую в учебном процессе те материалы, которые опубликованы в «Ежеквартальнике современной истории». В этой связи расскажу о стрессе, который пережил, прибыв на 18-ю Международную научную конференцию «Беларусь и Германия: история и современность», которая проходила 5 апреля 2019 г. в Минском государственном лингвистическом университете. Эту конференцию традиционно проводит кафедра истории, мировой культуры и туризма МГЛУ, возглавляемая крупнейшим специалистом по истории Второй мировой войны С. Е. Новиковым. Начало конференции было запланировано на 10 часов утра. Мы с моим соавтором С. А. Птичкиной явились на кафедру заранее. Лаборантка предложила нам кофе. Затем вручила программу. Открываю ее – и по мне проходит ток высокого напряжения. Имя и фамилия первого докладчика на пленарном заседании взяты в траурную рамку. И это Юрген Царуски. На предпоследней странице программы читаю: IN MEMORY Юрген Царускі (28.04.1958–04.03.2019). Была заявлена следующая тема его доклада: «Германская оккупация Беларуси (1941–1944) на страницах “Ежеквартальника новейшей истории”». Могу со знанием дела утверждать, что после того, как Юрген Царуски возглавил этот журнал, в нем стало больше актуальных публикаций, соответствовавших заявленной теме.

На страницах ежеквартальника он нередко публиковался и сам. Причем все его материалы – из разряда тех, которые способны зацепить читателя. И все же самой большой удачей следует признать публикацию Ю. Царуски «“Кровавые земли” Тимоти Снайдера: Критические замечания к конструированию исторического ландшафта».

Книга американского историка, профессора Йельского университета Т. Снайдера «“Кровавые земли”. Европа между Гитлером и Сталиным» хорошо известна. Мои студенты в ходе подготовки рефератов часто бездумно вставляют целые куски текста из нее. Опубликованная на 26 языках, в том числе и на русском, это одна из самых читаемых книг в Интернете. Конечно, вуз технический. Ребята обучаются отнюдь не по гуманитарному профилю. И все же культура их исторической памяти должна формироваться на базе объективных по своему характеру изданий. Разбирая на семинарах соответствующие рефераты, я активно использую публикацию Юргена.

Снайдер предъявляет «находку» – созданную Гитлером и Сталиным в Восточной Европе – зону смерти. Речь идет о тех территориях, на которых диктаторы, один за другим, совершили самые ужасные массовые преступления. В этом регионе, по подсчетам автора, национал-социалистический и сталинский режимы в 1933–1945 гг. уничтожили около 14 млн человек, из них 10 млн следует отнести на счет Гитлера, а 4 миллиона – на счет

Сталина. Снайдер предлагает обзор массовых убийств, совершенных на этом пространстве обеими диктатурами, и, давая описание трагических судеб множества людей, придает ему наглядность и эмоциональную окраску. Контуры рассматриваемой Снайдером зоны, которую он обозначает как «кровавые земли», определяются статистикой смертности: «Очертания книги вырастают не из политической географии империй, но из географии человеческих жертв», – сказано во введении. «“Кровавые земли” не были ни существовавшей в реальности, ни воображаемой политической территорией, они были просто местом [преступления], где жесточайшие режимы Европы совершали свои убийства». Лишь через описание того, как происходили эти зверства, постулирует Снайдер, «европейская история [обретает] свое центральное событие» [13, S. 1].

Тем самым формулируется амбициозная заявка: речь идет ни много ни мало о новом понимании современной истории Европы. Столь далеко идущая исходная посылка требует критической научной проверки, каковая и предпринималась Юргеном Царуски. Результат можно вкратце сформулировать следующим образом: «Кровавые земли» являются не историческим ландшафтом, но синтетическим конструктом, которым сам автор оперирует не всегда последовательно. Речь идет не столько об исследовании некой исторической области, сколько о создании не лишенного нестыковок нарратива. К его характерным чертам относятся:

- «этнификация» преступления Сталина, подразумевающая ту же установку на геноцид, которая была присуща национал-социализму;
- затушевывание идеологических особенностей обоих режимов и вырастающих из них образов врага при помощи туманного экономически детерминированного концепта и
- во многих отношениях искаженное представление о взаимодействии национал-социалистической Германии и сталинского Советского Союза в период Второй мировой войны [13, S. 2].

С германским коллегой можно согласиться в том, что «Снайдер может укрепить представление о том, что эпицентр европейской политической катастрофы лежит дальше к Востоку, чем в соответствии с традиционным пониманием истории, но вместе с тем концепт “кровавых земель” во многих отношениях сужает исторический горизонт. Исторические трагедии, выходящие за намеченные автором географические рамки, такие как голод в Советском Союзе 1932–1933 годов, “большой террор” 1937–1938 года или Холокост, подгоняются под схему, которая скорее сужает перспективу, чем расширяет ее. Из этого искажения перспективы, которое дополнительно усугубляется по ходу дальнейшего повествования, вытекает исторический нарратив, в котором тоталитарные режимы Гитлера и Сталина предстают более схожими, чем представляется допустимым в свете последних исследований национал-социализма и сталинизма. Даже советско-немецкой войне, “самой разрушительной и варварской войне в истории человечества”, в которой национал-социалистический режим в полной мере раскрыл свой

потенциал к организации массовых убийств, и одновременно решилась судьба гитлеровской власти, концепт “кровавых земель” не отводит подобающего места» [13, S. 4].

Я говорил Юргену, что приоритетным направлением моих исследований в области исторической германистики является внешняя политика и политика безопасности ФРГ (1949–1990). Коллега презентовал мне сборник новейших исследований всего комплекса вопросов, связанных с нотой Сталина от 10 марта 1952 г. [14], редактором которого он был. Мы договорились, что я напишу рецензию и опубликую в «Вестнике Брестского государственного технического университета» (Сер. Гуманитарные науки). Когда рецензия вышла, я послал по обычной почте журнал Юргену в Мюнхен. Он получил, очень обрадовался и написал мне благодарственное письмо, где полностью согласился с тем, как я оцениваю помещенные в сборнике статьи В. Лота, Г. Грамля и Г. Веттига. Мы были едины в том, что это был не более чем пропагандистский маневр со стороны высшего советского руководства.

Всего у меня было три стажировки в Германии. Последняя проходила десять лет назад. После этого мы не встречались. Я показал тогда Юргену свою монографию «Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика», напомнил, что он руководил стажировкой, когда собирался материал для этой книги. Третья стажировка была посвящена работе над книгой «Евреи Германии: история и современность». Как только Юрген услышал из моих уст об этом, он сразу же достал с полки книгу «Оккупация, коллаборация, Холокост. Новые исследования преследования и уничтожения европейских евреев» и подарил мне. Он был редактором этой книги [15]. Это издание мне тогда здорово помогло. После моего возвращения в Брест мы время от времени переписывались по электронной почте. И Юрген, и я были едины в том, что было бы неплохо в очередной раз встретиться. Но случился черный понедельник 4 марта 2019 года.

Юрген Царуски навсегда останется в сердцах родных, друзей, коллег. Вечная ему память!

Михаил Васильевич Стрелец.
доктор исторических наук

ЛИТЕРАТУРА

1. Dr. Jürgen Zarusky (28.4.1958–4.3.2019) – Institut für Zeitgeschichte ... [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access : https://www.ifz-muenchen.de /mitarbeiterinnen/.../mitarbeit. – Date of access : 09.06.2019.
2. *Zarusky, J.* Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell 1917–1933. Ideologische Auseinandersetzung und außenpolitische Konzeptionen / J. Zarusky. – München : Oldenbourg, 1992.
3. Немецкий доктор истории Юрген Царуски: «Появление на трибуне бундестага школьника меня очень тревожит» [Электронный ресурс]. – 2016. –

Режим доступа : https://gorcom36.ru/.../yurgen-tsaruski-poyavlenie-na-tribune-bundestaga-shkolnika-. – Дата доступа : 04.05.2019.
4. Сталин и немцы. Культура и стиль жизни в Германии и Европе ... [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : https://www.dw.com/ru/сталин-и-немцы/a-2379993. – Дата доступа : 1.06.2019.
5. *Zarusky, J.* Widerstand als „Hochverrat“ 1933–1945. Die Verfahren gegen deutsche Reichsangehörige vor dem Reichsgericht, dem Volksgerichtshof und dem Reichskriegsgericht. Mikrofiche-Edition und Erschließungsband / J. Zarusky, H. Mehringer . – München : Saur-Verlag, 1998.
6. *Zarusky, J.* Der Volksgerichtshof im nationalsozialistischen Staat. Mit einem Forschungsbericht für die Jahre 1974 bis 2010 / J. Zarusky, W. Wagner. – München : Oldenbourg, 2011.
7. Почему в российских архивах боятся немецких историков [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : https://www.dw.com/ru/почему-в-российских-архивах-боятся.../a-19164577. – Дата доступа : 04.05.2019.
8. Историк Юрген Царуски: «Это наше орудие против нацистской идеологии» [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : https://meduza.io/feature/2016/01/29/eto-nashe-orudie-protiv-natsistskoy-ideologii. – Дата доступа : 04.05.2019.
9. Дело одного нацистского преступника способно помочь в привлечении других к ответственности // Inopressa PWA [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : https://www.inopressa.ru/article/13May2011/time/Demjanjuk3.html. – Дата доступа : 04.06.2019.
10. *Zarusky, J.* Erinnerung an Diktatur und Krieg. Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945: Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte / J. Zarusky, A. Wirsching, A. Tschubarjan, V. Ischtschenko. – Berlin : De Gruyter Oldenbourg, 2015. – Bd. 107.
11. *Стрелец, М. В.* Пропагандистский маневр или поворот в реальной политике? / М. В. Стрелец // Вестн. Брест. гос. технич. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2002. – № 6. – С.76–78. – Рец. на кн.: Die Stalin – Note von 10. Marz 1952: neue Quellen und Analysen / Hrsg. von Dr. Jürgen Zarusky. – München : Oldenburg, 2002.
12. *Zarusky, J.* Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung / J. Zarusky. – München: Oldenbourg, 2006.
13. *Zarusky, J.* Timothy Snyders „Bloodlands“. Kritische Anmerkungen zur Konstruktion einer Geschichtslandschaft / J. Zarusky // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2012. – Nr. 1. – S. 1–31.
14. Die Stalin-Note vom 10. März 1952. Neue Quellen und Analysen / Mit Beiträgen von Wilfried Loth, Hermann Graml und Gerhard Wettig; Hrsg. J. Zarusky. – München : Oldenbourg, 2002.
15. *Zarusky, J.* Besatzung, Kollaboration, Holocaust. Neue Studien zur Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden / J. Zarusky, J. Hürter. – München : Oldenbourg, 2008.

ЮРГЕН ЦАРУСКІ – АЎТАРЫТЭТНЫ ДАСЛЕДЧЫК ГЕРМАНСКАГА НАЦЫЯНАЛ-САЦЫЯЛІЗМУ І БЛІСКУЧЫ ЗНАЎЦА ГІСТОРЫІ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

4 сакавіка 2019 г. пайшоў з жыцця Юрген Царускі – навуковы супрацоўнік Інстытута найноўшай гісторыі ў Мюнхене (ІНГ-М), які ў апошнія два гады з'яўляўся галоўным рэдактарам ведамаснага часопіса «Штоквартальнік найноўшай гісторыі» (Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte). Гэта навуковае выданне, створанае праз чатыры гады пасля ўзнікнення інстытута ў 1949 г., дзесяцігоддзі служыць усебаковаму адлюстраванню на яго старонках падзей найноўшай гісторыі XX стагоддзя, перыяду панавання нацыянал-сацыялізму ў Германіі, а таксама яго вымярэнню ў еўрапейскім маштабе, страціла не толькі свайго галоўнага рэдактара, але і аўтарытэтнага даследчыка Трэцяга рэйха, апантанага гісторыка з сусветна вядомым імем і бліскучага знаўцу Другой сусветнай вайны, у тым ліку на акупаваных усходніх тэрыторыях.

Юрген Царускі пачаў працу ў Інстытуце ў 1990 г., калі паспяхова абараніў дысертацыю і атрымаў ступень доктара філасофіі ў Мюнхенскім універсітэце імя Людвіга і Максіміліяна[1]. Сваё навуковае даследаванне малады гісторык прысвяціў адметнаму перыяду Веймарскай рэспублікі і крытычнаму разгляду ролі нямецкай сацыял-дэмакратыі. Фокус сваіх далейшых навуковых пошукаў ён скіраваў на раскрыццё маштабаў нацысцкіх злачынстваў як на тэрыторыі акупаваных краін Усходняй Еўропы, так і ў Беларусі.

Аўтару гэтых радкоў пашчасціла не толькі добра ведаць Юргена Царускі, але і сустрэць сярод нямецкіх даследчыкаў вайны блізкіх па духу аднадумцаў, каго заўсёды хацелася пабачыць, з кім карцела паразмаўляць, падзяліцца думкамі, пачуць суразмоўцу і г.д. Наша знаёмства адбылося ў Мюнхене на сёмы дзень новага 2003 года, у самым пачатку маёй месячнай навуковай стажыроўкі ў сценах добра вядомай у Германіі і за яе межамі пазаўніверсітэцкай навуковай установы – Інстытута найноўшай гісторыі. Паводле падрабязнага расповеду, пачутага ад Юргена, мне пашчасціла апынуцца ў даследчай установе, якая з сярэдзіны 1990-х гадоў пашырыла сваё прадстаўніцтва, адкрыўшы філіял у Берліне, дзе галоўную навуковую мэту бачылі ў даследаванні пытанняў палітычных і грамадскіх зменаў на еўрапейскай прасторы ў пасляваенны перыяд, асабліва ў апошняй чвэрці стагоддзя. Пры гэтым рэдакцыя штоквартальніка заставалася пад дахам мюнхенскай установы. З асабістага досведу Юргена вынікала, што кожны з наведвальнікаў Інстытута мог патрапіць у навуковую бібліятэку, дзе даследчыкаў чакалі не толькі агульнавядомыя выданні, якія ўпрыгожвалі яе паліцы, але і арыгінальныя, нават малавядомыя кнігі, напрыклад, Hitlers

[1] *Zarusky J.* Die deutsche Sozialdemokraten und das sowjetische Model. Ideologische Auseinandersetzung und außenpolitischen Konzeptionen 1917–1933. Inauguraldissertation zur Erlangung des Akademischen Grades eines Dr. phil. – München, 1990. – 450 S.

zweites Buch. Да таго ж, не выходзячы за межы Інстытута, наведвальнік меў цудоўную магчымасць папрацаваць з унікальнымі дакументальнымі крыніцамі, у тым ліку з калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў», фондаў розных устаноў Трэцяга рэйха, Галоўнага ўпаўнаважанага па чатырохгадовым плане і інш. Якраз у фондах гэтага архіва мне не без сяброўскай дапамогі Юргена ўдалося ўпершыню ў германскім крыніцазнаўстве знайсці малавядомыя дзённікі берлінскіх яўрэяў М. Крон і Б. Руднэра, дэпартаваных у сярэдзіне лістапада 1941 г. у Мінск. Гісторыю паходжання гэтых дакументаў у фондах архіва Інстытута нам выявіць не ўдалося, нягледзячы на тое, што сярод зацікаўленых асоб былі і супрацоўнікі навуковай установы.

Сярод іх Юрген адразу вылучыў двух маладых даследчыкаў – Петэра Ліба і Дзітэра Поля. Першы з іх актыўна распрацоўваў гісторыю 707-й пяхотнай дывізіі Германскага вермахта, якая ўдзельнічала ў масавых забойствах яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі Генеральнай акругі «Беларусь» увосень 1941 г.[1] Другі навуковы супрацоўнік даследаваў наступствы Халакосту, раскрываючы маштабы трагедыі на прыкладзе акупаваных усходніх тэрыторый, у тым ліку Беларусі, а таксама паказваючы гэту гістарычную з'яву не толькі ў вымярэнні розных тэрытарыяльных ландшафтаў, але і ў праламленні розных гістарыяграфічных наратываў[2].

Дзякуючы клопатам Юргена мне да ўсяго ўдалося зрабіць тое, пра што было цяжка марыць у Мінску, – атрымаць у якасці экскурсавода аднаго з самых лепшых знаўцаў нацысцкай гісторыі Мюнхена – прафесара ўніверсітэта Клаўса Ланкхайта. Праведзеная ім на высокім прафесійным узроўні экскурсія па вуліцах горада загучала для мяне не толькі ў святле важных падзей пачатку 1920-х гадоў, але і ў шматлікіх імёнах і адрасах, фактах і гістарычных месцах сталіцы Баварыі.

Сярод важных прыкмет характару Юргена мне адразу кінуўся на вочы яго аптымізм, адкрытасць і жыццярадаснасць, якія пастаянна праяўляліся за часам нашых асабістых размоў, нават пры абмеркаванні сур'ёзных пытанняў мінулага. Напрыклад, пасля майго гадзіннага даклада, які прыйшлося трымаць перад навукоўцамі Інстытута, хто прафесійна займаўся пытаннямі ваеннай гісторыі, цяперашні стан беларускай гістарычнай навукі выклікаў не толькі значны навуковы інтарэс, але і паставіў у парадак дня прынцыпова важную задачу аб неабходнасці выкарыстання новых падыходаў у даследаванні гісторыі Другой сусветнай вайны. Крытычныя ацэнкі асобных тэм, сярод якіх лёсы савецкіх ваеннапалонных, выкарыстанне мясцовага насельніцтва ў якасці працоўнай сілы, маштабы знішчэння яўрэйскага і мясцовага

[1] *Либ, П.* Преступники по убеждению? (Полковник Карл фон Андриан и уничтожение евреев 707-й пехотной дивизией в 1941–1942 гг.) / П. Либ // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. канф., Мінск, 16 мая 2003 г. / гал. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск : МДЛУ, 2003. – С. 115–121.

[2] *Поль, Д.* Сучаснае даследаванне Халакосту: вынікі і перспектывы / Д. Поль // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. канф., Мінск, 16 мая 2003 г. / гал. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск : МДЛУ, 2003. – С. 154–163.

насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. і інш., якія больш чым праз паўстагоддзя пасля завяршэння вайны не знайшлі свайго ўсебаковага адлюстравання ні ў савецкай, ні ў постсавецкай беларускай навуцы, выклікалі ў Юргена жаданне прыйсці мне на дапамогу. Пытанні, пастаўленыя ўдзельнікамі сустрэчы, патрапілі ў фокус нашых бясконцых сустрэч і пастаянных абмеркаванняў за кубачкам кавы. Менавіта ў той час прагучала яшчэ адна вельмі важная прапанова з боку нямецкага калегі, на той час члена рэдакцыйнай калегіі штоквартальніка, аб бясплатнай падпісцы на гэта вядучае навуковае выданне Германіі. Пра публікацыі навуковых артыкулаў, унікальных дакументаў і дыскусійных матэрыялаў на старонках гэтага выдання таксама сведчыў артыкул аднаго з членаў рэдакцыйнай рады – Юргена Царускі, прысвечаны паўвекавому юбілею штоквартальніка і аналізу ўсяго таго, што было апублікавана на яго старонках[1]. З артыкула вынікала, што на той момант часопіс стаў міжнародным флагманам, у якім друкаваліся замежныя даследчыкі з Венгрыі, Вялікабрытаніі, ЗША, Ізраіля, Іспаніі, Партугаліі і Фінляндыі, дэманструючы на яго старонках здабыткі вядучых навуковых школ і вызначаючы перадавыя тэндэнцыі па даследаванні найноўшай гісторыі.

Працяг нашых сустрэч меў месца праз два з паловай гады ў Расіі, дзе ў заходне-сібірскім г. Кемерава ў канцы верасня 2005 г. ладзілася канферэнцыя, прысвечаная 60-годдзю завяршэння Другой сусветнай вайны. Выбар месца правядзення такой сустрэчы на азіяцкім кантыненце не быў выпадковым, паколькі тут у пачатку верасня 1945 г. былі падпісаны дакументы аб капітуляцыі мілітарысцкай Японіі і завяршэнні вайны. Нягледзячы на тое, што галоўная ідэя сустрэчы навукоўцаў з розных краін, у тым ліку з Беларусі, Германіі і Расіі, палягала ў праблематыцы завяршальнага этапу вайны, галоўным прадметам нашых з Юргенам размоў заставаўся германскі нацыянал-сацыялізм і яго даследаванне нямецкімі, расійскімі і беларускімі гісторыкамі. Юрген з вялікім інтарэсам успрыняў навіну аб выхадзе ў МДЛУ маёй уласнай манаграфіі «Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны» (Мінск, 2004). З боку нямецкага калегі пастаянна гучала тэза пра тое, што даследчыкі розных напрамкаў перайшлі на новую ступень распрацоўкі нацысцкага мінулага, каб адкрыта паказваць маштабы злачынстваў і трагедыі мірнага насельніцтва на акупаванай савецкай тэрыторыі. Асаблівую ўвагу Ю Царускі надаваў публічнаму абмеркаванню праблемных пытанняў вайны, у першую чаргу гісторыі нацысцкіх злачынстваў, Халакосту і неабходнасці больш глыбокага вывучэння нацызму дзеля таго, каб атрымаць адэкватны адказ на пытанне аб яго масавай падтрымцы ў нямецкім грамадстве. У гэтым плане Юрген прыводзіў прыклады з агульнагерманскай спрэчкі гісторыкаў, якая адбылася ў ФРГ у 1986–1987 гг. і выклікала хвалю публікацый аб маштабах нацысцкіх

[1] *Zarusky J.* Die Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte / J. Zarusky // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2003. – Heft 1. – S. 89–106.

злачынстваў, перш за ўсё – супраць яўрэйскага народа. Як адзначаў нямецкі навуковец, дух таго часу яму быў тады добра вядомы дзякуючы шматлікім газетным і часопісным публікацыям, у тым ліку на старонках інстытуцкага штоквартальніка, які ён чакаў з адметным хваляваннем, паколькі заўсёды знаходзіў новыя падыходы для даследавання гэтай складанай, як высвятлялася, маладаследаванай тэматыкі. Менавіта там, у Заходняй Сібіры, мне ўпершыню ўдалося пачуць меркаванне нямецкага гісторыка аб «еўрапейскім бальшавізме», які, на яго погляд, адыграў жахлівую ролю ў гісторыі Еўропы. Думка, якая прагучала вельмі нечакана, аднак на той час пераканаўча навукова не была абгрунтавана. Наша размова ў рэчышчы гэтага пытання пакінула шмат вострых момантаў, але заставалася ў парадку дня нашых новых сустрэч.

Адну з іх падараваў мне Юрген у Фрайбургу ўвосень 2006 г., калі ладзілася мая чарговая навуковая стажыроўка ў Федэральным ваенным архіве. Яго прыезд азначаў для мяне вельмі шмат. Перш за ўсё, Юрген на шляху ў Бон павінен быў істотна парушыць свой маршрут, распачаты ў Мюнхене. Па-другое, запланаваць значнае адхіленне ад яго на некалькі гадзін з улікам уласнага бюджэту асабістага часу і ранішнім тэрмінам пачатку мерапрыемстваў у Боне. Па-трэцяе, апынуцца ў Фрайбургу толькі на адзін вечар і адну ноч дзеля таго, каб пабачыцца і абмяняцца думкамі па актуальных навуковых пытаннях. У выніку ўсяго гэтага Юрген вечарам апынуўся ў Фрайбургу, дзе замовіў для доўгачаканай размовы месца ў італьянскім рэстаране. Мы не толькі сустрэліся, даведаліся штосьці новае, але і здолелі падзяліцца сваімі думкамі, абмеркаваць існуючыя пытанні і нават вызначыць некаторыя перспектывы. Разам з тым з’явіліся новыя планы, прапановы, дамоўленасці. Адна з іх не спраўдзілася, паколькі мне не ўдалося прыняць удзел у круглым стале, праведзеным восенню 2008 г. з мэтай абмеркавання такіх важных пытанняў, як акупацыя, калабарацыя і Халакост.

Шкада, але роўна праз год падобная сітуацыя паўтарылася. Толькі датычылася гэта цяпер Юргена, які не змог прыехаць на сустрэчу ў Берлін, дзе адбывалася прэзентацыя новага даследчага праекта Інстытута найноўшай гісторыі ў Мюнхене «Вермахт у нацысцкай дыктатуры». Між тым выканаўцы праекта – П. Ліб, Д. Поль, А. Топе, Х. Хартман, Й. Хюртэр і дырэктар Інстытута Х. Мёлер – з вялікай радасцю распавядалі мне пра іх калегу з вялікай літары, адзначалі яго захапленні, пастаяннае імкненне да набыцця новых ведаў, вялікую працаздольнасць, адказнасць за ўзятую справу, добрасумленнасць. Пры гэтым расказалі пра ўдзел Юргена ва ўнікальным грамадскім праекце, якому ён аддаваў вельмі шмат асабістага часу, сіл і здароўя дзеля таго, каб захаваць памяць аб ахвярах нацысцкага канцэнтрацыйнага лагера ў Дахау.

Пра навуковую працу, якая б давала магчымасць зразумець сутнасць згаданай вышэй думкі, Юрген напісаў мне ў канцы 2011 г. Папярэдзіў, каб я ўважліва чытаў студзеньскі нумар штоквартальніка Інстытута. Такую

радасць ён падараваў нямецкаму чытачу ў сваім артыкуле, выкананым хутчэй у жанры навуковай рэцэнзіі працы «Крывавыя землі. Еўропа паміж Гітлерам і Сталіным» (Нью-Йорк, 2010) амерыканскага даследчыка Цімаці Снайдэра. На думку Юргена, задача па асэнсаванні маштабных наступстваў, пакінутых у выніку панавання дзвюх таталітарных дыктатур у першай палове і сярэдзіне XX стагоддзя, так і засталася недасягнутай[1]. У якасці доказных пацверджанняў нямецкі гісторык прыводзіць навуковыя тэзы, прынятыя ў еўрапейскай гістарыяграфіі, пабудаванай на розных крыніцах, у тым ліку арыгінальных дакументах Трэцяга рэйха. Юрген Царускі звяртаецца да некаторых прыкладаў, якія мелі месца ў час нацысцкай акупацыі Беларусі. Так, тэзіс Снайдэра аб тым, што «большасць яўрэяў у мінскім гета не спяшаліся збегчы ў лес», знаходзіць вельмі крытычную ацэнку ў нямецкага гісторыка, які сцвярджае, што згаданы «тэзіс Снайдэра супярэчыць законам гістарычнай рэчаіснасці»[2]. Апроч падзей мінскага гета Царускі выкарыстоўвае і іншыя важныя факты трагічнай гісторыі ў Беларусі. Напрыклад, факт знішчэння ў верасні 1942 г. 310-м паліцэйскім батальёнам вёскі Боркі разам з больш за 700 чалавек мірнага насельніцтва, на якое пала падазрэнне ў сувязях з партызанамі. Пры гэтым нямецкі гісторык канстатуе, што мірнае насельніцтва Беларусі за часам нацысцкай акупацыі пацярпела больш чым дзе, за выключэннем блакаднага Ленінграда. У выніку з дзесяцімільённага насельніцтва кала 1,6–1,7 мільёна чалавек загінулі, пры гэтым большасць ахвяр складалі не яўрэі, хоць з яўрэйскага насельніцтва выжылі толькі каля пяці адсоткаў. Юрген Царускі прыводзіць у якасці аргумента тэзіс, выказаны ваенным карэспандэнтам Васілём Гросманам: Шоа быў чымсьці значна больш маштабным, чым проста тэрорам акупантаў, а менавіта праграмай абсалютнага знішчэння[3]. Такія вынікі сведчаць пра тое, што нямецкі аўтар крытычнага аналізу адказна ставіцца да тэмы даследавання, прафесійна працуе з дакументальнымі фактамі, ставячы перад сабой разам з тым высокія маральныя патрабаванні.

Тэма мінскага гета і лагера смерці Трасцянец сталі ў парадак дня і нашай апошняй дамоўленасці пра сустрэчу ў Мінску вясной бягучага года ў рамках штогадовай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць». Юрген з вялікай радасцю прыняў запрашэнне на ўдзел у ёй, упершыню прапануючы для беларускай навуковай грамадскасці даклад на тэму «Германская акупацыя Беларусі (1941–1944) на старонках штоквартальніка „Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte" Інстытута найноўшай гісторыі»,

[1] *Zaruski, J.* Timothy Snyder. „Bloodlands". Kritische Anmerkungen zur Konstruktion einer Geschichtslandschaft / J. Zaruski // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2012. – Nr. 1. – S. 31.

[2] Там жа. – S. 26.

[3] *Гроссман, В.* Украина без евреев / В. Гроссман // Besatzung, Kollaboration, Holocaust. Neue Studien zur Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. – München: Institut für Zeitgeschichte, 2008. – S. 189–200 .

з якім ён павінен быў адкрываць першае пленарнае пасяджэнне. Вырашэнне другой важнай задачы гэтага прыезду прадугледжвала наведванне Мемарыяльнага комплексу «Трасцянец», правядзенне мной асабіста доўгачаканай экскурсіі для ўдзельнікаў канферэнцыі. Аднак здарылася так, што планы не спраўдзіліся. Як нам паведамілі за дзень да пачатку канферэнцыі, не стала вядучага навуковага супрацоўніка Інстытута найноўшай гісторыі ў Мюнхене доктара Юргена Царускі.

Памяць жа пра яго назаўсёды застанецца з намі. Па нашым перакананні, германская гістарычная навука, а разам з ёй калегі і сябры згубілі таленавітага даследчыка, апантанага навукоўцу і цудоўнага чалавека. Аднак навуковая грамадскасць розных краін, у тым ліку Беларусі, будзе і надалей звяртацца да багатай даследчыцкай спадчыны Юргена Царускі.

Сяргей Яўгенавіч Новікаў,
кандыдат гістарычных навук

АЎТАРЫ ДАКЛАДАЎ І ПАВЕДАМЛЕННЯЎ

Б л а г у ш І р ы н а С я р г е е ў н а – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Б р ы г а д з і н а В о л ь г а В а с і л ь е ў н а – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

В а р а н к о в а І р ы н а Ю р ’ е ў н а – старшы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Г р э б е н ь Я ў г е н А л я к с а н д р а в і ч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Д а б р а в о л ь с к а я І н а Я ў г е н а ў н а – кандыдат гістарычных навук, выкладчык гісторыі Віцебскага дзяржаўнага музычнага каледжа імя І. І. Салерчынскага

Д з м і т р ы е в а В о л ь г а П я т р о ў н а – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры іншамоўнай камунікацыі факультэта інавацыйнай падрыхтоўкі Інстытута кіруючых кадраў Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

К о з е л Д з м і т р ы й А н т о н а в і ч – старшы выкладчык кафедры ваенна-інжынернай падрыхтоўкі ваенна-тэхнічнага факультэта Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Мінск)

К а н ц а в ы П ё т р А л я к с а н д р а в і ч – старшы выкладчык кафедры агульнай тэорыі права і гуманітарных дысцыплін БІП-Інстытута праваznаўства, Магілёўскі філіял

К у з н я ц о ў І г а р М і к а л а е в і ч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры дыпламатычнай і консульскай службы факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

К у л і н о к С в я т а с л а ў В а л я н ц і н а в і ч – кандыдат гістарычных навук, загадчык аддзела інфармацыі і навуковага выкарыстання дакументаў Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі (г. Мінск)

К у н і ц к і У л а д з і м і р У л а д з і м і р а в і ч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры старажытных цывілізацый і Сярэднявечча Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка (г. Мінск)

К у ш н я р э в і ч А л я к с а н д р М і к а л а е в і ч – доктар мастацтвазнаўства, прафесар, прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Літвіноўская Юлія Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі (г. Мінск)

Літвіноўскі Іван Афанасьевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Лукашун Войцэх – спецыяліст навуковага аддзела, вядучы супрацоўнік Музея гісторыі Другой сусветнай вайны ў г. Гданьск (Польшча)

Новікаў Сяргей Яўгенавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Панцьё Дзмітрый – доктар гісторыі, галоўны спецыяліст навуковага аддзела, вядучы супрацоўнік Музея гісторыі Другой сусветнай вайны ў г. Гданьск (Польшча)

Пцічкіна Святлана Аляксееўна – старшы выкладчык кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Свінціцкі Фёдар Аляксеевіч – палкоўнік у адстаўцы, ваенны гісторык (г. Магілёў)

Скрабіна Людміла Сямёнаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры філасофіі, гісторыі, паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта транспарту (г. Гомель)

Смальянінаў Міхаіл Мітрафанавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Стралец Міхаіл Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Тарасевіч Ларыса Аляксандраўна – доктар філалагічных навук, прафесар, прарэктар па навуковай працы Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Трубчык Алена Генадзьеўна – кандыдат гістарычных навук, старшы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Хадасевіч Ганна Сяргееўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Харашэвіч Алена Іванаўна – эканаміст, журналіст, перакладчык, сябра Саюза пісьменнікаў Беларусі

Цымбал Аляксандр Георгіевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Чыкалава Ірына Рамуальдаўна – доктар гістарычных навук, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі і методыкі выкладання гісторыі БДПУ імя М. Танка, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Шаркоў Анатолій Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, навуковы супрацоўнік Беларускага культурнага цэнтра духоўнага Адраджэння (г. Мінск)

Шыманская Наталля Анатольеўна – вядучы архівіст аддзела фондаў асабістага паходжання Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Шчаўлінскі Мікалай Барысавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі беларускай дзяржаўнасці Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Янэке Хрысціяна – доктар гістарычных навук, музеязнавец, удзельнік праекта «Tradicia. History Service» (г. Берлін)

З М Е С Т

Приветственное слово проректора МГЛУ по научной работе
профессора Л. А. Тарасевич 3

ВЫЗВАЛЕННЕ БССР – ВЫЗВАЛЕННЕ БЕЛАРУСІ:
ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІ ПАДЫХОД

Янеке К. Официальные германо-белорусские отношения 1990–2019 гг.
в зеркале развития места памяти «Тростенец» 4
Новікаў С. Я. Вызваленне Беларусі ў 1943–1944 гг. у кантэксце сучаснага
навуковага наратыву 13
Шарков А. В., *Хорошевич Е. И.* Трагедия деревни Ола 23
Воронкова И. Ю. Некоторые аспекты военного строительства
и политической обстановки в Белорусской ССР в связи с Польским
походом Красной армии 1939 г. (по документам ЦК КП(б)Б и СНК БССР)..... 26
Кузнецов И. Н. Становление и развитие системы военного плена
и интернирования в СССР и БССР (1939–1941) 34
Пантьо Д. Музей Второй мировой войны в Гданьске: новые горизонты
памяти 40
Гребень Е. А. Материальное положение гражданского населения
в условиях нацистской оккупации (по воспоминаниям очевидцев)..... 44
Лукашун В. «На основании декрета фюрера и канцлера Германской империи
приказываю…» (положение еврейского населения на территории
генерал-губернаторства с октября 1939 г. до июня 1941 г.) 49

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ЛЮДЗІ – ПАДЗЕІ – ФАКТЫ

Стрелец М. В, *Птичкина С. А*. Иван Мефодьевич Манагаров: штрихи
к портрету видного военачальника 54
Кулинок С. В. Взаимодействие Белорусского штаба партизанского движения
с союзными, республиканскими и территориальными органами НКВД/НКГБ
и органами военной контрразведки «Смерш»
по вопросу выявления немецкой агентуры 58
Свинтицкий Ф. А. Некоторые особенности партизанского движения
на Могилёвщине (1941–1944) 64
Дабравольская І. Я. Фінансавая дзейнасць філіяла эмісійнага банка
«Остланд» у Мінску (1941–1944) 75
Козел Д. А. Организационная структура и организация управления
в партизанских формированиях Беларуси
в годы Великой Отечественной войны 81
Литвиновский И. А., Литвиновская Ю. И. Советский Союз
и германский вопрос на завершающем этапе
Великой Отечественной войны (январь 1944 г. – май 1945 г.) 91

Скрябина Л. С. Повседневная жизнь населения в условиях немецкой оккупации 1941–1943 гг. (по материалам Добрушского района) 102
Хадасевич А. С. Белорусский государственный университет в годы Великой Отечественной войны 109
Шиманская Н. А. Основные направления деятельности органов государственной безопасности на оккупированной территории Беларуси (1941–1944)..... 114
Щавлинский Н. Б. 120-й авиаполк (Белорусская авиагруппа) Гражданского воздушного флота в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)..... 122
Цымбал А. Г. Становішча насельніцтва на акупаваных тэрыторыях Беларусі паводле матэрыялаў калекцыі дакументаў Генеральнай акругі «Беларусь» 129

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ – КУЛЬТУРА – ПАМЯЦЬ

Чикалова И. Р. Становление германистики как области исторических исследований в Российской империи (XIX – начало XX в.) 136
Кушнярэвіч А. М. Нямецкія ўплывы ў беларускім жывапісе (першая палова XIX ст.) 152
Дмитриева О. П., Куницкий В. В. Национальные школы на белорусских землях накануне и в годы Первой мировой войны 156
Смольянинов М. М. Освобождение белорусских земель от германских оккупантов в 1918 году 160
Трубчык А. Г. Гарадское самакіраванне ў г. Гродна (1918–1927)..... 169
Благуш И. С. Экспортный потенциал промышленности в условиях постиндустирального развития: уроки Германии и вызовы для Беларуси 176
Бригадина О. В. Правовое положение российской эмиграции в Германии (1920–1930-е гг.) 183
Концевой П. А. Использование германского репарационного оборудования на восстановленных и вновь построенных промышленных предприятиях БССР (1945 – начало 1950-х гг.) 188
Цымбал А. Г. Беларускае пытанне ў Заходняй Беларусі ў поглядах польскіх нацыянальных дэмакратаў і кансерватараў у 1920-я гг. 197

IN MEMORY

Стрелец М. В. Юрген Царуски: образец беззаветного служения науке 202
Новікаў С. Я. Юрген Царускі – аўтарытэтны даследчык германскага нацыянал-сацыялізму і бліскучы знаўца гісторыі Другой сусветнай вайны..... 211

Аўтары дакладаў і паведамленняў 217

I N H A L T

Grußwort des Prorektors MSLU für Wissenschaftliche Arbeit
Prof. Dr. hab. L. A. Tarassewitsch 3

BEFREIUNG DER BSSR – BEFREIUNG VON BELARUS:
DOKUMENTARNARRATIV UND FORSCHUNGSANSÄTZE

Janeke K. Offizielle deutsch-belarussische Beziehungen binnen 1990–2019
am Beispiel der Entwicklung der Gedenkstätte «Trostenez» 4
Novikau S. Ja. Befreiung von Belarus 1943–1944 im Rahmen des modernen
wissenschaftlichen Narrativen..... 13
Scharkow A. W.,*Choroschewitsc E.I.* Tragödie im Dorf Ola..... 23
Woronkowa I. Ju. Einige Aspekte des militärischen Aufbaus
und die politische Situation in der Belarussischen SSR aufgrund
des polnischen Feldzuges der Roten Armee im Jahr 1939
(nach den Dokumenten des Zentralkomitees der Kommunistischen Partei
der BSSR und SNK der BSSR 26
Kusnezow I. N. Werdegang und Entwicklung des Systems
der Kriegsgefangenschaft und Internierung in der UdSSR
und der BSSR (1939–1941) 34
Pantjo D. Museum des Zweiten Weltkrieges in Gdansk:
neue Horizonten der Erinnerung 40
Greben E. A. Die materielle Lage der Zivilbevölkerung
unter der Nazi-Besetzung (nach Augenzeugenberichten)..... 44
Lukaschun W. «Durch Erlass des Führers und Kanzlers des Deutschen Reiches
ordne ich an...» (Stellung der jüdischen Bevölkerung auf dem Gebiet
des Generalgouvernements vom Oktober 1939 bis Juni 1941) 49

GROßER VATERLÄNDISCHER KRIEG:
MENSCHEN – EREIGNISSE – TATSACHEN

Strelets M. W., Ptitschkina S. A. Iwan Mefodijewitsch Managarow:
Striche zum Porträt des prominenten Feldherrn 54
Kulinok S. W. Zusammenarbeit des belarussischen Stabes der Partisanenbewegung
mit verbündeten, republikanischen und regionalen Organen des NKWD/NKGB
und den militärischen Spionageabwehrorganen «SMERSch»
bei der Aufdeckung des deutschen Spionagedienstes..... 58
Swintitskij F. A. Einige Besonderheiten der Partisanenbewegung
in der Region Mogiljow (1941–1944)..... 64
Dabrawolskaja I. Ja. Finanztätigkeit der Filiale der Ostland-Emissionsbank
in Minsk (1941–1944) 75
Kosel D. A. Organisationsstruktur und Führungsorganisation
in den Partisanenverbänden von Belarus
während des Großen Vaterländischen Krieges 81

Litwinowskiy I. A., Litwinowskaja Ju. I. Die Sowjetunion und die deutsche Frage am Ende des Großen Vaterländischen Krieges (Januar 1944 – Mai 1945) 91
Skrjabina L. S. Das Alltagsleben der Bevölkerung unter der deutschen Besatzung 1941–1943 (aufgrund der Unterlagen des Dobruscher Bezirks)..... 102
Hadasewitsch A. S. Belarussische Staatliche Universität während des Großen Vaterländischen Krieges 109
Schimanskaja N. A. Das Haupttätigkeitsfeld der Staatssicherheitsorgane auf dem besetzten Gebiet von Belarus (1941–1944) 114
Schtschawlinskij N. B. Das 120. Fliegergeschwader (Belarussische Luftgruppe) der Zivilluftfahrtflotte während des Großen Vaterländischen Krieges (1941–1945) 122
Tsimbal A. G. Die Situation der Bevölkerung in den besetzten Gebieten von Belarus aufgrund der Dokumentensammlung vom Generalbezirk Weißruthenien 129

BELARUS UND DEUTSCHLAND:
GESCHICHTE – KULTUR – ANDENKEN

Tschikalowa I. R. Die Herausbildung der Germanistik als Gebiet der Geschichtsforschung im Russischen Reich (XIX. – Anfang der XX. Jahrunderte) 136
Kuschnjarewitsch A. M. Deutsche Einflüsse in der belarussischen Malkunst (die erste Hälfte des XIX. Jahrhunderts) 152
Dmitrieva O. P., Kunitskiy W. W. Nationale Schulen auf dem belarussischen Territorium kurz vor und während des Ersten Weltkrieges 156
Smoljaninov M. M. Befreiung belarussischer Gebiete von deutschen Besatzern im Jahre 1918 160
Trubtschik A. G. Stadtverwaltung in Grodno (1918–1927) 169
Blagusch I. S. Das Exportpotential der Industrie in der postindustriellen Entwicklung: Lehren aus Deutschland und Herausforderungen für Belarus 176
Brigadina O. W. Rechtliche Situation der russischen Auswanderung in Deutschland in den 1920-er und 1930-er Jahren 183
Kontsewoj P. A. Einsatz der deutschen Reparationsausrüstung in den restaurierten und neu aufgebauten Industriebetrieben der BSSR (1945 – Anfang der 1950-er Jahre) 188
Tsimbal A. G. Die belarussische Frage in Westbelarus aus der Sicht von polnischen Nationaldemokraten und Konservativen in den 1920-er Jahren 197

IN MEMORY

Strelets M. W. Jürgen Zarusky: Ein Vorbild für selbstlosen Dienst an der Wissenschaft..... 202
Novikau S. Ya. Jürgen Zarusky – ein maßgebender Forscher des deutschen Nationalsozialismus und ein herausragender Fachmann in der Geschichte des Zweiten Weltkrieges 211

Verfasser der Beiträge und Berichte 217

Навуковае выданне

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Мінск, 5 красавіка 2019 г.

Выпуск 18

Адказны за выпуск *С. Я. Новікаў*

Рэдактары: *А. М. Баброўская, В. М. Васілеўская, В. С. Забродская, К. І. Кавалёва*
Ст. карэктар *С. А. Іванова*
Камп'ютарная вёрстка: *Н. В. Мельнік, Л. М. Пратасевіч*

Падпісана ў друк 19.03.2020. Фармат 60×84 1/16. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 13,02. Ул.-выд. арк.15,13. Тыраж 100 экз. Заказ 9.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: установа адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Пасведчанне пра дзяржаўную рэгістрацыю выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 02.06.2017 г. № 1/1499. ЛП № 02330/458 ад 23.01.2014 г. Адрас: вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск.